К. КАЛИНОВСКИЙ

ИЗ ПЕЧАТНОГО И РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ при ЦК КП БЕЛОРУССИИ —
ФИЛИАЛ ИНСТИТУТА
МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

К. КАЛИНОВСКИЙ

ИЗ ПЕЧАТНОГО И РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1988

ББК 87.3
К 11

Сборник подготовили: доктор исторических наук Р. П. ПЛАТОНОВ (руководитель), кандидат исторических наук Н. С. СТАШКЕВИЧ, кандидат философских наук В. Ф. ШАЛЬКЕВИЧ, научный сотрудник А. Н. ГЕСЬ.

Рецензент доктор философских наук *А. С. Майхрович*

К. Калиновский: Из печатного и рукописно-
К 11 го наследия/Ин-т истории партии при ЦК КП Белоруссии — фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— Мн.: Беларусь, 1988.— 208 с., 8 л. ил.
ISBN 5-338-00024-5

Главное содержание книги составляет документальный материал, рассказывающий о жизненном пути, революционной деятельности и общественно-политических взглядах К. Калиновского.

Предисловие и обширный пояснительный аппарат делает ее интересной не только для специалистов, но и для широкого круга читателей, интересующихся историей Белоруссии.

К $\frac{0202000000-55}{М\ 301(03)-88}$ БЗ 43—88 ББК 87.3+63.3(2Б)51

ISBN 5-338-00024-5

...Беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы...

В. И. ЛЕНИН

Я адплаціў народу,
Чым моц мая магла:
Зваў з путаў
на свабоду,
Зваў з цемры
да святла.

ЯНКА КУПАЛА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великие, героические имена есть в истории каждого народа. Немало таких имен и в истории Белоруссии. Среди них — имя замечательного революционера-демократа, мыслителя, поэта, публициста, руководителя восстания 1863 года в Белоруссии и Литве Кастуся (Викентия Константина Семеновича) Калиновского.

Жизнь К. Калиновского почти укладывается в короткий период между восстаниями 1830 и 1863 годов. На белорусских землях господствовали феодально-крепостнические порядки. Крестьяне, составлявшие почти 90 процентов населения Белоруссии, несли на своих плечах невыносимое бремя многочисленных феодальных повинностей. Многовековое господство крепостного права катастрофически сказывалось на положении в сельском хозяйстве, вело к периодическим неурожаям, обнищанию крестьянских масс, голоду, сокращению прироста населения. Петрашевец Н. А. Мамбелли, посетивший Белоруссию в 40-е годы XIX века, отметил: «И теперь еще пробегает холодный трепет по жилам при воспоминании о виденном мною кусочке хлеба, которым питаются крестьяне Витебской губернии: мука вовсе не вошла в его состав, он состоит из мякины, соломы и еще какой-то травы» [1].

Об исключительно тяжелом положении белорусских крестьян писал великий русский революционер-демократ А. И. Герцен, комментируя литографию Ю. Озембловского «Белорусский раб» [2], которую использовал А. Мицкевич при чтении лекций по истории славянских литератур в Коллеж де Франс [3]. В письме М. П. Боткину А. И. Герцен

---

[1] Дело петрашевцев. М.— Л., 1937. Т. 1. С. 280.

[2] *Бялокозович Б.* Кто был автором литографии «Белорусский раб», изданной А. Мицкевичем и описанной А. И. Герценом // Прометей. М., 1972. Т. 8. С. 189—191.

[3] В парижском лицее Коллеж де Франс А. Мицкевич читал лекции по истории славянских литератур с конца 1840 до середины 1844 года.

спрашивал: «Знаете ли вы литографию, некогда сделанную Мицкевичем, «Белорусского раба» — я на эту картину никогда не мог смотреть без биения сердца» [1]. А в брошюре «Крещеная собственность» он так описал свои впечатления: «Белорусский мужик, без шапки, обезумевший от страха, нужды и тяжкой работы, руки за поясом, стоит средь поля и как-то косо и безнадежно смотрит вниз. Десять поколений, замученных на барщине, образовали такого парию, его череп сузился, его рост измельчал, его лицо с детства покрылось морщинами, его рот судорожно скривлен, он отвык от слова» [2]. «Ненависть, смешанная со злобой и стыдом, наполняет мое сердце,— писал великий русский революционер-демократ,— когда я гляжу на этот жестокий упрек, на это «к топорам, братцы», представленное с поразительной верностью» [3]. Ответственность «за это преступление, за этого белоруса», заключал А. И. Герцен, несут его паны.

О нелегкой доле белорусского крестьянина знали К. Маркс и Ф. Энгельс. «Нет ничего бедственнее положения крестьян в *полесской* **(Пинск)** *части западных губерний*»,— писал К. Маркс [4].

На большую сумму недоимок, которые накопились за крестьянами Могилевской губернии, обращал внимание Ф. Энгельс [5].

Разумеется, против крепостного права крестьяне говоря словами В. И. Ленина, «боролись, как умели и как могли» [6]. Наиболее распространенными формами крестьянских протестов были: подача жалоб, отказ от выполнения сверхинвентарных и инвентарных повинностей, побеги, поджоги помещичьих построек, сопротивление помещикам, полиции и войскам, а также бунты и волнения, которые приобрели особенно большой размах в конце 50-х годов XIX века. Во второй трети XIX века в Белоруссии произошло более 90 крупных волнений в 190 селениях, из них половина приходилась на конец 40—50-х годов.

Новый подъем крестьянского движения в Белоруссии и Литве, как и во всей Российской империи, наблюдается в годы революционной ситуации 1859—1861 годов, явившейся ярким выражением кризиса всей феодально-крепостни-

---

[1] *Герцен А. И.* Собр. Соч.: В 30-ти т. М., 1962. Т. 26. С. 241.
[2] Там же. Т. 12. С. 99.
[3] Там же.
[4] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. 11. С. 143.
[5] Там же. С. 163.
[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 194.

ческой системы. В обстановке нараставших крестьянских выступлений царь и помещики пошли на отмену крепостного права. В 1861 году они осуществили реформу, которая, говоря словами К. Маркса, напоминала действия чиновника, собиравшегося межевать землю «в то самое мгновение, когда подземный гул возвестил уже вулканическое извержение, которому суждено было вырвать из-под его ног эту землю» [1].

По реформе 1861 года крестьяне объявлялись лично свободными, однако главный источник их существования — земля, как и раньше, оставалась в собственности помещиков. Крестьяне получили в пользование лишь крохотные наделы, которых явно не хватало для ведения хозяйства. Правда, им разрешалось, за очень высокую плату, выкупать наделы. До выкупа земли они, как и прежде, должны были выполнять барщину и платить оброк. Таким образом, и после реформы 1861 года крестьяне оставались такими же угнетенными, бесправными, как и раньше. Подготовленная и проведенная помещиками реформа ограбила белорусских крестьян. В ответ по всей Белоруссии начались крестьянские волнения.

Большое влияние на подъем освободительной борьбы в Белоруссии и Литве оказали идеи русских революционных демократов и польское национально-освободительное движение, которое в начале 60-х годов XIX века развернулось с необычайной силой.

Мощный импульс ему сообщили трагические события в феврале 1861 года в Варшаве. Суть их состояла в следующем. 21 февраля в Варшаве открылся съезд основанного в 1857 году Земледельческого общества, которое в глазах современников являлось политической партией польского дворянства. Общество, информированное о подготовленном в России Положении 19 февраля, которое не распространялось на Царство Польское, должно было высказать свое мнение о способе разрешения крестьянского вопроса на польских землях. И хотя польские крестьяне к тому времени были уже лично свободными, еще оставались нерешенными такие важные проблемы, как отмена барщинно-феодальных повинностей и наделение крестьян землей. Предстоящая реформа в России вынуждала польских помещиков поступиться частью своих интересов, чтобы предотвратить взрыв возмущения польского крестьянства. Однако польские помещики не спешили расставаться

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 39.

с феодально-крепостническими методами эксплуатации. Нежелание Земледельческого общества согласиться на крестьянскую реформу было столь очевидно, что революционные кружки Варшавы (Э. Юргенса, Н. Янчевского, Я. Кужилы), возникшие в конце 50-х годов, решили организовать 27 февраля 1861 г. демонстрацию, чтобы оказать давление на членов Земледельческого общества. Эта демонстрация окончилась трагически. Войска открыли огонь по безоружному народу. Пять человек было убито, несколько десятков ранено [1].

После февральских событий на территории Польши начались манифестации, которые перекинулись затем на белорусские и литовские земли.

В 1862 году в Варшаве был создан Центральный национальный комитет (ЦНК), который возглавил подготовку восстания. Он стремился объединить в русле национально-освободительной борьбы различные по своему социальному составу политические группировки — «белых» и «красных».

Группировка «белых» объединяла крупных помещиков и верхушку буржуазии, которые выступали за восстановление Польши в границах 1772 года (т. е. за включение в ее состав Белоруссии, Литвы и Украины) и сохранение в ней своих прав и привилегий во всех сферах социальной жизни. «Белые» были решительными противниками радикальных средств борьбы с самодержавием и осуществление своих планов связывали с дипломатическим давлением и интервенцией со стороны Англии и Франции.

Группировка «красных», в которой объединялись малоземельная и безземельная шляхта, разночинная интеллигенция и офицеры, достижение национальной независимости связывала с вооруженной борьбой. Однако по основным программным вопросам — аграрному и национальному — правое крыло «красных» блокировалось с «белыми». И лишь другая, более радикальная часть «красных» — левая, которая находилась под влиянием русских революционеров-демократов, выступала за безоговорочное наделение крестьян землей, против великодержавных планов «белых» и правого крыла «красных».

В начале 60-х годов в связи с оживлением освободительной борьбы в Белоруссии и Литве также образовались две политические группировки — «белых» и «красных», которые как по своему социальному составу, так и по

[1] История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 107—108.

идейным позициям были близки к подобным течениям в национально-освободительном движении Польши. «Белые» в Белоруссии и Литве не признавали за белорусским и литовским народами никаких прав. Они стремились защитить свои существующие и восстановить утраченные в годы царствования Николая I привилегии. И только левое, революционно-демократическое крыло «красных», которое выражало интересы белорусских и литовских крестьян, выступило за полное уничтожение помещичьего землевладения и наделение крестьян землей, решительно отвергло националистические устремления польской шляхты. Наиболее выдающимся среди них был К. Калиновский, который возглавил борьбу белорусских и литовских крестьян за «землю и волю», стремясь объединить их силы в борьбе против царизма с революционными силами России и Польши.

Викентий Константин Семенович Калиновский родился 2 февраля (21 января) 1838 года в деревне Мостовляны Гродненского уезда и губернии в многодетной семье безземельного шляхтича, владельца небольшой фабрики льняных изделий [1]. При крещении (по принятому у католиков обычаю) К. Калиновский получил два имени — Викентий и Константин. Поэтому в официальных документах обычно встречаются либо оба имени, либо имя Викентий. В повседневном общении, а также в революционной работе Калиновский наряду с конспиративными кличками чаще пользовался именем Константин, о чем можно судить как по жандармским донесениям, так и по воспоминаниям его соратников и современников (Ф. Рожанского, И. Калиновского, Л. Родзевич и др.).

Широко употребляемое в настоящее время имя Кастусь (белорусский вариант имени Константин) впервые появилось уже после Великой Октябрьской социалистической революции, в публицистике 20-х годов. Значительную роль в его распространении сыграла популярная в свое время пьеса Евстигнея Мировича «Кастусь Калиновский» (1923 год). Сам К. Калиновский этим именем не пользовался.

Примерно через десять лет после рождения Константина семья Калиновских переехала в соседнюю деревню Якушовку (ныне Свислочский район Гродненской области). В Мостовлянах и Якушовке, расположенных на краю

---

[1] В настоящее время деревня Мостовляны находится на территории ПНР (Белостокское воеводство).

Беловежской пущи, в тесном общении с величественной природой, среди белорусских крестьян прошли детские годы будущего революционера.

В 1847 г. К. Калиновский поступил в Свислочскую гимназию — одно из лучших средних учебных заведений Гродненской губернии. В ней витал дух свободомыслия, существовали тайные товарищества. Из ее стен вышло немало видных деятелей русской, белорусской и польской демократической культуры, ряд известных революционеров. Среди них — ректор Казанского университета, академик Петербургской Академии наук Осип Ковалевский, профессор Виленской медико-хирургической академии, первый исследователь флоры Беловежской пущи Станислав Горский, зачинатель реализма в польской литературе, писатель Юзеф Крашевский, революционеры Леон Зенкович, Ромуальд Траугутт, Владислав Малаховский. Обучение в Свислочской гимназии оказало большое влияние на формирование мировоззрения юного Калиновского. К сожалению, о детских и гимназических годах К. Калиновского до нас дошло очень мало сведений.

Значительно больше мы знаем о времени пребывания К. Калиновского в Петербургском университете, куда он поступил осенью 1856 года[1]. В Петербурге К. Калиновский не только успешно обучается на камеральном отделении юридического факультета университета, но и знакомится с революционной публицистикой «Современника» и «Колокола», зачитывается трудами Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Н. П. Огарева, увлекается идеями классической немецкой философии и западноевропейского утопического социализма, культурой славянских народов, активное участие принимает в деятельности революционных кружков Петербурга. В частности, он и его брат Виктор входили в нелегальный революционный кружок Сигизмунда Сераковского, находившийся под идейным влиянием А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского, лучших традиций польского национально-освободительного движения. Известно, что в годы обучения в университете К. Калиновский наладил связи с членами революционного общества «Земля и воля». Именно здесь, в Петербурге, К. Калиновский стал убежденным сторонни-

[1] Обучение К. Калиновского в Московском университете, о чем пишут некоторые исследователи (Б. Лимановский, В. Студницкий и др.), не подтверждается документальными данными.

ком революционно-демократических идей, непримиримым врагом самодержавия и крепостничества.

Насколько богатой и возвышенной была жизнь К. Калиновского в духовной сфере, настолько бедной и прозаической была она в сфере материальной. Зачисленный 5 октября 1856 г. «в число своекоштных студентов 1 курса разряда камеральных наук юридического факультета» К. Калиновский долгое время не получал стипендии. Лишен он был и материальной поддержки со стороны отца, что подтверждается публикуемым впервые в настоящем сборнике письмом Виктора Калиновского (старшего брата Константина) к Августу Белёвскому, директору библиотеки им. Оссолинских во Львове, которое хранится ныне в рукописном отделе библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве (ПНР).

Таким образом, К. Калиновский, подобно многим разночинцам того времени, вынужден был добывать средства к существованию репетиторством, прослыв среди прогрессивной студенческой молодежи того времени «как хороший преподаватель уроков» [1].

Поскольку средств от репетиторства не хватало, он вынужден был обращаться к университетскому начальству за материальной помощью.

Закончив Петербургский университет со степенью кандидата прав, К. Калиновский в начале 1861 года вернулся на родину, в Белоруссию. Здесь нарастала волна крестьянских выступлений, вызванных грабительским характером крестьянской реформы, а также манифестационного движения в городах, которое началось в знак солидарности с польским национально-освободительным движением.

После варшавских событий в феврале 1861 года К. Калиновский создает в Гродно нелегальную революционную организацию. В нее вошли наиболее прогрессивные представители местной разночинной интеллигенции. Среди них особенно выделялся Валерий Врублевский, будущий генерал Парижской коммуны, член Генерального Совета I Интернационала, друг К. Маркса и Ф. Энгельса. В том же году К. Калиновский вошел в созданный в Вильно Комитет движения (с 1862 г.— Литовский провинциальный комитет), который под его руководством начал подготовку восстания в Белоруссии и Литве.

[1] *Гогель Н. В.* Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильно, 1867. С. 66.

Убежденный, что успех восстания будет зависеть от участия в нем крестьянских масс, К. Калиновский вел активную революционную агитацию среди крестьян, просвещал их, воспитывал у них ненависть к самодержавию и помещикам. Чтобы нести в массы крестьян идеи свободы, борьбы с самодержавием и крепостничеством, К. Калиновский совместно с Ф. Рожанским и В. Врублевским основал нелегальную типографию и организовал выпуск первой белорусской демократической газеты «Мужицкая правда», большинство материалов для которой написал сам. С июля 1862 г. по апрель 1863 г. вышло 7 номеров, подписанных псевдонимом «Ясько-гаспадар из-под Вильно». Газета получила широкое распространение среди населения.

На страницах «Мужицкой правды» разоблачалась классовая сущность самодержавия, грабительский характер реформы 1861 года, проведенной в интересах крепостников, подвергалась уничтожающей критике вся система общественных отношений самодержавно-помещичьей России. Газета призывала крестьян готовиться к вооруженной борьбе за настоящую землю и волю: «...Нам не манифестов, а свободы нужно — и свободы не такой, какую нам царь пожелает дать, а какую мы сами, мужики, между собой сделаем. А для того, ребята, чтобы никто вас не мог обмануть, теперь уже толкуйте между собой, какой вам свободы нужно и каким единственно способом мужик ее добыть может».

С именем К. Калиновского связано также основание и издание на польском языке газеты «Знамя свободы», предназначавшейся для революционной агитации польского населения Белоруссии и Литвы. Он редактировал первые два номера этой газеты. В Литовском провинциальном комитете К. Калиновский первым поставил на повестку дня национальный вопрос. «Когда же в устроенном комитете Константин Калиновский вступил в число его членов,— писал В. Ф. Ратч [1],— тогда он этот вопрос, смутно пони-

[1] В. Ф. Ратч (1816—1870) — генерал-майор, помощник начальника артиллерии Виленского военного округа. Осенью 1864 г. получил приказание написать официальную историю восстания 1863—1864 гг. в Белоруссии и Литве. В основу работы В. Ф. Ратча был положен ценный (частично утраченный к настоящему времени) документальный материал, в связи с чем совершенно несостоятельная с методологической точки зрения публикация В. Ф. Ратча носит характер первоисточника, которым пользуются историки восстания.

маемый и на который никто не обращал внимания, па первых заседаниях стал приводить в ясность» [1].

В решении национального вопроса К. Калиновский был последователем А. И. Герцена, который связывал национальное освобождение с социальным, т. е. с уничтожением помещичьего землевладения и самодержавия и наделением крестьян землей. Герцен считал, что этой цели можно достигнуть только путем сплочения революционных сил всех угнетенных народов, предоставив им права после свержения самодержавия самостоятельно распоряжаться своей судьбой. В письме «Русским офицерам в Польше» 10 октября 1862 года А. И. Герцен писал так: «Земля крестьянам, самобытность областям — на этом основании, и только на нем, может утвердиться деятельный союз ваш с польскими братьями» [2].

Выдвигая тезис независимости Польши, А. И. Герцен в свою очередь требовал от поляков отказа от притязаний на белорусские, литовские и украинские земли. В том же письме он восклицал: «Быть Литве, Белоруссии и Украине с кем они быть хотят или ни с кем, лишь бы волю их узнать — не поддельную, а действительную» [3].

Взгляды А. И. Герцена разделял К. Калиновский. Он вел упорную и последовательную борьбу с националистическими притязаниями той части польских шляхетских революционеров, которая требовала восстановления Польши в границах 1772 года и включения в ее состав белорусских, литовских и украинских земель. К. Калиновский, как писал В. Ф. Ратч, выступал против «слияния с Польшей». Он хотел, чтобы отношения между Белоруссией, Литвой и Польшей даже на начальном этапе освободительной борьбы строились на основе равноправия и суверенности.

К. Калиновский болезненно реагировал на малейшие попытки ущемить права Литовского провинциального комитета руководством восстания в Варшаве. Он, в частности, выступил против попытки ЦНК заменить название Литовского комитета на Исполнительный отдел, требовал, чтобы денежные средства Литовский комитет расходовал на нужды восстания самостоятельно. Решение вопроса о

[1] Цит. по: *Киселев Г. В.* К характеристике революционного мировоззрения К. С. Калиновского: («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник) // Славянское источниковедение. М., 1965. С. 45.

[2] *Герцен А. И.* Собр. соч. Т. 16. С. 253.

[3] Там же. С. 254.

будущем государственно-территориальном устройстве Белоруссии и Литвы К. Калиновский оставлял за народами этих земель. Отстаивая право белорусского и литовского народов на самоопределение, замечательный революционер-демократ вместе с тем настойчиво пропагандировал идею революционного союза угнетенных царизмом народов.

В ночь с 22 на 23 января 1863 г. в Польше (ранее намеченного срока) вспыхнуло восстание. Несколько дней спустя весть об этом вместе с Манифестом и декретами Временного правительства (так стал именовать себя Центральный национальный комитет) привез в Вильно революционный комиссар Августовского воеводства Юзефович-Пиотровский [1].

Однако в аграрных декретах ЦНК проявилась классовая ограниченность правого крыла «красных». Стремясь объединить под общим знаменем крестьян и помещиков, они предлагали компромиссное решение аграрного вопроса на базе сохранения помещичьего землевладения. Такой подход не соответствовал интересам крестьянства.

Январская программа ЦНК, таким образом, опиралась на чуждую крестьянству идею «классового мира», которая широко пропагандировалась среди белорусского и литовского крестьянства как «белыми», так и правыми «красными». Крестьян убеждали, что за участие в восстании помещики добровольно «подарят» им «землю, которой они пользуются». Однако политика «классового мира» не находила поддержки у крестьянства.

Революционные демократы Белоруссии и Литвы ясно видели ограниченность январской программы и несостоятельность призывов шляхты к «классовому миру», однако решили поддержать восстание в Польше, осознавая, что вне связи с польским национально-освободительным движением не может быть успешного революционного выступления на белорусских и литовских землях. Поэтому с первых же шагов революционно-практической деятельности К. Калиновский высказался за тесный союз с польскими революционерами, заявив: «Польское дело — это наше дело, это дело свободы».

Последовательно защищая коренные социальные и национальные интересы белорусского и литовского народов, Литовский провинциальный комитет во главе с К. Кали-

---

[1] Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. М., 1964. С. 174.

новским повел борьбу за демократизацию восстания, стремясь в ходе вооруженной борьбы при активной поддержке крестьянства радикально изменить программу.

Объявив себя Временным правительством Литвы и Белоруссии, Литовский провинциальный комитет обратился к населению с пламенным воззванием: «Братья! Королевство восстало... Кровь, которая льется за Неманом, призывает нас к оружию! Приближается час борьбы... за наши священные права, за нашу свободу! Выступим же все вместе и дружно!..» [1] Одновременно Временное правительство разослало членам повстанческой организации, созданной ранее на территории Белоруссии и Литвы, инструкцию, в которой говорилось: «Чтобы не позволить захватчикам направить все свои силы на Конгрессовку (Польшу.— *Ред.*), в которой восстание развивается успешно, все уезды Литвы и Белоруссии должны подняться и начать борьбу». Орган Литовского провинциального комитета — газета «Знамя свободы», редактором которой был К. Калиновский, также призвала «народ Литвы и Белоруссии» к битве за свободу родины в союзе с «братьями с берегов Вислы и Днепра».

На территории Белоруссии и Литвы начали создаваться первые повстанческие отряды под руководством К. Корево, Л. Нарбута, Ф. Вислоуха и других. Они состояли из мелкой шляхты, ремесленников, студентов высших учебных заведений, гимназистов старших классов. В повстанческих отрядах Белоруссии и Литвы принимали участие крестьяне, которые связывали с революционной властью надежды на реализацию справедливых аграрных преобразований. В них входили представители различных национальностей. Плечом к плечу с белорусами, литовцами и поляками против самодержавия сражались передовые сыны России. Наблюдалось много примеров перехода на сторону повстанцев русских солдат.

С самого начала вооруженной борьбы Временное правительство Литвы и Белоруссии, в котором решающую роль играл К. Калиновский, взяло курс на массовое народное восстание, на активное вовлечение в повстанческие отряды крестьян. Об этом свидетельствует ряд документов. Так, один из пунктов «Инструкции для военных начальников, воеводских и уездных» требовал «поднять на самый высокий уровень» повстанческую пропаганду, «направляя ее в первую очередь на сельских жителей и крестьян».

---

[1] Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. М., 1965. С. I.

В этом же документе указывалось на необходимость проведения аграрной реформы: «Наделение крестьян землей в собственность проводить... в каждой волости, где только будет сила для поддержания распоряжений».

Еще более решительно требование наделения крестьян землей прозвучало в «Инструкции Временного правительства командирам повстанческих отрядов», написанной в конце февраля 1863 года: «В местностях, занятых повстанцами или во вновь занимаемых, обнародовать и немедленно приводить в исполнение декрет Временного правительства о наделении крестьян землей».

Для понимания революционно-демократической направленности восстания в Белоруссии и Литве важен восьмой пункт этой инструкции: «Наиболее явных угнетателей крестьян для примера в присутствии жителей волости по решению военного суда карать смертью, не допуская самочинной расправы».

Стремление К. Калиновского последовательно отстаивать интересы крестьян шло вразрез с планами и интересами «белых», которые на начальном этапе примкнули к восстанию, рассчитывая не столько на повстанческую борьбу, сколько на дипломатическое давление и интервенцию со стороны Англии и Франции. Чтобы сорвать развитие взятого К. Калиновским курса на народное восстание, они вошли в сговор с умеренными элементами, которые к этому времени взяли верх в Центральном национальном комитете в Варшаве. Последние также были недовольны действиями К. Калиновского, стремившегося сохранить самостоятельность в руководстве и организации восстания в Белоруссии и Литве.

В марте 1863 г. Центральный национальный комитет, состоявший из противников аграрной революции, принял решение о роспуске Литовского провинциального комитета. Вместо него был образован из «белых» «Отдел, управляющий провинциями Литвы» во главе с крупным ковенским помещиком Якубом Гейштором. Членам Литовского провинциального комитета было объявлено, что, если они не подчинятся решению, их фамилии будут опубликованы в газетах как фамилии изменников народному делу. Таким образом, члены комитета были поставлены не только перед угрозой выдачи в руки царских властей, но и перед угрозой утраты доверия со стороны участников освободительного движения. Сторонникам К. Калиновского пришлось уступить. В результате немногим более месяца спустя после начала вооруженной борьбы Литовский провинци-

альный комитет во главе с К. Калиновским был отстранен от руководства восстанием. «Белые» постановили предать Калиновского своему суду. По его делу началось следствие.

Пришедший в начале марта 1863 г. на смену Литовскому провинциальному комитету «Отдел, управляющий провинциями Литвы» во главе с Я. Гейштором оказался неспособным возглавить национально-освободительную борьбу. Выражая интересы крупной шляхты, он препятствовал развитию народного восстания. Боясь аграрной революции, «белый» Отдел самоизолировался от народных масс.

Своим первым декретом от 27 февраля (11 марта) 1863 г. Отдел отменил все полномочия и мандаты, выданные Литовским провинциальным комитетом, отказываясь таким образом от сотрудничества с «красными». «Белые, получив власть в свои руки,— писал член варшавского Центрального комитета О. Авейде,— совершенно удалили от участия в управлении живой, молодой, собственно революционный элемент. Важные должности комиссаров, начальников воеводств и уездов доставались почти исключительно весьма добрым и весьма спокойным, просто говоря, гнилым шляхтичам-помещикам». Стремясь направить восстание по безопасному для шляхты пути, Отдел отказался от принципов, выдвинутых К. Калиновским.

На пассивности отдела сказалась также утрата «белыми» надежды на какую-либо помощь со стороны Англии и Франции.

Наконец, окончательно парализовали деятельность «белого» Отдела жестокие репрессии М. Н. Муравьева, виленского генерал-губернатора, прибывшего с чрезвычайными полномочиями в середине мая 1863 г. в Вильно вместо прежнего генерал-губернатора В. Н. Назимова. Первая публичная казнь состоялась уже неделю спустя после приезда Муравьева. С этого времени казни стали частым явлением. Всего по приказу М. Н. Муравьева было повешено и расстреляно на территории Белоруссии и Литвы 128 человек. За жестокость, проявленную во время подавления восстания 1863—1864 годов в Белоруссии и Литве, народ прозвал М. Н. Муравьева «вешателем». Убийственную характеристику М. Н. Муравьеву как личности дали великие русские революционеры-демократы А. И. Герцен в памфлете «Портрет Муравьева» и Н. Г. Чернышевский в романе «Пролог».

С началом репрессивных мер «белый» Отдел по сути дела самоликвидировался. В первых числах июня 1863 г. большинство его членов было арестовано, что походило скорее на добровольную запланированную сдачу в руки властей. Так бесславно закончил свое трехмесячное существование «Отдел, управляющий провинциями Литвы».

В течение трех месяцев бездействия «белого» Отдела повстанческая борьба разворачивалась независимо от его руководства. В Гродненской губернии энергично действовал К. Калиновский, куда он был назначен под давлением демократических сил на пост революционного комиссара губернии (после роспуска Литовского провинциального комитета). Его деятельность на этом посту была подчинена задаче демократизации восстания, вовлечения в него широких масс крестьянства. Были предприняты меры по отстранению помещичье-шляхетских элементов от руководства восстанием, созданию подлинно демократической гражданской администрации, практическому осуществлению земельных декретов, укреплению военной организации повстанческого движения. Отряды, которыми руководил соратник К. Калиновского В. Врублевский, вели успешные бои с царскими войсками. Так, благодаря самоотверженной деятельности К. Калиновского и В. Врублевского Гродненская губерния стала центром повстанческого движения в Белоруссии.

В Минской губернии храбро сражались отряды Станислава Лясковского и Антона Трусова, будущего члена русской секции I Интернационала. Ряд удачных боевых операций на Брестчине провел повстанческий отряд под командованием Ромуальда Траугутта.

Значительных успехов добились повстанцы Ковенской губернии, которыми руководили замечательный литовский революционер-демократ Антанас Мацкявичюс и бывший член Литовского провинциального комитета Болеслав Длуский.

Между тем «белый» Отдел ничего не делал для пополнения повстанческих отрядов, которые быстро таяли в неравной борьбе с царскими войсками. Пассивная тактика «белых» была на руку царскому правительству. Оно успело сконцентрировать войска для наступления. В мае 1863 г. в трехдневном бою на литовско-латвийской границе были разбиты отряды С. Сераковского, который намеревался осуществить поход в Курляндию, чтобы усилить начинавшееся там движение местных крестьян. С. Сераковский был взят в плен и казнен.

Безуспешной оказалась также попытка отряда Л. Звеждовского, бывшего члена Литовского провинциального комитета, пробиться из Могилевской губернии в Смоленскую, чтобы поднять на борьбу с царизмом крестьян русских губерний. Отряд Л. Звеждовского был настигнут в пути и разбит царскими войсками.

В этот критический момент К. Калиновский вновь возглавил руководство восстанием. В начале июня 1863 г. он прибыл в Вильно. И военные, и гражданские повстанческие организации находились на грани распада. Наиболее способные и решительные командиры (С. Сераковский, Л. Нарбут и многие другие) погибли в сражениях, основной состав отрядов был потерян.

Безысходную картину нарисовал в своих показаниях Виленской следственной комиссии заведующий военным отделом однофамилец Константина Иосиф Калиновский: «Я... из рапортов... вывел самые неблагоприятные заключения о порядке, строе, дисциплине и других условиях вооруженных сил. Данных о числительности оных не было совсем или были, но очень неполные; вооружение было самое плохое, многие начальники отрядов не были известны, действовали отдельно и не представляли никакого ручательства успеха». Не лучшим было положение и в гражданской повстанческой администрации, многих представителей которой к тому времени арестовали. В некоторых уездах (и даже губерниях) ее уже не существовало, так как летом 1863 года «белые» начали массовый отход от восстания, подписывая верноподданнические адреса и самовольно покидая доверенные им «белым» Отделом посты. «Восстание умирало»,— так охарактеризовал обстановку летом 1863 года известный писатель В. Г. Короленко в своих воспоминаниях «История моего современника».

А вот анализ положения, сделанный самим К. Калиновским: «Приезд мой в Вильно (в начале июня 1863 г.— *Ред.*) наступил во время повсеместного расстройства в Литве, как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном состоянии края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получал от Дюлерана, но при всем моем желании не мог добиться коекаких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством насчет сообщений, слабая власть Виленского отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания

не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несут свою жизнь на бесполезную цель, были причинами того, что восстание приняло характер местный и народные власти воеводские в случаях только необходимости и возможности обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений... я... мог только прийти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то разве предсмертные его судороги».

Несмотря на невероятные трудности, у К. Калиновского не опустились руки. Революционер-демократ видел два главных средства, при помощи которых надеялся раздуть затухавший пожар восстания.

Во-первых, привлечь к участию в вооруженной борьбе массы крестьян и таким образом повести восстание в Белоруссии и Литве по пути крестьянской революции.

Во-вторых, всемерно укреплять связи с освободительным движением в России, в частности с русской революционной организацией «Земля и воля», только в тесном союзе с которой можно было идти к общей стратегической цели — всероссийской крестьянской революции.

Первоочередной мерой, которая должна была вдохнуть свежие силы в национально-освободительную борьбу, было воссоздание гражданской администрации. К. Калиновский привлек к руководству восстанием наиболее радикальных представителей белорусской и литовской интеллигенции из числа своих бывших университетских товарищей и единомышленников — Владислава Малаховского, Игнатия Здановича, Титуса Далевского и других. Одновременно из числа близких, проверенных людей он воссоздавал и укреплял повстанческую администрацию на местах, расстроенную репрессиями царских властей, а также отходом многих представителей дворянства от восстания. Революционным комиссаром Виленской губернии был назначен инженер Мечислав Дормановский, военным руководителем — Феликс Вислоух, революционным комиссаром Гродненской губернии — Эразм Заблоцкий, военным руководителем — Валерий Врублевский, революционным комиссаром Ковенской губернии — Юлий Мацкевич, военным руководителем — Игнатий Лясковский, революционным комиссаром Минской губернии — Иосиф Ямонт, военным руководителем — Станислав Лясковский. Новые руководители были назначены во многие уезды. Таким образом, в короткий срок К. Калиновскому удалось воссо-

здать разрушенные М. Н. Муравьевым звенья революционной повстанческой администрации.

Это было не простое замещение вакантных мест. К. Калиновский выдвигал людей, близких ему по политическим убеждениям, перед которыми ставились иные, чем прежде, задачи. Так, посылая в Минск революционным комиссаром Иосифа Ямонта, который должен был сменить на этой должности помещика К. Пеликшу, К. Калиновский просил его разработать систему «средств, которыми можно было бы привлечь крестьян к восстанию». И. Ямонту поручалось также узнать, как встречает население воззвания, вырабатываемые повстанческим центром в Вильно, а также в каком направлении следует изменять их, чтобы лучше отражать желания крестьянства.

Состав нового руководства свидетельствовал о том, что во главе восстания на его заключительном этапе стали революционные демократы, воспитанные на прогрессивных идеях А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, С. Сераковского, Я. Домбровского, С. Ворцеля. Иначе и не могло быть, так как в сложившихся условиях продолжать борьбу могли только те, кто безоговорочно верил в справедливость начатого дела и готов был использовать самые решительные средства, опираясь на революционное движение масс, в первую очередь крестьян.

Свидетельством тому является написанный К. Калиновским 11 июня 1863 года «Приказ... к народу земли литовской и белорусской». Это исключительный по своему революционному накалу и теоретическому содержанию документ. Он является ценным вкладом в белорусскую и литовскую общественно-политическую мысль того времени.

Приказ, как видно из заглавия, обращен к народу, в первую очередь к крестьянским массам Белоруссии и Литвы. Не случайно в повстанческой переписке он именовался как «Приказ мужикам». В документе содержался ясный ответ на глубоко волновавший крестьян основной вопрос того времени — кому должна принадлежать земля. Приказ давал однозначный ответ, что земля должна принадлежать крестьянам.

Вот строки этого важнейшего документа: «Правительство отдает вам безо всякого выкупа и чиншей ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды...

Миновала уже барщина, миновала ваша обида, и никакая сила ее не вернет... Теперь настало такое время, что каждому будет отмерено так, сколько он сам себе отмерит... Чиншей, оброков и податей в казну... а также панам

никаких больше не платить, потому что эта земля уже ваша...»

В Приказе объявлялось далее, что правительство дает крестьянам «настоящую свободу». Земля и воля провозглашались неотъемлемым правом населения Белоруссии и Литвы. Противиться этому праву, говорилось в Приказе, может только царь. Он хочет сохранить старую систему угнетения и, чтобы не допустить участия крестьян в восстании, которое несет конец владычеству самодержавия, внушает им, что восстание — дело рук помещиков, которые хотят «возвратить барщину», то есть вернуть крепостное право. Разоблачая пропагандистские приемы самодержавия, К. Калиновский писал, что царь «хочет воду замутить, чтобы в мутной воде по-старому рыбу ловить». Но «дело наше — не дело панское,— говорилось в Приказе,— а справедливой свободы, которой ваши деды и отцы издавна ждали...»

Приказ призывал крестьянские массы отстаивать свои права на землю и волю с оружием в руках. В этой борьбе никто не может оставаться нейтральным, даже помещики, которые должны подчиниться воле и интересам большинства населения.

Таким же решительным революционным духом дышит другой, примыкающий к Приказу документ того времени — письмо к Вислоуху, в котором провозглашалась беспощадная борьба с дворянским саботажем. «Дворянство боится муравьевских виселиц и его секвестров,— говорилось в нем,— так поставим же его так, чтобы ему пришлось выбирать между нашей петлей и пучком смолистой лучины и царской карой».

Революционный террор, провозглашавшийся прежде всего по отношению к дворянству, не исключался и по отношению к некоторым не осознающим своего долга перед обществом крестьянам. Во избежание стихийности в этом важном вопросе К. Калиновский создал революционную жандармерию и революционные суды, которые должны выносить приговоры предателям.

Одновременно с воссозданием и преобразованием административной и военной организации восстания большое значение придавалось улучшению вооружения отрядов. Как следует из опубликованного в 1973 г. в ПНР письма начальника повстанческой агентуры в Восточной Пруссии Ю. Лукашевского К. Калиновскому, написанного в середине января 1864 года, повстанческая организация Белоруссии и Литвы получила к тому времени нового оружия

на значительную сумму — 12 тысяч талеров [1]. Оружие, поставляемое повстанцам нелегально, способствовало укреплению сил партизанских отрядов. Руководство восстанием решило также изменить тактику вооруженной борьбы, осознавая, что партизанские отряды не могут противостоять регулярной армии в открытом бою, ибо значительно уступали в вооружении и военной выучке. Рекомендовалось действовать небольшими группами. Избегая открытых столкновений с регулярными войсками, они должны были, как выражался В. Ратч, «чинить единовременно всевозможные беспорядки, разрушать все нити правительственной власти и при помощи лесов, беспрестанными быстрыми передвижениями... ускользать от преследования войск, утомлять их и весь край охватить разлившимся пожаром мятежа» [2].

Посредством такой тактики К. Калиновский, по словам В. Ратча, предполагал «все население Северо-Западного края вовлечь в мятеж». Но это была только часть большой стратегической задачи.

Другая состояла в том, чтобы из Белоруссии и Литвы (Северо-Западного края) распространить вооруженную борьбу на соседние с ними губернии России и таким образом превратить восстание во всероссийскую крестьянскую революцию. Эту задачу К. Калиновский намеревался выполнить в союзе с русской революционной организацией «Земля и воля». Именно с этой целью было поручено В. Малаховскому, в начале августа 1863 года спешно выехавшему из Вильно в Петербург, наладить в столице связи с этой организацией. В. Малаховский выполнил это поручение. Один из организаторов «Земли и воли» Л. Ф. Пантелеев по этому поводу в своих воспоминаниях писал: «Летом приезжал из Вильно Малаховский и хотя говорил, что восстание все более и более разгорается, тем не менее умолял о какой-нибудь диверсии» [3].

Однако обескровленная арестами землевольческая организация не в состоянии была оказать помощи повстанцам. Член Центрального национального комитета О. Авейде, приехавший в середине августа 1863 г. из Варшавы в Вильно, писал по этому поводу так: «Во время моего пребывания в Вильно Малаховский Владислав писал из Пе-

---

[1] Łukaszewski J. Pamiętnik z lat 1862—1864. Warszawa, 1973. S. 283.

[2] *Ратч В.* Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильно, 1867. Т. 1. С. 202.

[3] *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М.—Л. 1958. С. 324.

тербурга к Калиновскому, что он познакомился с русскими революционерами (т. е. с Комитетом) и что в самом деле они слабы, но что он советует Виленскому комитету помогать им для пользы революции и просил именно прислать им одну тайную типографию... Калиновский... приказал отправить по указанному Малаховским адресу в Петербург типографию, вновь выписанную из-за границы» [1]. Таким образом, К. Калиновский действовал как революционер-интернационалист, последователь великих русских революционеров-демократов. Он ясно осознавал, что только тесный союз с освободительным движением России может облегчить решение главной стратегической задачи — победы крестьянской революции, воплощение в жизнь социальной и национальной программы восстания.

Вследствие энергичных действий К. Калиновского восстание несколько оживилось. Его усилия, направленные на расширение социальной базы вооруженной борьбы, способствовали притоку в повстанческие отряды массы крестьян. Особенно это характерно для Гродненской и Ковенской губерний. В связи с этим герценовский «Колокол» 10 июня 1863 года писал, что в Белоруссии и Литве «крестьяне с каждым днем принимают более искреннее участие в восстании». Кроме непосредственного участия в вооруженной борьбе крестьянство оказывало повстанцам помощь в доставке оружия, продовольствия, обеспечивало отряды опытными проводниками, информировало их о передвижении царских войск и т. д.

Однако при всем героизме, мужестве, стойкости и самоотверженности горсточке отважных революционеров во главе с К. Калиновским не удалось поднять политически еще незрелые крестьянские массы на организованную вооруженную борьбу против самодержавия, отстоять провозглашенные права и свободы в борьбе с многотысячной царской армией.

Несмотря на поражение, восстание 1863—1864 гг. имело большое значение в истории белорусского и литовского народов. Оно стало важной вехой на пути совместной борьбы народов России против царизма, помещиков и буржуазии, оказало прямое воздействие на дальнейшее развитие освободительного движения.

Восстание содействовало становлению революционных интернациональных связей между народами России. «В хо-

[1] Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 1. С. 566.

де восстания,— отмечается в предисловии к сборнику «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.»,— складывался революционный союз народов Литвы и Белоруссии с русским, польским и другими народами, ведущими борьбу с самодержавием» [1].

До последней минуты вооруженной борьбы К. Калиновский оставался на своем посту, демонстрируя высокие организаторские и моральные качества. Выданный предателем, он был арестован в ночь с 28 на 29 января (с 8 на 9 февраля) 1864 г. в Вильно. На допросе мужественный революционер держал себя с достоинством, не выдав ни своих соратников, ни планов, связанных с восстанием. До конца своих дней он остался несгибаемым борцом, о чем свидетельствуют «Письма из-под виселицы», написанные К. Калиновским во время следствия между 29 января и 10 марта 1864 года в виленской тюрьме и переданные конспиративным путем соратникам на волю. Письма предназначались для публикации в газете «Голос из Литвы», издававшейся повстанческой администрацией в Кенигсберге. Они не были напечатаны, так как газета к тому времени перестала выходить. Из Кенигсберга письма были доставлены во Францию и опубликованы в 1867 году в Париже. Генезис и содержание писем — одна из наименее изученных проблем в идейном наследии К. Калиновского.

Последние письма К. Калиновского — это размышления плененного, но не побежденного, не сломленного духом борца о том, что «делать надо, чтобы господству самодержавия, если не теперь, то позднее конец уже положить». Революционер осознает ненадежность пути, по которому письма последуют из заточения на волю,— не исключено, что они могут попасть в руки жандармов, поэтому он предупреждает, что о планах борьбы с самодержавием «говорить здесь будем мало, каждый знает почему, враг не должен знать [о них], перехватив случайно письмо это». Несмотря на объяснимую сдержанность, письма полны глубоких мыслей революционера, который и в заточении не помышляет складывать оружие.

К. Калиновский признает, что борьба с самодержавием неимоверно тяжела, но она должна привести к победе: «Нам только твердо, с искренней верой, за свое стоять надо». Революционер высказывает глубокие мысли о вооруженном восстании как средстве насильственного свержения эксплуататоров и завоевания социальной и националь-

[1] Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. XV.

ной свободы, указывает, что необходимо удачно определить его время. «Итак, если восстание начато в добрый час — поднимает и воодушевляет народ, а не вовремя — растрачивает силы каждого, ослабляет силу духа и порождает страх и неверие в наше дело».

В вооруженной борьбе, учит К. Калиновский, локальные, неорганизованные выступления могут только повредить. Необходимо тщательно готовиться к сражениям. «Работа здесь нешуточная и не напоказ, зато надежная, она и приведет... к доброму концу. Работа здесь сермяжная (т. е. тяжелая.— *Ред.*),— предупреждает К. Калиновский,— и для того, чтобы она была успешной, должна быть такой же искренней и простой, как то сердце, которое бьется под сермягой, как тот ум мужицкий, который не раздумывает, когда делать надо».

Необходимо позаботиться и о вооружении масс. «Рук, готовых к борьбе, и сегодня у нас достаточно,— пишет К. Калиновский,— но с голыми руками не пойдешь на солдатские штыки».

Большое значение придает К. Калиновский революционному союзу народов. Одна из причин поражения восстания в том, что оно не было поддержано государствами Западной Европы. Долго повстанцы «ждали помощи из-за границы», однако западноевропейские правители «ничего... не сделали». «Мы не вымогаем помощи,— пишет К. Калиновский,— пусть каждый поступает так, как ему кажется лучше». Но такое положение вещей, считает он, должно измениться, вместе с изменением положения в этих странах. «Зная, как обстоит наше дело за границей, не перестаем верить,— пишет К. Калиновский,— что мысль божья, пройдя века, не даст погибнуть правде и справедливости. И если не найдет для этого средств в существующем порядке, разорвет этот узел да и повернет силы народов, куда захочет».

Однако не следует ждать помощи извне. «Ты, однако, народ, не дожидайся, а с чем можешь иди воевать... за свое право, за свою славу, за свою батьковщину»,— призывал оказавшийся в заточении, но не покоренный бесстрашный революционер.

В «Письмах из-под виселицы» перед нами во весь рост встает гигантская фигура крестьянского революционера, готового во имя счастья народных масс пожертвовать своей жизнью: «Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы царской приходится мне писать вам, и может, последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, дорогой мой

народ. Застонет грудь, заболит сердце, но не жаль погибнуть за твою правду.

Прими, народ, искренне мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того света, только для добра твоего написано».

Даже в последние минуты жизни, когда восстание было жестоко подавлено, а над головой революционера нависла смерть, он не потерял веры в торжество народного дела. Об этом пишет К. Калиновский в единственном дошедшем до нас стихотворении:

Мужицкий народ мой, последнее слово
Тебе говорю о свободе я снова,
А вспомнишь про Яську — за счастье сочту я,
Что пал за мужицкую правду святую.

Когда превратятся слова мои в дело,
Вставай за свободу согласно и смело,
И если поднимешься всей громадою,
Навеки расстанешься с черной бедою.

«Письма из-под виселицы» — это политическое завещание К. Калиновского, в котором выражена вера в конечную победу борьбы народных масс, в достижение социальной и национальной справедливости.

Свой последний час К. Калиновский встретил мужественно и спокойно. Вот как описал очевидец казнь революционера, состоявшуюся 10 марта 1864 года на Лукишской площади в Вильно: «Было ясное холодное утро; Калиновский шел на казнь смело, придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать замечания; так, например, когда назвали его имя: «Дворянин Викентий Калиновский», он воскликнул: «У нас нет дворян, все равны».

* * *

Печатное и рукописное наследие К. Калиновского невелико по объему. Это прежде всего семь номеров газеты «Мужицкая правда», ряд революционных инструкций, воззваний, приказов, а также несколько писем, в том числе и известные «Письма из-под виселицы». Тем не менее и в этом сравнительно небольшом по объему идейном наследии белорусского революционера-демократа можно выделить ряд глубоких замечательных идей и теоретических положений.

Прежде всего в нем содержится острая критика феодально-крепостнических отношений России середины XIX века. Об этой особенности революционно-демократической идеологии 40—60-х годов XIX века хорошо сказал А. И. Герцен. «Главным камнем на дороге,— писал великий русский революционер-демократ,— лежало чудовищное крепостное право... Против крепостного права и были устремлены все наши удары, все усилия; устранению его мы подчинили все интересы».

Развивая традиции великих русских революционеров-демократов, К. Калиновский глубоко вскрыл суть крепостнической эксплуатации во всех ее формах, показал паразитизм помещиков, исключительно тяжелое положение крепостных крестьян Белоруссии. Царь, писал он, «помещиков совсем освободил от всяких тягот... сняв с панов всякие налоги, взвалил их только на мужицкое племя, обложил налогами и мужицкую землю, и мужицкие хаты, и мужицкие души, и мужицких детей, и мужицкую скотину, живых и умерших». Царским поборам конца не видно. Только и слышит мужик от царского правительства: «Мужик, давай рекрута, мужик, давай налоги, да и барщину еще отрабатывай и плати оброк в казну».

В публицистике К. Калиновского нашло также отражение тяжелое положение казенных (государственных) крестьян, которых нещадно эксплуатировали как представители царской администрации, так и арендаторы государственных имений. «Раньше они (мужики казенные.— *Ред.*) отрабатывали барщину казне, а потом их перевели на оброк, но кроме оброка гоняли их без всякого вознаграждения на работу то окружному, то асессору, то еще черт знает кому».

Белорусский революционер-демократ подверг резкой критике враждебную народу государственную машину абсолютизма, ее огромный бюрократический аппарат управления, безотчетный и бесконтрольный, с процветающей в нем широкой системой лихоимства и взяточничества. Он метко сравнивал царских чиновников с саранчой, которая уничтожает на своем пути всю растительность, превращает оазисы в пустыни. «Читал я в книжках,— писал К. Калиновский,— что есть на свете какая-то саранча, которая, если где появится, все посевы хозяйские уничтожит; имеем мы, братцы, еще более прожорливую саранчу — это чиновники царские. Они умеют так обобрать человека, что из их рук выйдешь голенький, как мать родила».

Насколько меткой была критика, позволяют судить слова В. И. Ленина, который в работе «К деревенской бедноте», характеризуя царское самодержавие как «самодержавие чиновников» и сравнивая царских чиновников с пауками, писал: «Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России... Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи» [1].

Справедливому обличению подверг К. Калиновский суд царской России, который был лишь придатком царской администрации и целиком зависел от нее. С присущим ему тонким остроумием К. Калиновский справедливо сравнивал царские суды с волчьей стаей, «где не разбираются, ты прав или нет, а рвут на части, как могут». Справедливости в обществе для мужика, подчеркивал он, «никакой нет, кто сильнее, тот и издевается». Разумеется, такой суд никому не нужен, так как «каждый может мужика обидеть, каждый сильнейший может глумиться над бедным, как ему вздумается».

Калиновский указывал, что на страже интересов господствующих классов находится армия, которая помогает эксплуататорам угнетать трудящихся. «А войско не для того держат, чтобы оберегать каждого от злых людей и от притеснений, а для того, чтобы не позволить народу и застонать, когда осознает свою неволю, когда убедится, что дерут с него сверх меры».

Белорусский революционер-демократ настойчиво рассеивал также царистские иллюзии крестьян. Он убедительно доказывал, что все беды народа — «притеснения, разорения и несправедливость исходят от самого царя».

К. Калиновский принадлежал к числу тех мыслителей, которые выступали также с критикой капитализма. Как и великие русские революционеры-демократы, он видел в капитализме строй, представляющий лишь новую систему эксплуатации человека человеком. «Нет и уголка земли на свете,— писал К. Калиновский,— где бы люди были все как один добрые и не хотели бы жить за счет угнетения своего ближнего». Таким образом, он ясно видел невозможность действительной свободы и социального равенства для человека труда и в капиталистическом обществе.

Критика К. Калиновским крепостного права и самодержавия свидетельствовала о том, что он был убежден-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 7. С. 137.

ным противником эксплуататорского строя, сторонником коренного переустройства общества на новых, справедливых началах. Эта критика способствовала классовому просвещению белорусских крестьян, воспитывала у них ненависть к помещикам и самодержавию, готовила их к борьбе за торжество новых социальных принципов.

В «Мужицкой правде» содержится не только глубокая критика существующего эксплуататорского строя, но и попытка сформулировать (пусть в общей форме) положительный идеал нового, справедливого общества, идущего на смену старому строю. В будущем обществе, и это, пожалуй, одна из характернейших особенностей мировоззрения белорусского революционера-демократа, К. Калиновский мечтал «раздать всю поземельную собственность крестьянам». Эта идея в различных вариантах многократно повторяется в идейном наследии К. Калиновского. «Эта земля нам (мужикам.— *Ред.*) принадлежит»,— писал он во втором номере «Мужицкой правды». В седьмом номере газеты утверждалось, что вся земля «от дедов-прадедов» является крестьянской собственностью: «Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину и чиншей никому никаких платить». Подобные утверждения красноречиво свидетельствуют о том, что К. Калиновский был последовательным защитником интересов белорусских крестьян, выразителем их стремлений к социальному равенству — идеи, которая, по словам В. И. Ленина, в тех условиях, являлась самой революционной «в борьбе с старым порядком абсолютизма вообще — и с старым крепостническим, крупнопоместным землевладением в особенности» [1].

К. Калиновский так рисовал утопический идеал крестьянского равенства и свободы: «Человек свободный — это когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинша и оброка не платит, ни барщины не служит, когда платит небольшие подати, и то не на царские конюшни, псарни и потаскух, а на нужды всего народа... когда делает все, что ему по душе и что не обижает ближнего...» Он мечтал о том, чтобы мужики «никогда, никакой, никому... барщины не служили и никакого в казну оброка не платили, чтобы на веки веков народ наш был свободным и счастливым». Эти мысли революционера-демократа свидетельствовали о его горячей приверженности к идеалам крестьян-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 213.

ского общинного социализма, виднейшими представителями которого были великие русские революционеры-демократы. Последние считали, что исходным пунктом социалистического преобразования России после победы крестьянской революции может стать сельская община. Эта мысль основывалась на том, что земля в деревне являлась общей и периодически перераспределялась между дворами. Кроме того, многие вопросы, связанные с землепользованием, такие, как порядок севооборотов, пользование сенокосами, пастбищами, строительство водоемов для водопоя и т. д., решались на общих собраниях крестьян. Великие русские революционеры-демократы полагали, что эти коллективистские начала в деревне облегчат России путь к социалистическому обществу, помогут миновать капитализм, который несет народу неисчислимые бедствия и страдания. Эти взгляды разделял и К. Калиновский.

Известно, однако, что на значительной части территории Белоруссии (кроме Витебской и Могилевской губерний) сельской общины в середине XIX века не существовало: она была разрушена к этому времени различными аграрными преобразованиями, хотя определенные коллективистские начала в белорусской деревне безусловно сохранялись. Подтверждение этому можно найти на страницах журнала белорусских революционных народников «Гоман», где даже более двух десятилетий спустя после реформы 1861 года по этому поводу отмечалось следующее: «Напрасно говорят, что община здесь (в Белоруссии.— *Ред.*) окончательно пала, в большинстве случаев она, конечно, резрушилась, но бывают селения, где и теперь еще время от времени происходят генеральные переделы мирской (общинной.— *Ред.*) земли и лугов: последние в силу местных этнографических условий почти всегда подвергаются переделам. Вообще общинные наклонности еще слишком живы в народе, и его экономические идеалы и тяготение к миру чрезвычайно проникнуты духом коллективизма» [1].

Именно через развитие этих коллективистских начал в случае победы крестьянской революции и ликвидации помещичьего землевладения мечтал К. Калиновский перейти к новой жизни.

Анализируя теорию общинного социализма, В. И. Ленин отметил, что в ней «нет *ни грана* социализма... Чем

[1] Публицистика белорусских народников. Мн., 1983. С. 111.

больше земли получили бы крестьяне... тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России» [1]. Революционеры-демократы 60-х годов не понимали, что передача земли крестьянской общине, в которой сохранялась частная собственность на орудия производства и частное присвоение результатов труда, было не социалистическим, а лишь буржуазно-демократическим требованием. И его реализация привела бы не ко всеобщему равенству и счастью, а лишь к бурному развитию капитализма, освобождению его развития от стесняющих крепостнических пережитков. В этих условиях подавляющее большинство мелких крестьянских хозяйств неминуемо разорились бы, а их владельцы вынуждены были бы опять гнуть спину на новых земельных собственников, выделившихся из их же среды.

Однако, несмотря на явный утопизм, в теории общинного социализма содержалось благородное стремление найти кратчайший путь к социализму, используя для этого возможности современной социальной действительности, миновать стадию капитализма, несущего неисчислимые бедствия и страдания трудящимся массам. Другими словами, в теории общинного социализма содержалась идея некапиталистического пути развития, актуальная и для нашей эпохи.

Ценными для характеристики социально-утопических воззрений К. Калиновского являются указания В. Ратча на то, что он хотел создать в Белоруссии и Литве общество «со всеобщим уравнением прав и состояний на новых началах коммунистических бредней (читай идей.— *Ред.*), проповедуемых Герценом и К°» [2]. Эти слова царского генерала свидетельствуют о том, что К. Калиновский выступал за решительную отмену в будущем обществе всех классовых, национальных и религиозных привилегий и ограничений, с тем чтобы сделать главным критерием ценности каждой человеческой личности труд, оценивать человека по его реальным делам и заслугам. Этой мерой белорусский социалист-утопист мечтал устранить из общества праздность и паразитизм привилегированных классов, и, прежде всего, шляхты, которые он ясно видел. Свидетельством этого являются его слова о том, что «если бы она и погибла... страна нисколько бы от то-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 258.

[2] Цит. по: Киселев Г. В. К характеристике революционного мировоззрения К. С. Калиновского: («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник) // Славянское источниковедение. С. 45—46.

го не пострадала». Таким образом, К. Калиновский, как и другие социалисты-утописты, считал, что новое общество должно быть обществом трудящихся.

Органической частью социальной утопии К. Калиновского являются его идеи о воспитании. Прежде всего он дал глубокую, политически заостренную критику педагогики, сложившейся в современном ему обществе. Он подчеркивал, что существующий социальный строй не может обеспечить детям правильного воспитания и образования: «Разве у нас есть справедливая наука в школах, которая учит жить без обиды для другого?»

Более того, К. Калиновский ясно видел, что в современном ему обществе господствующие классы закрывают доступ трудящимся и их детям к плодам науки и культуры, совершенно не заботятся об образовании и воспитании крестьянских детей. В «Приказе... к народу земли литовской и белорусской» он, обращаясь к крестьянам, писал, что царь, «господствуя над вами и угнетая вас сам, да позволяя угнетать вас каждому, не учил вас ни читать, ни писать». Поэтому и в будущем, если положение коренным образом не изменится, вряд ли можно будет «от него (царского правительства.— *Ред.*) надеяться на что-нибудь лучшее для нас или для детей наших».

Революционер-демократ решительно выступал против реакционных предрассудков, по которым якобы только избранные способны к образованию, занятию науками и т. д. «Прошли уже те времена, когда казалось всем, что мужицкая рука годится только для сохи,— писал К. Калиновский,— теперь настало такое время, что мы сами можем писать... Пусть узнают (паны.— *Ред.*), что мы можем не только кормить своим хлебом...»

К. Калиновский подчеркивал, что решающим условием широкого распространения просвещения является коренное изменение существующих социально-политических отношений. Пока народ не будет свободным, говорил он, до тех пор «ничего не будет — ни справедливости, ни богатства, ни науки».

Заботу об образовании и воспитании в будущем обществе возьмет на себя государство. Оно будет «устраивать школы», обучать «каждого жить по правде». Другими словами, К. Калиновский высказывался за всеобщее образование и воспитание, за то, чтобы школа формировала у детей высокие гражданские качества, готовила к борьбе за высокие гуманистические идеалы. Он ратовал также за развитие просвещения, науки на родном белорусском язы-

ке. Как видим, в области воспитания К. Калиновский высказал ряд таких замечательных идей, как идея всеобщего обучения, одинакового образования мужчин и женщин, преподавания на родном языке.

Большую роль как в процессе преобразования старого общества, так и строительстве новой жизни должна была занять женщина. К. Калиновский видел угнетенное положение женщины-крестьянки, жизнь которой была еще более тяжелой, чем у мужчин. Как глубоко понимал К. Калиновский нелегкую долю женщины, хорошо видно из его «Писем из-под виселицы», где он отмечал, что крепостники-помещики установили барщину «не три, да и не шесть дней со двора, но шесть дней с души рабочей». Это означало, что женщины, как и мужчины, должны были работать одновременно на барщине почти всю неделю. А на женские плечи ложилось кроме этого и устройство быта, связанного с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей.

К. Калиновский видел горькую долю не только женщины-труженицы, но и женщины-матери. «Растит мать сыночка, ноченьки не спит...» — с глубоким сочувствием и нежностью писал он о белорусской женщине-матери. Ей — бесправной и угнетенной — посвятил К. Калиновский свое единственное дошедшее до нас стихотворение «Марыська моя, дорогая голубка...».

> Марыська моя, дорогая голубка,
> Ты видишь, как счастье непрочно и хрупко...

— с глубоким состраданием писал в нем мыслитель о горькой доле своей современницы.

К решению женского вопроса К. Калиновский подходил с позиций революционера-демократа. Он считал, что его можно решить только путем коренного преобразования общества. При этом белорусский революционер-демократ призывал женщин к посильному участию в освободительной борьбе. «А мы, их отцы, да жены наши...— обращался К. Калиновский к белорусским женщинам в «Мужицкой правде»,— будем... от чистого сердца, всеми способами помогать ребятам нашим, которые за нас пойдут биться».

Известно, что многие женщины принимали активное участие в освободительной борьбе. Во время восстания 1863 г. они перевозили приказы революционного правительства, почту, значительные суммы денег. Не однажды помогали они и самому К. Калиновскому, выручая

его из неотвратимой, казалось бы, беды. Генерал В. Ратч в своих «Сведениях...» вынужден был отметить, что всегда «в женщинах... Калиновский находил помощников».

Большое место в будущем обществе К. Калиновский отводил демократическим формам правления. Он понимал назначение государства в современном ему крепостническом обществе. Поэтому освобождение крестьянства, всех трудящихся он, как революционный демократ, связывал с переходом государственной власти в руки народа. О назначении демократической власти в новом обществе К. Калиновский писал так: «Для того, чтоб была справедливость и правда на свете, а злые люди не своевольничали и обиды другим не чинили, имеется правительство [1], которое собирает подати, устраивает школы, учит каждого жить по правде, устанавливает суд; а если это не помогает и делается несправедливость, то нанимает войско и таким путем оберегает каждого от беды и разорения. Вот для чего правительство нужно. И как хороший слуга смотрит за добром хозяйским и слушается своего хозяина, так и хорошее правительство должно заботиться о счастье людей, слушаться народа и делать так, как народу лучше. И неудивительно, потому что не народ существует для правительства, а правительство для народа». Высшая цель демократического государства — забота об интересах народа: «А правительство наше должно быть ко всему чутким, чтобы малейшую возможность использовать для народного блага». Наилучшей формой государственного устройства К. Калиновский считал демократическую республику.

Осуществление всех своих социальных проектов и планов К. Калиновский, как последовательный сторонник революционно-демократических идей Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена, связывал с крестьянской революцией. Он был убежден, что только народная революция может принести крестьянам желанную землю и свободу. «Мужицкая свобода — это все равно что виселица для всех угнетателей и притеснителей народа»,— писал К. Калиновский, подчеркивая, что свобода может быть завоевана только вооруженной борьбой, путем народной революции. Это была самая сильная сторона его мировоззрения.

Калиновский в полную меру осознавал всю тяжесть этой нелегкой задачи, стоящей перед народом, но считал ее вполне достижимой. Для этого надо только, чтобы «му-

---

[1] В публицистике К. Калиновского понятие «правительство» зачастую равнозначно понятию «государство».

жики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы». Калиновский безгранично верил в силы народа: «Силы наши огромны, воевать с ними можем, но для этого надо, с одной стороны, их укреплять, а с другой постоянно создавать новые».

Видя главную революционную силу в крестьянстве, К. Калиновский вместе с тем считал возможным участие в народной революции наряду с крестьянами горожан и студенчества, стремился к союзу с ними, подчеркивал, что у них с крестьянами общие интересы. «Бунтуют городские и молодежь за свою и нашу свободу»,— писал он на страницах «Мужицкой правды», поясняя крестьянам, что они, отстаивая свои интересы, «желают вашей (крестьянской.— *Ред.*) свободы, вашего счастья».

Более того, поскольку восстание 1863 г. в Белоруссии и Литве носило национально-освободительный характер, К. Калиновский как последовательный революционер-демократ не исключал возможности участия в нем отдельных помещиков, но на такой идейной платформе, которая не противоречила бы интересам крестьян. «Если паны пожелают идти с нами,— писал он,— так пускай поступают по святой справедливости; если ж иначе — так черт их побери!»

Однако главная движущая сила революции — крестьяне. «Мужик, пока в силах держать косу и топор,— писал К. Калиновский,— защитить свое сумеет и ни у кого милости просить не будет». Необходимо только, чтобы свои интересы крестьяне отстаивали смело и решительно. «Возьмемся, мужики, за руки и будем держаться вместе!» — призывал бесстрашный революционер-демократ.

К. Калиновский был убежден, что действительной свободы и народного счастья можно достигнуть только рука об руку с народом России, сражаясь плечом к плечу против общих угнетателей. Белорусский мыслитель указывал и на стремление к революционному союзу со стороны русского народа. Именно поэтому он рассматривал назревшее восстание в Белоруссии и Литве как составную часть общероссийской крестьянской революции. «Калиновский рассчитывал,— писал В. Ратч,— что единовременный мятеж, раскинутый по всей Северо-Западной России... будет самым ободрительным примером для крестьян соседних великорусских губерний» [1].

---

[1] *Ратч В.* Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т. 1. С. 194.

К. Калиновский был полон веры в необходимость наступления новых социальных порядков, утверждения справедливого социального устройства. Мысль о неизбежном наступлении лучшей жизни для трудящихся неоднократно проводилась им на страницах «Мужицкой правды». Полный социального оптимизма, безграничной веры в счастливое будущее своего народа, К. Калиновский писал: «И будет у нас свобода, какой не было у наших дедов и отцов».

Таким образом, он, как и другие социалисты-утописты, смотрел, говоря словами В. И. Ленина, «в ту же сторону, куда шло и действительное развитие» [1] и даже опережал это развитие.

Вместе с тем в идейном наследии К. Калиновского, и прежде всего на страницах «Мужицкой правды», нашли отражение и ошибочные взгляды на ряд общественно-политических проблем, историю развития общества. Так, возникновение крепостного права К. Калиновский объяснял не экономическим развитием общества и борьбой классов, а необходимостью обороны государства от внешних врагов, когда часть граждан становилась воинами, а оставшиеся должны были вести хозяйство.

Далее, выступая против отмены самодержавием Брестской церковной унии, К. Калиновский брал под свою защиту униатскую церковь, введенную с целью окатоличивания и полонизации белорусского народа. И хотя защита религиозных чувств верующих способствовала усилению революционной агитации среди крестьян, подобные пропагандистские приемы тормозили прогресс самосознания народа, освобождение его от пут религии.

Несмотря на противоречивость идейного наследия К. Калиновского, значение его велико. Это значительное достижение общественно-политической мысли Белоруссии 60-х годов XIX века, замечательный вклад в сокровищницу национальной культуры. Оно оказало большое влияние на развитие общественной мысли, языка, литературы, культуры в целом. Революционную деятельность К. Калиновского можно рассматривать как смелую попытку реализовать на практике социально-политическую программу революционных демократов 60-х годов.

Оценивая деятельность революционеров-демократов 60-х годов XIX столетия, к числу которых относится и К. Калиновский, В. И. Ленин писал, что именно «они

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 240.

были великими деятелями той эпохи; и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие...»[1].

Величие К. Калиновского в том, что он выступил выразителем и последовательным защитником интересов угнетенного и бесправного белорусского крестьянства, посвятив этой благородной цели незаурядный талант мыслителя, публициста и революционера. Он не только сумел подняться до признания необходимости классовой борьбы как средства коренного переустройства общества, но и призвать белорусских крестьян к восстанию, к насильственному ниспровержению царского самодержавия, рассматривая их выступление как составную часть общероссийской крестьянской революции, которая готовилась великими русскими революционерами-демократами. Идеи утопического социализма, революционного демократизма и национального освобождения, которые пропагандировал Калиновский и его соратники, готовили в Белоруссии почву для восприятия идей научного социализма.

Величие К. Калиновского и в том, что свой короткий жизненный путь он прошел как подлинный народный герой, поражая соратников и современников необычайным мужеством, стойкостью, смелостью, волей, беззаветной преданностью идеалам освободительной борьбы, непоколебимой уверенностью в торжестве народного дела. Необыкновенные личные качества К. Калиновского, как и других революционеров-демократов 60-х годов XIX века, служили примером для последующего поколения борцов с самодержавием — пролетарских революционеров. Примечательно, что у одного из бойцов ленинской гвардии — Камо (С. А. Тер-Петросяна), которого В. И. Ленин характеризовал «...как человека **совершенно исключительной** преданности, *отваги* и энергии»[2], среди личных вещей находился и литографированный портрет К. Калиновского. Это яркое свидетельство уважения Камо к личности белорусского революционера-демократа.

Своей публицистической и идейно-теоретической деятельностью К. Калиновский оказал большое влияние на дальнейшее развитие национального языка, литературы, общественно-политической мысли, национального самосознания и культуры в целом.

До наших дней вокруг идейного наследия К. Калиновского не затихает идейная борьба. Белорусские буржуаз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 179.
[2] Там же. Т. 51. С. 42.

ные националисты пытались и пытаются поставить столь притягательные для трудящихся образ и идеи Константина Калиновского на службу своим узкоклассовым интересам. Паразитируя на его высказываниях, направленных против русского самодержавия и царя, они пытались использовать их для насаждения и реанимации чуждых интересам трудящихся масс националистических взглядов и предрассудков. Эти беспочвенные и бесплодные попытки извратить идейное наследие К. Калиновского, представить его родоначальником белорусского национализма продолжаются до наших дней. В частности, во введении к недавно изданному так называемым «Белорусским институтом науки и культуры» в Нью-Йорке сборнику документов «Восстание 1863 года в Белоруссии» его составители создали целую «систему» аргументации для «доказательства» этого антинаучного, несостоятельного тезиса. Прежде всего они утверждают, что восстание 1863 года в Белоруссии и Литве, во главе которого стоял К. Калиновский, носило якобы «антирусский характер», не приводя, разумеется, в подтверждение этого никаких доводов, потому что их попросту нет. Отсюда следует другое ложное утверждение, что К. Калиновский не является последователем великих русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского, Н. А Добролюбова, А. И. Герцена. «Чтобы ослабить антирусский характер восстания 1863 года в Белоруссии,— пишут составители сборника,— советские авторы изображают Калиновского как последователя Чернышевского, Добролюбова и других русских народников, чему нет подтверждения ни в «Мужицкой правде», ни в других документах, относящихся к руководителю восстания». Отсюда новое нелепое утверждение, что К. Калиновский — родоначальник белорусского национализма и что его идеи оказали «мощное влияние на белорусский национализм в двадцатом столетии».

Подобные домыслы убедительно развеяны марксистской исторической наукой. Они опровергаются как работами советских исследователей (Г. В. Киселев, И. Н. Лущицкий, А. С. Майхрович, А. Ф. Смирнов и др.), так и документальным материалом, опубликованным в ряде сборников, посвященных восстанию 1863 года в Белоруссии и Литве и вышедших в СССР. Содержатся они и на страницах настоящего издания. В частности, из текста первого номера газеты «Знамя свободы», редактором которой был К. Калиновский, следует, что белорусский революционер отнюдь не ставил знак равенства между царским

самодержавием и помещиками, с одной стороны, и русским народом, с другой. В лице последнего он видел союзника в борьбе против негодной крепостнической системы: «Русский народ содрогается, видя нашу вековую обиду. Он стремится быть свободным нашим братом, а не угнетателем, и ответственность перед потомством за наше железное рабство решительно возлагает на готовый рухнуть царизм».

Таким же несостоятельным является обвинение советских авторов в том, что они «изображают Калиновского последователем Чернышевского, Добролюбова и др.». Обвинение более чем странное, так как последователем великих русских революционеров считали Калиновского даже такие реакционные дореволюционные историки, как генерал В. Ф. Ратч. Вот слова царского генерала по этому поводу: «Калиновский, захватив полное преобладание в Литовском красном комитете, настаивал на введении организации из крестьян, дабы с ожидаемым к весне 1863 года мятежом в Польше открыть свой мятеж в Северо-Западной России по образцу проектируемого Герценом для великорусских губерний» [1].

Как свидетельствуют материалы настоящего сборника, К. Калиновский был последовательным революционером-демократом. Борясь за свободное развитие белорусской нации, он был пламенным сторонником революционного союза всех угнетенных, горячим приверженцем идеи дружбы народов.

Именно поэтому личность К. Калиновского — революционера и мыслителя — необычайно близка нашему времени, нашему советскому образу жизни, пользуется у советских людей всеобщей любовью и уважением.

Именем К. Калиновского дорожили партизаны, сражавшиеся с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. На территории Белоруссии действовала, в частности, партизанская бригада им. Кастуся Калиновского, в которую входили люди многих национальностей.

И сегодня Калиновский живет среди нас в названиях колхозов и улиц, школ и деревень. Его образ находит широкое отражение в литературе и искусстве. Имя К. Калиновского наряду с именами Т. Шевченко, М. Ахундова, М. Налбандяна, И. Чавчавадзе навсегда вошло в историю духовной культуры народов СССР.

[1] *Ратч В.* Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т. 1. С. 144.

* * *

К печатному и рукописному наследию К. Калиновского по идейному содержанию тесно примыкает «Приложение», которое состоит из двух частей. В первой части «Жизненный путь и революционная деятельность» помещены документы и материалы, характеризующие самые различные стороны жизни белорусского революционера-демократа. Здесь публикуется ряд неизвестных ранее широкому читателю документов. В частности, прошения к университетскому начальству о материальной помощи из студенческого дела К. Калиновского, письмо Виктора Калиновского (брата Константина) к Августу Белевскому, а также документы и материалы, относящиеся к восстанию 1863—1864 гг. в Белоруссии и Литве. Наряду с различными инструкциями, приказами, распоряжениями революционных властей здесь публикуется ряд следственных материалов (показания В. Гажича, С. Ожешки, А. Гофмейстера, Э. Заблоцкого, И. Милевича и др.). Современному читателю надо с пониманием подойти к чтению протоколов жандармских допросов, к их лексике, по которой партизанские отряды именуются «шайками», повстанцы — «мятежниками» и «бунтовщиками» и т. д. Необходимость включения в сборник этих документов объясняется тем, что они содержат ценный фактический материал для характеристики деятельности революционной организации Белоруссии и Литвы, для выяснения роли ее руководителя К. Калиновского.

В публикуемых во второй части «Приложения» воспоминаниях современников о К. Калиновском содержится характеристика прежде всего замечательных нравственных качеств белорусского революционера-демократа. «Это был один из самых благородных мужей Литвы того времени, образованный, чистый, полный добродетели, разума и энергии»,— писал в своих воспоминаниях о К. Калиновском член Варшавского повстанческого правительства Юзеф Каэтан Яновский.

Предводитель партии «белых» в Белоруссии и Литве, не разделявший революционно-демократических взглядов К. Калиновского, Я. Гейштор в своих воспоминаниях также не может скрыть восхищения этой замечательной личностью: «Человек этот, необычайной выдержки и безграничного самопожертвования, являл собой прекраснейший, не имеющий аналога образец революционера; он один мог

заменить сотни, так как умел целиком отдаваться борьбе, жертвовать собой и скрываться от преследований».

Даже люди из близкого окружения М. Н. Муравьева отдавали должное моральным качествам белорусского революционера-демократа. «Несмотря на все усилия членов (следственной.— *Ред.*) комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о личностях, составляющих революционную организацию края»,— писал в своих воспоминаниях А. Н. Мосолов, чиновник особой канцелярии М. Н. Муравьева, посещавший по поручению последнего К. Калиновского в тюрьме во время следствия.

А вот характеристика личности К. Калиновского, данная известным тогда историком П. Д. Брянцевым: «Калиновский был молодой человек, 26 лет от роду; среднего роста, крепкого сложения; имел крутой высокий лоб, чистое женское лицо и выразительные глаза: носил короткие русые волосы, зачесанные назад. Калиновский обладал большим умом и необыкновенной силой воли и характера... Бескорыстно предан был своему делу. Человека этого нельзя было ни испугать, ни сбить с толку» [1].

В данный раздел включена также первая биографическая справка З. Колюмны о К. Калиновском и отрывки из работ польских историков Б. Лимановского и В. Пшибоорвского. Они содержат интересные сведения о белорусском революционере-демократе, которые пока не подтверждаются документами (например, сведения об обучении К. Калиновского в Московском университете). Публикации эти готовились тогда, когда были живы многие участники восстания 1863 года, близко знавшие К. Калиновского. Возможно, эти факты почерпнуты авторами из бесед или переписки с ними. В этот же раздел включены фрагменты из публикации царского генерала В. Ф. Ратча «Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России», которые содержат целый ряд дополнительных сведений, характеризующих общественно-политические взгляды К. Калиновского.

Некоторые материалы из этого раздела также впервые вводятся в научный оборот (например, воспоминания Л. Родзевич, печатающиеся по рукописи, хранящейся

---

[1] *Брянцев П. Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильно, 1892. С. 157.

в библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве, ПНР), другие, опубликованные много десятилетий назад, хотя и были известны, в настоящее время стали библиографической редкостью.

Таким образом, на страницах сборника современный читатель впервые получает возможность ознакомиться с мемуарной литературой о К. Калиновском и его роли в восстании 1863—1864 гг.

Публиковавшиеся ранее документы снабжены указаниями на издания, в которых помещены. Некоторые документы публикуются в сокращении: опущены части, не относящиеся к теме. Все опущенные места обозначаются отточиями. Заголовки документов, публикуемых в извлечениях, начинаются словами «Из...»

Публикация текстов производится по новой орфографии, но с сохранением всех стилистических особенностей оригинала, характерных для эпохи и автора документа. Неисправности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, явные описки и т. п.), устранены без оговорок, а имеющие смысловое значение — с оговорками в подстрочных примечаниях. Все дополнения, внесенные в текст составителями (пропущенные автором предлоги, части слов и слова), берутся в квадратные скобки. За основу датировки документов принят старый стиль, применявшийся в то время в Белоруссии и большей части Литвы. Все случаи применения нового стиля оговариваются особо.

Текстологические примечания, сделанные составителями, печатаются внизу соответствующей страницы. Такие примечания обозначаются малыми буквами русского алфавита. Примечания самого документа и примечания по содержанию (реальный комментарий) печатаются после документа. Пометы и резолюции публикуются в подстрочных или в текстологических примечаниях. В состав реального комментария введены биографические справки о некоторых упоминаемых в документах лицах. Некоторые примечания публиковавшихся ранее документов сокращены.

Необходимо остановиться на языке настоящего издания.

Идейное наследие К. Калиновского дошло до нас на трех языках: белорусском, русском и польском, которыми он владел в совершенстве. Белорусскую демократическую культуру и язык К. Калиновский впитал с молоком матери и до последней минуты жизни писал и говорил на род-

ном языке. Объясняется это не только тем, что его детские годы прошли в гуще народа, среди белорусских крестьян, но и влиянием творчества таких писателей, как Ян Барщевский, Александр Рыпинский, Владислав Сырокомля, Винцент Коротынский, Артем Верига-Даревский, Викентий Дунин-Марцинкевич, а также тем интересом, который был проявлен в это время со стороны формировавшейся белорусской демократической интеллигенции к изучению национальной этнографии, истории, фольклора и культуры в целом. Все это в совокупности позволяет не только объяснить К. Калиновского как личность, как значительное духовное явление, но и оценить его вклад в развитие национальной культуры, прежде всего издание на белорусском языке «Мужицкой правды».

Прекрасно владел К. Калиновский русским языком, на котором дошел до нас ряд составленных им документов. «Он написал отличным русским языком довольно любопытное рассуждение об отношении русской власти к польскому населению Западного края»,— свидетельствовал в своих воспоминаниях царский чиновник А. Н. Мосолов о стиле К. Калиновского. В этом нет ничего удивительного. К. Калиновский получил среднее и высшее образование на русском языке, на этом же языке написал кандидатскую диссертацию по праву, проявлял постоянный глубокий интерес к богатейшим традициям русской демократической культуры.

Хорошо знал К. Калиновский польскую культуру и язык. Он был редактором выходившей на польском языке в Вильно нелегальной революционной газеты «Знамя свободы», автором ряда других документов и материалов на польском языке.

Указанное трехъязычие необходимо учитывать как при изучении, так и особенно при издании дошедшего до нас печатного и рукописного наследия К. Калиновского. Исходя из того что совмещение трехъязычия представляет немалые трудности для публикации, составители остановили свой выбор на русском языке — языке межнационального общения нашей многонациональной Родины, чтобы сделать идейное наследие белорусского революционера-демократа доступным широким слоям трудящихся разных национальностей.

Основной документ, раскрывающий революционно-демократическое мировоззрение К. Калиновского,— «Мужицкая правда» прилагается к сборнику в фотокопиях.

Предлагаемый вниманию читателя сборник не претен-

дует на исчерпывающую полноту. Вместе с тем впервые собранные воедино документы и материалы позволяют, на наш взгляд, дать целостное и правдивое представление о жизненном пути, революционной деятельности и мировоззрении К. Калиновского.

Сборник посвящен 125-й годовщине восстания 1863—1864 гг. в Белоруссии и Литве и 150-й годовщине со дня рождения его талантливого руководителя.

Предисловие к сборнику написал В. Ф. Шалькевич. Научно-вспомогательную работу выполнили А. Н. Гесь и Л. В. Гриценко.

ИЗ ПЕЧАТНОГО И РУКОПИСНОГО НАСЛЕДИЯ К. КАЛИНОВСКОГО

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 1 [1]

Не позднее 10 июля 1862 г. [2]

Ребята!

Миновали уже времена, когда казалось всем, что мужицкая рука годится только для сохи,— теперь настало такое время, что мы сами можем писать, и писать такую правду справедливую, как бог на небе. О, загремит наша правда и молнией полетит по свету! Пусть узнают, что мы можем не только кормить своим хлебом, но еще и учить своей мужицкой правде.

Спрашивали и спрашивают все, что слышно на свете, кто нам, бедным мужикам, даст свободу? Но, по правде говоря, мало кто хочет сказать так, как совесть подсказывает — по справедливости. Мы, мужики, братья ваши, мы вам будем говорить всю правду, только слушайте нас!

Москали [3], чиновники и многие паны будут задерживать письмо наше к вам, но найдутся люди, и из мужиков более разумные, и панского рода, и из городских, которые желают вашей свободы, вашего счастья,— они-то вам сами это письмо давать будут, чтобы вы знали, кто ваш друг, а кто ваш враг.

Шесть лет уже минуло, как начали говорить о свободе мужицкой. Говорили, толковали и писали много, а ничего не сделали. А этот манифест, который царь с сенатом и с панами для нас написал, такой дурацкий, что черт знает на что он похож,— никакой в нем нет правды, нет от него для нас никакой пользы. Понаделали канцелярий, устроили суд, как будто это не все равно — получать по заднице с судом или без суда. Завели писарей, посредников, а все на мужицкие деньги — и большие деньги, черт их знает зачем, для того разве, чтоб записывали в книжки, как много напишут на задницах мужицких. А из этого-то и видно, что ничего хорошего для нас и не думали сделать.

Правда, обещали когда-то дать нам свободу, но, как нам кажется по нашему мужицкому разумению, хотят обмануть, потому что если за шесть лет ничего не сделали, то за год наверняка не сделают. Могут еще написать и

второй манифест, еще больше этого, но и от этого второго манифеста ничего хорошего, как и от первого, не будет.

На москаля и панов нечего надеяться, потому что они не свободы, а притеснения и разорения нашего хотят. Но недолго они нас будут грабить, потому что мы узнали, где сила и правда, и будем знать, что делать нужно, чтобы добыть землю и свободу. Возьмемся, ребята, за руки и будем держаться вместе! А если паны пожелают идти с нами, так пускай поступают по святой справедливости; если ж иначе — так черт их побери! Мужик, пока в силах держать косу и топор, защитить свое сумеет и ни у кого милости просить не будет.

Эту «Мужицкую правду» написал и снова писать будет Ясько-гаспадар из-под Вильно [4].

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 124—126.

[1] «Мужицкая правда» («Mużyckaja prauda») — нелегальная революционно-демократическая, первая на белорусском языке газета (печаталась латинским шрифтом), издававшаяся в 1862—1863 гг. Главным редактором издания был К. Калиновский (псевдоним Ясько-гаспадар из-под Вильно). В издании также участвовали В. Врублевский, Ф. Рожанский и, по некоторым сведениям, С. Сонгин. «Мужицкая правда» издавалась в виде листовок. Распространялась в Белоруссии, Литве, Латвии, Польше. Вышло 7 номеров. Дат выпуска на газете не было. Определяются приблизительно временем распространения газеты, а также ее содержанием. Первый номер напечатан в конце июня — начале июля 1862 года. До конца 1862 года вышло еще 5 номеров, примерно один номер в месяц. Седьмой номер появился в 1863 году. Некоторые номера перепечатывались повторно и имели отличия. Ниже приведен список основных публикаций «Мужицкой правды»:

Савецкая Беларусь. 1923, 24 жн. (№ 5 на бел. яз.).
Шлюбскі А. «Мужыцкая праўда» К. Каліноўскага // Полымя. 1926. № 1. С. 160—166 (№ 3, 5, 7 на бел. яз.).
Агурский С. Очерки по истории революционного движения в Белоруссии (1863—1917). Мн., 1928. С. 211—219 (№ 1—7 на бел. яз. латин. шрифтом).
Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мн., 1940. Т. 2. С. 480—483 (№ 1, 5, 7 на бел. яз.).
Беларуская літаратура XIX стагоддзя: Зб. тэкстаў. Мн., 1950. С. 241—243 (№ 1, 7 на бел. яз.).
Хрэстаматыя па гісторыі беларускай мовы. Мн., 1962. Ч. 2. С. 135—136 (№ 1, 4 на бел. яз. латин. шрифтом).
Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. М., 1964. С. 124—133 (№ 1—6 на рус. яз.).
Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. М., 1965. С. 25—26 (№ 7 на рус. яз.).
Prasa taina z lat 1861—1864. Wrocław — Warszawa — Krakow, 1966. Cz. 1. S. 318—329 (на бел. яз. латин. шрифтом).
Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Хрэстаматыя. Мн., 1971. С. 177—181 (отрывки из № 2, 3 на бел. яз.).

Антология мировой философии. М., 1972. С. 525—527 (отрывки из № 1, 3 на рус. яз.).
Антология педагогической мысли БССР. М., 1986. С. 194—198 (отрывки из № 1, 2, 4, 5, 7 на рус. яз.).

Помещенные в сборнике фотокопии «Мужицкой правды» хранятся: № 1 — в ЦГИА СССР, фонд III отделения, 1 эксп., 1862 г., д. 230, ч. 2, л. 62; №. 2—7 — в ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1519, л. 93, 275; ф. 439, оп. 1, д. 12, л. 165; ф. 438, оп. 1, д. 18, л. 7—10.

[2] Датируется по времени первого обнаружения.

[3] Слово «москаль» в Белоруссии, а также в Польше, Литве и на Украине в XIX в. имело три значения: 1) царь или представитель царских властей; 2) солдат; 3) русский. Соответственные значения имело и производное от него слово «московский». В «Мужицкой правде» эти слова применяются в большинстве случаев в первом значении.

[4] В конце каждого номера обозначена цена в 5 грошей, кроме № 6, у которого цена указана в 6 грошей.

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 2

Конец августа 1862 г.[1]

Ребята!

Если бог создал всех людей свободными и всем дал одинаковую душу, так откуда же это взялось, что один живет праздно да над людьми своевольничает, а другой, бедный, барщину служит или оброки в казну платит?

Каждый по-своему толкует, на свою сторону тянет. Царь говорит, что он добра нам желает, паны говорят, что они добро думают нам сделать, а мужик бедный от их доброты как пропадал, так и пропадает.

Чтобы растолковать людям, в чем правда, я пишу письмо и писать буду, как бог и совесть подсказывают,— вы только меня, такого же самого мужика, как и вы, послушайте хорошенько.

Был когда-то народ наш свободным и богатым. Не помнят этого наши отцы и деды, но я вычитал в старых книжках, что так когда-то бывало. Барщины тогда никакой не было. И не нужно этому удивляться, потому что леса было много, поля сколько хочешь, а людей-то мало, так зачем же служить барщину за землю, если каждый мог лесу вырубить, хату себе построить и иметь свое поле.

Но по соседству с нами жили немец и москаль. И тому и другому наше богатство глаза кололо — чтоб их колики схватили! — вот и хотели нас согнать с нашей родной земли. Нужно было защищаться, так король и говорит: идем воевать, да только не все идут, и мало наших пошло. Выгнали москаля и немца, но чтобы жены и дети тех, кто ходил на войну, не терпели нужды, король наш и написал такой закон: кто не желает идти защищать свою землю, пускай обрабатывает поле тем, которые бьются за свободу и счастье всех. И так было долго: одни защищали край, все ходили воевать, а другие пахали, сеяли, косили да жали. С тех пор-то и пошла эта барщина. Судите ж теперь сами, можно ли было сделать справедливей, чем сделал когда-то наш король польский и литовский? Но когда москаль с немцем хитростью нас взяли и началось правление московское, так все и пошло не по-человечески. Стал тотчас москаль свои порядки заводить в нашем крае и говорит: мужик, давай рекрута, мужик, давай подати, да и барщину еще служи или плати оброк в казну! Так какая же тут уже справедливость, когда все, что тяжело, взваливают на мужика, когда с него дерут последнюю шкуру, бьют и плакать не дают! Опомнились было мужики, увидели, что плохо, да и давай бунтовать при Костюшке; а Костюшко-то говорит: если мужики хотят сами защищать свою землю, так пускай же не служат барщину да и не платят в казну оброка за землю. Вот это так справедливость! Да только москаль задержал манифест Костюшки, чтобы не перебунтовал всех мужиков. Оттого-то и побили москали Костюшку, потому что если бы мужики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы, то москаль должен был бы пропасть бесповоротно, и мы на веки веков были бы свободными.

Вот из этого письма и видно, что мужики панские и казенные не должны платить ни чинша [2] панам, ни оброка в казну за землю, потому что эта земля нам принадлежит, но когда будет война с москалем за нашу свободу, то тотчас же нужно всем идти на войну против москаля. А это для того, чтобы скорей прогнать москаля с его собачьим правлением и чтобы никогда никакой никому мужики барщины не служили и никакого в казну оброка не платили, чтоб навеки веков народ наш был свободным и счастливым. А если вас кто будет подговаривать делать иначе: будь то исправник или окружной, асессор [a] или пан, то вы его не

[a] В оригинале — lapsesor (насмешливая народная форма).

слушайте, потому что это наверняка обман, который за царские или папские деньги на вечную вашу погибель совершается!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 126—127.

[1] «Мужицкая правда» № 2 появилась, видимо, в конце августа — начале сентября. В донесении от 12 октября 1862 г. майора Штейна гродненскому губернатору И. В. Галлеру сообщается, что, как ему удалось узнать, № 1 «Мужицкой правды» уже два месяца находится в обращении, а № 2 появился около двух недель (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1121, л. 177). В донесении от 29 октября указывается, что № 2 был найден два месяца назад.

[2] Чинш — денежный оброк, который регулярно платили помещику белорусские и литовские крестьяне.

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 3

Не позднее 6 октября 1862 г.[1]

Ребята!

Каждый, кто живет под московской властью, знает, что она нас грабит и притесняет, но мало кто хорошенько подумал, можно ли надеяться на что-нибудь доброе от нее для нас или для детей наших. Я, ребята, зная больше вашего, вздумал написать письмо, чтобы не могли туманить разума вашего. Поэтому читайте внимательно, а как прочитаете, передавайте в другую деревню.

Человек такую имеет натуру, что или ничего не знает и ничего иметь не хочет, или, когда узнает, то захочет понять хорошо и добыть все, что ему принадлежит. Это сущая правда. Вот еще недавно говорили наши, что они созданы для того, чтобы служить барщину и быть невольниками, а говорили потому, что ничего не знали и ничего иметь не хотели, а разве нынче так скажут, если уже знают многое и многого желают? Сегодня все уже поумнели, все уже мужики толкуют, что бог создал человека, чтобы он пользовался справедливой свободой, и смеются, как это могли иначе думать. Этот порядок, что народ делается умнее, исходит от самого бога, и кто ему захочет воспротивиться, того или сам бог или народ по приказу божьему с землей смешает!

Вы, ребята, верно, очень любопытствуете, отчего ж это народ так поумнел? Я вам скажу, отчего это.

Когда француз под Севастополем[a] полностью побил москаля, то для того чтобы москаль не имел силы и денег, приказал народу дать свободу, не брать рекрутов и больших податей. Москаль согласился на это, потому что думал, что народ глупый и он сумеет его обмануть. Он-то хотел только переменить неволю, но, вижу, очень обманулся, потому что хотя московское правительство ничего для нас за шесть лет не сделало, но мы как услышали, что и мужик может быть свободным, то стали расспрашивать у сведущих людей и толковать между собой, пока не поняли, что значит свобода. Вот откуда это взялось, что народ поумнел. Мы сегодня все уже знаем, что человек свободный — это когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинша и оброка не платит, ни барщины не служит, когда платит небольшие подати, и то не на царские конюшни, псарни и потаскух, а на нужды всего народа, когда не идет в рекруты черт знает куда, а идет защищать свой край тогда только, если подступит неприятель, когда делает все, что ему по душе и что не обижает ближнего и славы божьей, и когда исповедует ту веру, которую исповедовали его отцы, деды и прадеды. Вот что свобода значит. Нынче-то московское правительство нас не собьет с толку, потому что мы теперь не такие глупые, как были раньше, и узнали, что нам не манифесты царские, а свобода нужна.

Москаль хитер — он, ребята, хочет, чтобы не дать ничего, а народ думал, что уже имеет все, что положено. Чтоб далеко не ходить, судите хоть из этого о его хитрости. Два года тому назад, когда еще никаких манифестов о свободе не объявляли, народ в Петербурге, Москве и по всей России стал громко кричать, что если правительство не даст ему свободы, то он всем миром 19 февраля взбунтуется; тогда царь, вижу, испугался и велел сенату съехаться, а народу объявил, что в пост получит свободу. Народ глупый поверил да и разошелся, а царь, потолковав с сенатом, как миновала тревога, так и объявил вместо свободы манифест, а в манифесте приказывает мужикам служить до времени барщину по-старому, а по-новому заплатить больше денег в казну на писарей, посредников да и черт их знает на что. Судите же теперь сами, разве не обманывают нас?

Но недолго будет удаваться им мошенничество, потому что, как я говорил, мы уже узнали, что нам не мани-

[a] В оригинале — pod Swistopolem.

фестов, а свободы нужно — и свободы не такой, какую нам царь пожелает дать, а какую мы сами, мужики, между собой сделаем. А для того, ребята, чтобы никто вас не мог обмануть, теперь уже толкуйте между собой, какой вам свободы нужно и каким единственно способом мужик ее добыть может. Только, ребята, смело, потому что с нами бог и правда, а когда мы с богом, то с нами воевать трудно, потому что божья сила велика, а народу много.

Вот из этого письма и видно, что нечего ждать ни от кого, потому что только тот жнет, кто посеет. Так сейте ж, ребята, когда придет пора, полной рукою, не жалейте труда, чтобы и мужик был человеком свободным, как на всем свете. Бог вам поможет!!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 127—129.

[1] Донесение мирового посредника Слонимского уезда Волловича гродненскому губернатору И. В. Галлеру, в котором сообщается о появлении «Мужицкой правды» № 3, датировано 6 октября 1862 г. (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1124, л. 237, 331—336).

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 4

Не позднее 28 декабря 1862 г.[1]

Ребята!

Нет и уголка такого на свете, чтоб люди все были добрыми друг к другу, не хотели бы жить за счет обиды своего ближнего. Для того, чтоб была справедливость и правда на свете, а злые люди не своевольничали и обиды другим не чинили, имеется правительство, которое собирает подати, устраивает школы, учит каждого жить по правде, устанавливает суд; а если это не помогает и делается несправедливость, то нанимает войско и таким путем оберегает каждого от беды и разорения. Вот для чего правительство нужно. И как хороший слуга смотрит за добром хозяйским и слушается своего хозяина, так и хорошее правительство должно заботиться о счастье людей, слушаться народа и делать так, как народу лучше. И неудивительно, потому что не народ существует для правительства, а правительство для народа.

Так, ребята, ведется на всем свете. И если за границей, будь то у француза или у англичанина, народ сочувствует правительству, то потому, что правительство слушается

народ и делает так, чтобы народ был богатым и счастливым.

А так ли, ребята, у нас? Разве у нас есть справедливая наука в школах, которая учит жить без обиды для другого? Разве есть правда и справедливость в суде? Разве может человек быть уверен, что его никто не обидит? Разве московское правительство думает о людях, чтобы они могли жить счастливо? Сами скажите.

У нас, ребята, одному только учат в школах: чтобы ты умел читать по-русски, а для того это, чтобы тебя совсем переделать в москаля. Суды московские — это волчья яма, где не разбирают, прав ты или виноват, а дерут только как могут. Безопасности под москалем никакой нет, кто сильнее, тот и притесняет; а войско не для того держат, чтобы оберегать каждого от злых людей и от притеснений, а для того, чтобы не позволить народу и застонать, когда узнает свою правду, когда убедится, что дерут с него сверх меры. Правительство московское как тот злой пан, что, начиная от комиссара вплоть до тиуна, позволяет каждому народ притеснять, чтобы как можно больше денег в карман его попало. Правительство московское, ребята, не так делает, как делать нужно, не помышляет, как бы сделать облегчение народу, а придумывает только способы, как ограбить и вконец людей притеснить.

Почему так делается под московским правлением, я вам скажу — вы только меня послушайте.

Правительство это совсем как человек. И как человек имеет голову для того, чтобы думать, а руки и ноги для того, чтобы сделать так, как задумал, так правительство имеет царя, чтобы правил, и чиновников по всем городам и местечкам, чтобы делали так, как царь пожелает. Поэтому как голова у человека если замыслит недоброе, то ноги и руки недоброе сделают, так и в правительстве, если царь притеснения захочет, то чиновники притеснения наделают. Отсюда и видно, что грабеж, который у нас производят, не потому делается, что в нашем крае нет людей, способных быть чиновниками, а потому, что царь таких людей в Сибирь высылает, а за наши деньги назначает чиновниками таких, которые сами людей притесняют, другим притеснять позволяют и бога не боятся. Такой чиновник не доведет уже до добра — он, если и нет приказа царя, сам придумает способ, как ограбить бедный народ. И где же здесь искать правды?

Вот из этого письма и видно, что притеснения, разорение и несправедливость исходят от самого царя — он из

нас набирает войско, он с нас дерет деньги будто бы на нужды народа и, взявшись со всеми лиходеями за руки, только угнетает нас, держит в неволе. Но приходит ему уже конец, потому что мужик почувствовал свободу, а мужицкая свобода — это все равно, что виселица для всех разорителей и притеснителей народа! Оттого-то царь задерживает мужицкую свободу и задерживать будет, оттого-то если у панов сто раз спрашивал, какую они желают дать свободу мужикам, у мужиков и разу не спросил, какой они хотят свободы. Он знает, какова она, свобода мужицкая, он знает, что мужик хочет, чтобы никто не смел драть ни с кого, и поэтому как мы его власти, так и он нашей свободы боится.

Дери с нас, царь, дерите с нас, чиновники его, хоть до последней шкуры; но помните, что придет и наша пора, помните, что если мужик разгуляется, то как свет широкий кровь ваша польется!!!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 129—130.

[1] Первое упоминание о «Мужицкой правде» № 4 встречается в рапорте военного начальника Бреста подполковника Вимберга от 28 декабря 1862 г. (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 1, оп. 22, д. 1124, л. 328).

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 5

Ноябрь 1862 г.[1]

Ребята!

Мало того, что с мужика дерут на всякие подати последнюю рубаху, мало того, что никогда не можешь добыть себе кусок хлеба, а все, что заработаешь, должен отдать черт знает кому и черт знает на что, мало того, говорю, что жизнь наша хуже собачьей, но скажите, мои милые, есть ли среди нас хоть один, кто бы не оплакивал еще или сына своего, или своего брата, или своего мужа, которого царь забрал в рекруты да и загнал черт знает куда?

Работает отец тяжело на детишек своих, растит мать сына, ноченьки не спит, а царь, собачья его вера, как тот волк прокравшись, велит ловить, в колодки забить и гнать от родни далеко. А солдатская жизнь — горькая уже доля.

Забыть там нужно, что есть у нас наша родина, что есть у нас наша родня, и отдать жизнь не за благо и счастье всех, а за беду и вечную неволю наших братьев. Такой беды, ребята, и скотина не ведает, а вы, мои милые, верно, и не подумали, откуда она к нам навязалась, так ли было во времена наших дедов и прадедов и так ли должно быть? Все это я вам растолкую, а кто имеет правду в сердце и добра хочет, тот меня послушает.

Помнят еще наши деды, сказывают они, что в их времена мужики рекрута и не знали. Было войско, это правда, но войско польское все было из шляхты, а если мужики порою хотели идти на войну, то тотчас с них снимали мужицкое звание да и барщину, давали землю и всю деревню делали шляхтой. Оттуда-то у нас и повелись эти околицы шляхетские. Вот за то, что человек шел на войну, защищал свою родину, правительство польское давало землю, давало свободу, давало шляхетство, а москаль разве так делает? За то, что мы ему 25 лет на войне служим без человеческой пищи и одежды, мало того, что не дает шляхетства, но, собачья кровь, не дает даже клочка земли, чтобы мог хоть в тяжелой нужде дожить до спокойной смерти. Прослужив 25 лет да взяв суму, иди побираться!

А что греха наберешься перед богом, содействуя москалю, этого бог никогда не простит. Идет француз давать свободу мужикам, бунтуют городские и молодежь за свою и нашу свободу и веру, а мы даем рекрута и нашей грудью царь московский заслоняется и нашими руками усмиряет бунты и впрягает нас в вечную неволю. Того, кто о нашем благе думает, мы гоним, тому, кто нам зло причиняет, мы помогаем — ну разве не грешно перед богом, не стыдно перед всем светом? Сами скажите.

Правда, мы были глупые и, как эти овцы, ничего не знали, но, кажется, пора уже поумнеть, увидеть правду. Вы знайте, ребята, твердо, что француз приказал не давать уже больше москалю рекрута, поэтому, когда царь захочет взять, то, целыми обществами сговорившись, нигде ему не давайте. Он сейчас хочет взять 5 с тысячи, но если мы ему дадим 5, то он потом захочет взять 10 и снова пойдет по-старому. Сейчас мы ему отдадим всякий сброд, а потом нужно будет отдать и своих сыновей. Вот потому, ребята, раскиньте хорошенько и не давайте себя обманывать. За мужицкую обиду стойте смело, все вместе, а если кто захочет обижать вас, тянуть рекрута, то кто бы он ни был — старшина, окружной или хоть сам губерна-

тор,— вы его бейте мужицкой рукой, и будет свобода, и рекрута не будет, и бог вам поможет!

Да, ребята, добром до ладу не дойдем!

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Сказывают, что мужики под Варшавой взбунтовались и не дали рекрута. Тогда царь поневоле должен был уступить.

Так спрашиваю вас, ребята, что же нам нужно сделать?

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 130—131.

[1] «Мужицкая правда» № 5, судя по содержанию, написана в ноябре 1862 г. и издана до начала восстания. Известны два варианта пятого номера, отличающиеся припиской после подписи Яськи о том, что крестьяне под Варшавой взбунтовались против рекрутского набора. Возможно, дополнительный вариант был издан уже после начала восстания в Царстве Польском. Первое упоминание о пятом номере встречается в показаниях крестьянина Сокольского уезда Рабички от 3 января 1863 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 89, л. 5). Распространялся вместе с № 6, изданным не позднее 10 января 1863 г.

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 6 [1]

Декабрь 1862 г.

Ребята!

Горькая или сладкая моя правда, я писал всегда и писать буду — учил вас, как поступать нужно, и учить буду. Вы только слушайте меня, обдумайте хорошенько и делайте так, как совесть вам подскажет, и бог еще смилуется над нами и даст нам счастье, и будет у нас жизнь хорошая.

Когда бог, сотворив человека, дал ему душу, то не для того, чтобы он жил, как собака, на этом, а на том свете пропадал на веки веков в муках адовых, а для того, ребята, чтобы знал закон божий, знал своего бога, знал свою веру и заслужил счастье небесное. Когда сын божий, придя на землю, установил истинную веру и за эту веру терпел крестные муки, то не для того, чтобы какие-то там цари московские, подлого роду, меняли закон божий, а мы по приказу этих царей отрекались бы от веры своих дедов и прадедов и славили не бога, а семью царскую, а для того, ребята, всевышний терпел за нас, чтоб закон его был

уже вечным, никто не смел его менять и мы, сколько хватит сил, придерживались бы его.

А разве у нас, ребята, так делается, как сам бог приказывает, разве придерживаемся мы закона божьего? Сами скажите. Не один уже, может, позабыл, что отец его был праведной униатской веры, и никогда уже не вспомнит о том, что обратили его в схизму, в православие, что он сегодня, как та собака, живет без веры и, как собака, сдохнет на радость чертям в пекле!! Эх, ребята, беда такому человеку! А если мы будем так поступать с богом, так что же бог всевышний с нами сделает? Пошлет в пекло на вечные муки, будут черти душу нашу на куски рвать, а смола в утробе кипеть будет. Узнаешь тогда, что такое лихо, но в аду поздно уже будет, не умолишь тогда уже справедливого бога, и мукам твоим никогда конца не будет.

Теперь спрашиваю вас, ребята, кто же нам такой беды наделал и что нужно сделать, чтоб мы были счастливыми и на этом и на том свете.

Наделал нам такой беды, ребята, царь московский. Это он, подкупив многих попов, велел в схизму записать нас, это он платил деньги, чтобы мы только переходили в православие и, как тот антихрист, отобрал у нас нашу праведную униатскую веру и погубил нас перед богом навеки, а сделал это для того, чтобы мог нас без конца грабить, а бог справедливый не смилостивился над нами.

Боже всемогущий, господь наш милосердный, ты о нас не забывай, смилуйся над нами, помоги нам в нашей недоле, выгони москаля из нашего края, дай нам настоящую свободу и веру наших дедов и прадедов,— и костелы, которые москаль, нечистая его сила, разрушил или переделал на конюшни и церкви, вновь засияют во славу твою и народ в них славить тебя будет, как славили наши предки. Запоем тогда в один голос нашу песнь святую: «Святый боже, святый сильный, святый бессмертный, смилуйся над нами!» — и бог всевышний смилуется над нами, поможет нам в нашем труде, а на том свете даст царство небесное — и не будут уже детишки наши свою мать проклинать, что на свет родила!!

Сказывают люди, что святой отец прямо из Рима прислал к нам свое благословение (но москаль его задерживает), говорят, что пришлет и ксендзов, которые будут принимать в униатскую веру. Тогда, ребята, кто только верит в бога, сына его и святого духа, пускай сразу же оставляет схизму и переходит в истинную веру дедов

и прадедов. Потому что кто не перейдет в унию, тот останется схизматиком, тот, как собака, сдохнет, тот на том свете адские муки терпеть будет!

Так хватит же, ребята, жить безо всякого утешения на свете, если бог милосердный милостив к нам, а ты, человече, как прочитаешь или услышишь эту правду, произнеси молитву, чтобы бог всемогущий помог людям, которые желают нам добра, которые хотят, чтобы мы были свободными, как шляхта, имели свою землю, как шляхта, славили бога по правде и заслужили рай на том свете.

Этого от души вам желает ваш брат, такой же самый от дедов-прадедов мужик, как и вы, но еще униатской веры —

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 132—133.

[1] Шестой номер «Мужицкой правды» — наиболее трудный для понимания современному читателю. Для того необходимо напомнить о событиях, которые произошли в Белоруссии и Литве незадолго до восстания 1863 года в области церковной политики самодержавия.

В 1839 г. на церковном соборе в Полоцке, созванном по инициативе царского правительства, было принято решение о присоединении униатской церкви к православной. Этим актом отменялась Брестская церковная уния 1596 года. Таким образом, если ранее униатская церковь придерживалась основных догматов католицизма, то теперь должна была признать основные догматы православия. И хотя большинство верующего населения Белоруссии и Литвы отнеслось к присоединению к православию безразлично, наблюдались явления и другого характера. «Исторические факты говорят, что отмена унии, проведенная в 1839 году,— пишет советский историк А. Ф. Смирнов,— в ряде мест из-за грубого административного вмешательства властей в вероисповедные дела возбуждала недовольство» (А. Ф. Смирнов. «Мужицкая правда». В сб.: Восстание 1963 года и русско-польские революционные связи 60-х годов. М., 1960. С. 32).

Против присоединения униатства к православию выступила часть униатского духовенства Белоруссии. Кроме того, униатская церковь была отменена не везде. Она продолжала функционировать в Люблинской, Седлецкой и других смежных с Гродненской губерниях.

Эти обстоятельства, и прежде всего недовольство определенной части крестьянства, К. Калиновский учитывал в революционной пропаганде — ведь уния была отменена немногим более 20 лет до начала восстания. Он понимал реакционную роль религии, но в тактических целях выступал на страницах газеты в защиту униатской церкви, против подавления православием униатства, являвшегося в силу сложившихся обстоятельств верой части крестьянского населения Белоруссии. Значительная часть проживавших здесь помещиков и шляхты исповедовала католицизм.

Таким образом, стремясь затронуть в революционной пропаганде все социальные пороки, К. Калиновский выступил против отмены самодержавием Брестской церковной унии, взяв под защиту униатскую церковь, которая по существу и в период своего функционирования не имела сильного влияния.

«МУЖИЦКАЯ ПРАВДА» № 7

Июнь 1863 г. [1]

Ребята!

Долго молчал я, не говорил вам ничего, потому что хотел рассмотреть хорошенько да разобраться, что это делается на свете, чтобы уже оповестить вас по справедливости да сказать, как наказует бог и совесть, что нам теперь нужно делать. Ждать молча больше уже невмоготу! Поразмыслим только, что думают теперь сделать с нами. Обещал нам царь землю. Чиновники, попы и москали все в один голос морочили нам голову, будто царь чистосердечно к нам относится и даст свободу, справедливую свободу. И слушались мы царя. Велел он нам еще два года служить барщину, и барщину мы отбывали. Потребовал царь рекрута — дали мы ему и рекрута, а сами молча смотрели, как наших сыночков да братьев на край света погнали. Накинул нам подушного — платили мы подушное за живых и мертвых, за детей и старцев немощных, платили мы земскую повинность да всевозможные сборы, платили на посредника, на правление, старшинам, писарям, окружным, асессорам — бог знает кому только ни платили — да все не спрашивали, куда идут наши деньги. Все нас обижали да все грабили, бил нас кто сильнее, обижал кто богаче, и на то нигде не было справедливости. Мы все молчали да слушали, всем кланялись, за все платили, все терпели, ожидая конца, потому что надеялись на справедливую свободу, надеялись, что дадут вольную земельку... да какую же землю! — ту, которую от дедов-прадедов кровным трудом десять раз уже заработали и оплатили. За эту землю царь велит нам чинши платить в казначейство. Да какие же чинши? Какие вздумается установить чиновникам да судейским кровопийцам, да еще с каждым годом все больше и больше. Так свободы нам уже и не будет: век целый плати и век неси остатки, чтобы заплатить палатам и правлениям. Обманул же нас царь, а его слуги — попы, чиновники и москали — подвели нас, как черт добрую душу.

Мало того: когда весной брал рекрута, говорил царь, что больше брать не будет. Мы, как дети, и поверили, что не будет, а теперь — смотри! Снова царь велит с каждой волости выставить по сто хлопцев, которые добровольно пойдут в солдаты, а если добровольцев не будет, то общество присудит, кому идти в рекруты. Что он, белены объелся! Чтоб кто-нибудь шел в солдаты добровольно! Так вот уже и второй раз обманул нас царь с рекрутом. Взял пятерых с тысячи, а теперь давай сто с волости, а осенью еще, может, двести или триста пожелает, потому что царь со своими солдатами не осилит мужиков, поднявшихся в Польше, и не одолеет французов, которые за Польшу вступились. В Польше мужики так же, как и мы, надеялись на царя и ждали свободы от него, да как увидели, что царь только посулами душу выматывает, а новыми податями, рекрутством, чиншами последнюю рубаху снять хочет — вот все разом с вилами и косами пошли добиваться земли и правды, а кое-кто и святой униатской веры. Вот и добились. Вышел уже польский манифест. Земля свободно отдается всем мужикам, потому что это их земля от дедов-прадедов, за эту землю никто не должен отрабатывать барщину и чиншей никому никаких платить; подушного больше не будет, а только подымное, как когда-то платили; рекрутства больше не будет, а все мужики, и паны, и мещане — каждый отслужит 3 года в своем краю— и снова вольный человек. Униатские костелы, отобранные москалями, отдаются назад униатам, и кто хочет, имеет право крестить детей по-униатски, к униатским ксендзам идти на исповедь и по-старому богу молиться, как еще отцы наши молились.

Вот теперь сами разбирайтесь: где большая правда — в польском манифесте или в царском. Царь обещал дать свободу — и не дал. Обещал не брать рекрута, а теперь уже второго требует. Польский манифест дал землю, не требует рекрута, отменил подушное, возвратил унию. Ну, скажите, братья, кто больше о нас заботится? Помогли бы французы и нам, как помогают мужикам в Польше, только что ж, царь отвечает, что у нас мужики всем довольны, другой свободы не желают, что они любят царя всем сердцем, что шлют ему письма, вносят подати и охотно платят чинши и рекрутов выставят, сколько царю угодно будет, и унии никто не желает. И тут нас царь обманывает, исказить хочет правду, чтоб нас совсем погубить. А французы нас только ждут, но кому же они помогать станут, если у нас будет тихо. А мы, хоть совершен-

но разуверились в царских слугах, делаем все, что они нам ни скажут. Таким путем не дождаться нам свободы и справедливости. Не так думали мужики в Польше. Служили они царю так же верно, как и мы, да увидев, что не выслужат ничего, стали добиваться и добились свободы. А ведь и их царские слуги морочили, как нас теперь морочат, подговаривали, чтоб письма царю посылать о прощении да по-старому вносить подати и давать рекрутов. Учили и их, как доносить друг на друга, как хватать да москалям представлять, только мало нашлось таких, которые, не боясь ни бога, ни стыда человеческого, служили б москалям, потому что разгадали мужики царскую думку. А таких, которые за деньги не побоялись служить врагам нашим, не хотели, чтоб у мужиков земля была да правда на свете, и противились новой свободе,— по новому польскому манифесту таких вешают, как подлых собак, селения их опустели, дымом пошли их избы, пропало ни за грош добро.

Подумайте хорошенько и, помолившись богу, встанем дружно разом за нашу свободу! Нас царь уже не обманет, не подведут москали! Нет для них в наших селах ни воды, ни хлеба, для них мы глухие и немые — ничего не видели и не слышали. А пока еще есть время, нужно нашим хлопцам спешить с вилами и косами туда, где добиваются воли и правды, а мы, их отцы, и жены наши оберегать будем и сообщать, откуда на них прет темная московская сила, да от чистого сердца, всеми способами помогать ребятам нашим, которые за нас пойдут биться. И будет у нас свобода, какой не было у наших дедов и отцов.

Ясько-гаспадар из-под Вильно

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 25—26.

[1] «Мужицкая правда» № 7 распространялась одновременно с «Приказом... к народу земли литовской и белорусской» и, судя по полиграфической технике, печаталась одновременно с ним.

«ЗНАМЯ СВОБОДЫ» № 1 [1]

Я чувствовал, что о долге
нечего рассуждать.

Вильно, 1 января 1863 г.[2]

Порабощенные народы, говорит великий государственный муж, проходят через три эпохи, ярко знаменующие собой их постепенное возвращение к зрелому пониманию

условий политического бытия. Первая эпоха, следующая непосредственно за утерей независимости, страшна, как затишье на море, когда небо, затянутое багровыми тучами, грозно смотрит на темный и неподвижный простор воды. Нигде не видно ни проблеска надежды! Элементы разложения, вызвавшие упадок народа, шумят и собираются вокруг угнетателя. Недоверие и вызванное отчаянием оцепенение охватывают всех; брат не доверяет брату, а под влиянием подлого страха униженное и оподлившееся общество все ниже и ниже сгибается под ярмом. Но мало-помалу традиционная национальная гордость, сохранившаяся в сердцах немногих, как бы под шатрами израильтян в пустыне, начинает сверкать чистыми лучами в глубокой ночи неволи. Начинается вторая эпоха — эпоха рассвета! Время от времени жертвы одна за другой падают вокруг этого благословенного светоча надежды, питая его невинной мученической кровью. Все больше пробуждается дух, все ярче разгорается священное пламя любви к родине. Луч превращается в солнце, вера все сильнее питает надежду, мученичество за родину становится не только потребностью, но и долгом, горячим стремлением большинства, ибо народ почувствовал свою вину и понял, что путь к воскресению из мертвых идет только через Голгофу. Но настает пора, когда тайные заговоры и единичные жертвы уже устарели, ибо весь народ уверовал в свои силы, в мощь своего духа, ибо он понял, что вся скверна уже осела на дно и не смеет безнаказанно всплывать на поверхность. Видно, уже воссияла третья эпоха — эпоха доверия, взаимной солидарности, огромной нравственной мощи. Эта эпоха, являющаяся преддверием к тому, что грядет за ней, не может длиться долго, ибо весь народ, объединившийся во имя святости своего дела и под знаком принесенного им покаяния за прегрешения своих предков, рвется к делу, спешит на борьбу с угнетателем за свою свободу и независимость. Какой другой народ испытал больше кровавых мук в период своего падения и порабощения, чем наш народ? Какой другой народ сложил столько жертв на алтарь отчизны за грехи своих отцов?.. Но наконец-то всевышний смилостивился над своим измученным народом. Смолк голос наших пророков, ибо настал час... Пора действия и героизма забрезжила, и ни кровавые оргии захватчиков против безоружных людей на улицах Варшавы, ни ссылки, ни виселицы, ни военный гнет не поколебали и не смогут поколебать веру в нашу победу.

Состояние революции, которое, несмотря на жестокие репрессии захватчиков, мы переживаем со дня 27 февраля 1861 г., не может долго продолжаться. Близится момент взрыва, момент всеобщего восстания во имя священных прав нашей нации — и именно потому, что никто не осмеливается ставить под сомнение наши нравственные силы, нам надо подсчитать и подготовить силы материальные. Поэтому Литовский провинциальный комитет, как организационная власть в Литве и Белоруссии, призывает всех искренне любящих родину граждан, без различий сословия и вероисповедания, к единодушным действиям, чтобы завоевать сейчас национальную независимость.

Выдвигая принцип равноправия всех сословий и вероисповеданий, без ущерба для чьей бы то ни было собственности и свободы совести, призывая к единству действий все без исключения слои польского общества во имя свободы и независимости, Провинциальный комитет не сомневается в том, что тем самым он выражает всеобщие стремления и единодушные требования всей страны. Акт раскаяния Польши, возрождающейся после почти векового заслуженного покаяния, должен выразиться не в парламентском фехтовании, не в дипломатически-общественных спекуляциях, но лишь в действии, ибо перед лицом татарско-немецкой политики захватчиков мы напрасно тешили бы себя надеждой вести свои дела с пользой для родины. На клевету, которой захватчики осыпали проявления нашего духа, которой они стремились осквернить даже наши молитвы, для того чтобы разъединить нас с нашими младшими братьями, мы ответим братским согласием, мощным союзом против них. Везде, где национальный траур, топча святотатственные трактаты угнетателей, грозно обозначил границы польской земли, нас объединяет солидарность принципа и цели. Итак, братья, во имя божье, пусть наши труды и средства также будут едины, и адские силы не одолеют нас! Русский народ содрогается, видя нашу вековую обиду. Он стремится быть свободным нашим братом, а не угнетателем, и ответственность перед потомством за наше железное рабство решительно возлагает на готовый рухнуть царизм.

Итак, братья, вместе за дело, а когда наступит время, мы поднимем *знамя свободы*, и проклятая сила захватчиков исчезнет, как мгла перед солнцем. Тогда засияет мать-родина, еще более могучая, возродится счастливее, чем когда-либо, ибо засияет она блеском справедливости, ибо возродится силой согласия и равенства своих сынов.

призывает всех граждан, любящих родину и жаждущих бороться за ее независимое существование, уплатить единовременный национальный налог, призывает к этому весь народ, без различия составных его частей, как к чрезвычайному пожертвованию для поддержки действий, целью которых является освобождение родины. Сбор налога осуществляют уполномоченные организации, снабженные литографированными доверенностями и квитанциями с печатью Центрального и Литовского провинциального комитетов. Предупреждаем, чтобы лицам, не предъявившим доверенности и не выдавшим готовой квитанции с печатью, никакие налоги не выплачивались во избежание излишней траты денег в пользу бесчестных обманщиков.

О минских сеймиках [3]. Поскольку мы раз и навсегда постановили обращать внимание народа лишь на бесспорные, публично совершенные факты, мы обойдем молчанием предсеймиковые соглашения в Минске (хотя они нам прекрасно известны) и вслед за *гидрой революции* войдем в зал, в котором состоятся выборы.

Это семиглавое чудовище, против которого варшавский Геркулес и его сторонники безуспешно выступают до сих пор, взошло на минское поприще 29 ноября!!! Очевидно, под его влиянием дворяне единодушно решили подать адрес об органическом включении Минской губ[ернии] в Царство Польское.

В ответ на эти мятежные пожелания прокурор положил на стол предводителя дворянства конверт, заключающий в себе два письма: письмо министра внутренних дел к губернатору, в котором говорилось о *страшных последствиях* такой же дерзости в Каменец-Подольске [4], другое — минского губернатора, решительно запрещающее подачу адреса под угрозой роспуска сеймика. Как на основание для нарушения всех гражданских прав, он указал, что то, «что е. и. в. считает незаконным и мятежным в одной губернии, в других губерниях должно считаться таким же».

Поэтому минские дворяне, лишенные возможности подать адрес, все эти беззакония зафиксировали в протоколе. В результате ген.-губернатор Назимов распустил сеймик.

Приказ г. Назимова минскому губернатору также является самым подлинным официальным документом, сви-

детельствующим о единодушной позиции дворянства,— это дополнение к протоколу сеймика; он является адресом о присоединении к Царству Польскому и о равноправии всех классов, подкреплённым собственноручной подписью полномочного представителя захватчиков в Литве; словом, он — предусмотрительный deus ex mashina [a] во всем этом деле.

Литовский провинциальный комитет заявляет: все выпускаемые им печатные воззвания будут подтверждаться официальной печатью и только за такие воззвания он принимает на себя ответственность.

Цена экземпл[яра] 10 гр[ошей]

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 140—146.

[1] Орган Литовского провинциального комитета; вышло три номера: № 1 — 1 января 1863 г., № 2 — в начале 1863 г., № 3 — в мае 1863 г. Первые два номера редактировал К. Калиновский, последний — Я. Гейштор и Ф. Далевский. Место издания — Вильно. Виньетка документа представляет собой фигуру косинера (вооруженного косой повстанца) со знаменем, на котором изображены гербы Литвы и Польши. Надпись на печати: «Национальная организация. Литовский провинциальный комитет».

[2] В номере применяется датировка по новому стилю.

[3] Имеется в виду съезд дворян Минской губернии в ноябре 1862 года, большинство которого составляли лица польского происхождения. На съезде был составлен протокол, в котором говорилось, что дворяне собрались для предстоящих выборов и с намерением составить адрес Александру II о присоединении Минской губернии к Царству Польскому, но, заслушав отзыв губернатора о том, что Александр II представление подобного адреса считает преступным и противозаконным, решили никакого адреса не подавать. Протокол подписали 255 человек (ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, ПО, 1862 г., д. 110, 113, л. 29, 37—38, а также документ в сборнике «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». С. 551—552).

[4] В своем адресе, составленном в октябре 1862 г., дворянство Подольской губернии требовало присоединения губернии к Царству Польскому.

[a] Бог из машины (латин.). В переносном смысле — развязка вследствие непредвиденного обстоятельства (обычно в конце античной трагедии божество внезапно появлялось на сцене при помощи механического приспособления).

Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам поветов

28 октября 1862 г.[1]

Инструкция для поветовых начальников

I. На весь повет Лит[овский] провинциальный комитет по представлению воеводского начальника назначает поветового начальника.

II. Поветовый должен беспрекословно подчиняться Комитету и властям, им установленным; обязан принять присягу от окружных на беспрекословное повиновение и сохранение тайны как на свободе, так и в тюрьме.

III. Поветовый получает приказы от воеводского или его помощника, им же подает рапорты, по крайней мере 2 раза в месяц, о состоянии повета, а именно:

a) о состоянии организации, о числе членов организации;

b) о состоянии поветовой кассы;

c) о круге деятельности каждого из членов организации;

d) о национальном настроении всех сословий в каждой части повета;

e) о военном состоянии повета, т. е. о количестве и качестве оружия, о боевом духе [населения данной] местности, о числе специалистов;

f) о всех важнейших происшествиях в организации или вне ее;

g) не использованы ли какие-нибудь исключительные средства для повышения национального подъема масс, какие нужно использовать и для чего;

h) о правительственных распоряжениях и преследованиях; здесь же — о действиях людей, не принадлежащих к организации и не сочувствующих ей;

i) о расположении и передвижениях неприятельских войск;

k) есть ли связи с армией и какие;

l) по всем вопросам, по которым воеводский сочтет необходимым получить сведения.

IV. Повет делится на округа, и Лит[овский] провинциальный комитет назначает окружного начальника по представлению поветового воеводскому. Число окружных

в повете зависит от размеров повета и местных условий, признанных воеводским, и может быть от 2 до 5. Если в городах число членов организации окажется слишком малым, то город включается в поветовую организацию и составляет отдельный округ. Для облегчения пропаганды, для лучшего устройства организации и массового выступления каждый округ делится на парафии [а] и гмины [б], в которых поветовый подбирает парафиальных и гминных начальников и представляет их воеводскому.

V. Поветовый начальник должен содержать поветовую кассу, усиливать средствами по приказу Лит[овского] пров[инциального] комитета главную кассу Комитета и вести точные счета.

VI. Он должен следить за тем, чтобы его подчиненные точно исполняли свои обязанности.

VII. Он должен собирать через окружных подати от лиц, принадлежащих к организации. Он назначает также людей для сбора складок и податей от лиц, не входящих в организацию. Без квитанции никто не имеет права принимать и давать деньги.

VIII. Поветовый имеет право тратить средства из податных денег только для удовлетворения местных нужд организации, но обязан вести точные счета таких издержек. При этом предупреждается, что он должен меньше всего использовать на такие издержки податные деньги, а удовлетворять их прежде всего из складок, собранных вне организации.

IX. Поветовым поручается собирать отдельную складку на оружие. Предупреждается, однако, что никто из жертвующих значительные суммы не имеет права претендовать для себя более чем на три штуки оружия — остальным будет распоряжаться Лит[овский] пров[инциальный] комитет в соответствии с нуждами всей провинции.

X. Он представляет воеводскому на утверждение лиц, которые способны быть его помощниками или заместителями в случае отсутствия, болезни или ареста.

XI. Он должен поддерживать связь с окружными не реже раза в неделю и получать от них рапорты.

XII. Он представляет воеводскому к отставке членов национальной организации в повете за неповиновение или неспособность.

[а] От parafia — приход.
[б] От gmina — волость.

XIII. Выбирает одного из своих помощников для исполнения полицейских обязанностей и организует тайную полицию на весь повет.

XIV. Члены организации не должны знать об официальном положении друг друга.

Литовский провинциальный комитет [2]

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 134—136.

[1] Документ датируется по новому стилю.

[2] На оригинале — монограмма сложной формы (как и в следующем документе). Помета чернилами: «Писано рукой Калиновского».

Инструкция Литовского провинциального комитета начальникам округов [1]

28 октября 1862 г.[2]

Инструкция для окружных

I. На определенную часть повета и по представлению поветового начальника воеводскому Литовский провинциальный комитет назначает окружного начальника и выдает ему номинацию [a].

II. Окружной начальник должен безоговорочно подчиняться Комитету и власти, им установленной, и обязан принять присягу от парафиальных и гминных начальников, десятников и сотников на безоговорочное послушание и сохранение тайны как на свободе, так и в тюрьме.

III. Никто не может выйти из национальной организации.

IV. Окружной начальник руководит парафиальными и гминными начальниками, десятниками и сотниками, а через них членами окружной организации и всем округом. Он получает приказы от поветового, которому хотя бы раз в неделю должен вручать рапорт о состоянии округа, согласно требованиям и инструкциям, данным поветовым начальником.

V. Рекомендует поветовому кандидатов на должности парафиальных, гминных и десятников, а также представляет их к отставке за неповиновение либо неспособность.

---

[a] Номинация — мандат на должность в повстанческой организации.

VI. Обязан следить, чтобы его подчиненные исполняли свои обязанности, а именно должен требовать от них:

a) безоговорочного подчинения Литовскому провинциальному комитету и начальникам, им установленным;

b) усердного и честного исполнения приказов этого комитета;

c) регулярного взноса назначенных податей в срок, т. е. между 15 и 20 каждого месяца;

d) оказания взаимной помощи товарищам, которым угрожает арест и преследование [a];

f) ведения повсюду революционной и повстанческой пропаганды;

g) революционного самообразования, насколько позволяет возможность;

h) всеми возможными способами готовить оружие и изучать его.

VII. Он обязан получать от своих подчиненных собранные ими у населения подати в назначенном размере и в установленный срок. Без квитанции Цент[рального] Н[ационального] к[омитета] никто не имеет права давать и принимать деньги.

VIII. Он представляет поветовому двух лиц, способных быть его помощниками, которые могли бы заменить его в случае болезни, отсутствия или ареста.

IX. Он должен сноситься с парафиальными, гминными начальниками и десятниками не реже раза в неделю и получать от них рапорты.

X. С согласия поветового начальника дозволяется представлять воеводскому соображения, которые касаются организации и ее нужд, для пересылки в Комитет.

XI. За злоупотребление или злостное неисполнение обязанностей окружной, как и его подчиненные, предаются военному суду.

Литовский провинциальный комитет [3]

Дано в Вильно 28 октября 1862 г.

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 136—138.

[1] Округ (okręg) — в революционной организации часть уезда. См. предыдущий документ, п. IV.

[2] Документ датируется по новому стилю.

[3] На оригинале монограмма сложной формы и овальная печать с изображением рукопожатия и надписью на польском языке: «Odwaga. Rozwaga» («Отвага. Благоразумие»). Рукопись оригинала написана тем же почерком, что и предыдущий документ.

---

[a] Пункт «е» отсутствует.

Инструкция для повстанческих поветовых комиссаров Гродненского воеводства[1]

Конец марта — начало июня 1863 г.[2]

Дополнительная и подробная инструкция для комиссаров поветов

1. Знать настроения и убеждения всех жителей повета.
2. О лицах, враждебно относящихся к национальному делу, уведомлять воеводских комиссаров.
3. Наблюдать за тем, чтобы законы и декреты, издаваемые Национальным правительством или Исполнительным отделом, неукоснительно выполнялись.
4. Бдительно следить за тем, чтобы деревни и села, в которых было осуществлено наделение крестьян землей, после прохода отряда не возвращались к системе, господствовавшей при царских властях.
5. Требовать от должностных лиц национальной организации, чтобы в повете, по возможности скорее, специально выделенными для этой цели лицами была организована действующая в различных направлениях почта.
6. Должностные лица национальной организации в повете должны энергично и самоотверженно выполнять те обязанности, которые возложены на них национальными властями. Если окружные и приходские начальники лишены этих свойств, правительственный комиссар в повете обязан обратиться к гражданскому начальнику повета с предложением в течение трех дней заменить его другим. Одновременно он обязан уведомить об этом правительственного комиссара воеводства для принятия дальнейших мер.
7. Наблюдать за тем, чтобы в помещичьих имениях имелись запасы продовольствия, одежды, оружия и снаряжения в количестве, установленном комитетом повета, с тем, чтобы можно было без затруднений снабжать отряд всем необходимым.
8. Тщательно следить за тем, чтобы национальный налог поступал в полном соответствии с принятыми в уезде принципами распределения налогов, а также за тем, охотно ли уплачивается населением этот налог.
9. Следить за созданием, развитием и деятельностью попечительских комитетов из польских женщин.

10. Если крестьянин, воодушевленный патриотическими чувствами, внесет из своих скудных доходов добровольное пожертвование на дело войны с Россией, комиссар повета должен уведомить об этом комиссара воеводства, указав имя и фамилию лица, внесшего пожертвование, и место его жительства.

11. Стараться назначать на посты в организации крестьян, что следует рекомендовать должностным лицам национальной организации.

12. Комиссар повета имеет право назначить помощников, за которых несет личную ответственность.

13. Как комиссар повета, так и его помощники должны находиться в постоянном движении (почти не сходя с брички).

14. Средства на оплату подорожных расходов и личного содержания будут получаться от комиссара воеводства (в настоящее время, однако, прежняя система еще остается в силе вплоть до утверждения сметы Национальным правительством).

15. Комиссар повета обязан присутствовать при формировании отряда и обеспечить следующее:

a) оружие должно быть высшего качества, насколько позволяют местные условия;

b) каждый солдат должен иметь при себе по крайней мере 50 зарядов и

c) быть хорошо одетым;

d) начальником отряда должен проводиться исчерпывающий инструктаж по вопросам, относящимся к дисциплине;

e) не должны иметь места случаи пьянства и распущенности;

f) следует прилагать старания к тому, чтобы при каждом отряде был хирург и имелись инструменты и медикаменты;

g) обозная кладь, которой должно быть по возможности меньше, запасное снаряжение и боеприпасы, предметы сухого довольствия должны быть размещены на вьючных лошадях, отнюдь не на повозках, которые затрудняют движение;

h) сухого довольствия должно быть в наличии на 4—5 дней;

i) денег на оплату жалованья солдатам должно быть не больше, чем на 4—5 дней.

16. Комиссар повета назначает гражданского чиновника при отряде, в обязанности которого входит:

a) вести в отряде всевозможные расчеты;

b) осуществлять контроль за продовольствием, за получением и выдачей денег;

c) подготавливать акты наделения землей;

d) прилагать старание к тому, чтобы в отряде постоянно находилось одинаковое количество продовольствия и денег;

e) если их недостаточно, обращаться к местным должностным лицам организации, однако обращение должно быть подписано начальником отряда;

f) гражданский чиновник при отряде подчинен начальнику отряда и комиссару повета, которому должен подавать рапорт раз в неделю. В не терпящих отлагательства случаях он имеет право посылать нарочного. Рапорты подписываются только им самим;

g) о всех стычках, даже самых незначительных, обязан немедленно подавать исчерпывающий рапорт на имя комиссара повета.

17. Комиссар повета должен самым тщательным образом следить за тем, чтобы во всех имениях, через которые проходит отряд, объявлялся декрет Национального правительства о наделении крестьян землей.

18. При обнародовании этого декрета акт о наделении землей должен составляться в трех одинаковых экземплярах, один из которых остается у крестьян, другой передается начальнику повета, а третий должен быть отослан комиссару воеводства.

19. Комиссар повета обязан раз в 7 или 10 дней подавать рапорт комиссару воеводства, а в нетерпящих отлагательства случаях или тогда, когда речь идет о стычках, немедленно посылать нарочного.

20. В тех случаях, когда до полномочного комиссара Национального правительства ближе, чем до комиссара воеводства, комиссар повета посылает депешу полномочному комиссару с одновременным уведомлением комиссара воеводства.

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 348—351.

[1] Этот экземпляр инструкции был найден в патроннице неизвестного убитого повстанца 28 июля 1863 г. после боя в урочище Пашковщизна Волковысского уезда. Публикуется в переводе с польского. Инструкция составлена Калиновским.

[2] Датируется временем пребывания Калиновского на посту полномочного комиссара Гродненского воеводства.

Приказ-воззвание Виленского повстанческого центра к народам Литвы и Белоруссии [1]

11 июня 1863 г. [2]

Приказ

от польского правительства над всем краем литовским и белорусским к народу земли литовской и белорусской

Вы, верно, слышали, что теперь установлено польское правительство, что это польское правительство отдает вам безо всякого выкупа и чиншей ту землю, на которой сидели ваши отцы и деды, что это польское правительство дает вам настоящую свободу, как у французов, где никто не смеет обижать простого человека, что это польское правительство возвратит еще вашу давнишнюю справедливую веру дедов и прадедов?!

Морочит вам голову москаль, толкуя, что это паны поднялись, чтоб возвратить снова барщину,— он хочет воду замутить, чтобы в мутной воде по-старому рыбу ловить. Но дело наше — не дело панское, а справедливой свободы, которой ваши деды и отцы издавна ждали и которую москаль с кровопийцами вашими задержать хочет!! Дело наше — это дело такой свободы, которую сам бог, придя на этот свет, хотел установить и за которую пролил свою кровь святую и терпел крестные муки!

Но миновала уже барщина, миновала ваша обида, и никакая сила ее не вернет — ни московская, ни дьявольская! Теперь настало такое время, что каждому будет отмерено так, как он сам себе отмерит. Пан будет плохой — пана повесим, как собаку! Мужик будет нехороший — и мужика повесим, а усадьбы их и села обратятся в дым, и будет справедливая свобода, потому что этого сам бог уже хочет и пресвятая богородица!

За вашу долю кровь проливают справедливые люди, а вы, как те Каины и Иуды Искариотские, добрых братьев продавали врагам вашим!

Но польское правительство спрашивает вас, по какому вы праву смели помогать москалю в нечистом деле?! Где у вас был разум, где у вас была правда? Разве вспомнили вы о страшном суде божьем? Вы скажете, что делали это поневоле, но мы люди вольные, нет у нас неволи, а кто

хочет неволи московской — тому мы дадим виселицу на суку.

Однако справедливое польское правительство на Литве и Белоруссии, принимая во внимание:

что москаль, господствуя над вами и грабя вас сам да позволяя каждому грабить, не учил вас ни читать, ни писать;

что вы сегодня глупые, как овцы;

что над вами нет еще милосердия божьего, потому что вы отступились от его истинной веры,—

поэтому справедливое польское правительство, прощая вам людские обиды, приказывает только вам:

не помогать уже больше москалю ни в чем, потому что он, должно быть, уже не силен, если просит вашей помощи. А если где москаль был глуп и дал вам ружья, то вы, заколов ночью солдат московских, в лес убегайте, потому что это будет лучше всего.

Милиции и караулов по селам чтоб никаких нигде не было, потому что если поймают кого в карауле или в милиции, то раньше или позже без лишних слов повесят.

Чиншей, оброков и податей в казну московскую, а также панам никаких больше не платить, потому что эта земля уже ваша, а вы подчиняетесь польскому правительству и подати должны платить только в польскую казну.

Этот приказ должен быть прочитан в каждой церкви и в каждом костеле, по всем деревням и имениям для сведения всего народа. А кто этому приказу сопротивляться будет, поп ли это или ксендз, мужик или пан — о любом сообщать польскому правительству, чтоб можно было его потом повесить, или, созвав сельский сход и свершив справедливый суд, без лишних слов вести на виселицу! Потому что, кто хочет обиды людской, тот пускай лучше сам ни за грош пропадает!

Дан в г. Вильно, в день Св. Варфоломея лета господня 1863.

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 29—31.

[1] Есть основания полагать, что автором воззвания был К. Калиновский. Воззвание было напечатано на белорусском языке латинским шрифтом.

[2] Документ распространялся уже в июле 1863 г., следовательно, указанный в конце документа день Св. Варфоломея определяется по православному календарю, т. е. 11 июня (у католиков 24 августа).

Копия письма К. Калиновского Б. Длускому [1]

Конец ноября — начало декабря 1863 г.

Дорогой Болеслав!

Не знаю, благополучно ли доехала твоя сестра, я очень беспокоюсь. Поручено было ей по дороге в Ковне отдать очень компрометирующие бумаги. В это время в Ковне произошли страшные аресты, поэтому не знаю, что с нашими бумагами. Если можешь сообщить нам об этом, постарайся это сделать сразу по получении этого письма.

С расходами будь очень расчетлив, потому что Жировицы и Острая брама [2] официально заявили, что только в том случае все пожертвуют, если ты со ста тысячами французов, а Итальянец [3] со ста тысячами своих побратимов заглянете к ним в гости.

Др. и Эдмунд [4] отправились к сибирским снегам на 8 лет искать золото и серебро, может, они оттуда захотят пополнить нашу убогую кассу. Тебя третьего там не хватает, а Москва очень хотела объединить вас узлом братского союза.

Деньги наши из кассы вооружения забирай и тут же обменивай на винтовки.

Предатель, который повыдавал в Ковне,— поневежский помещик Кушелевский, мне кажется, твой поветовый начальник.

Всех интриганов и склочников присылай сюда к нам, потому что здесь будут иметь основательное поле для того, чтоб показать себя не только в интригах, но смогут даже драться с врагом.

Посербский деморализовал отряд, бросил его, а сам драпанул.

Полк[овник] Духинский [5] (назначенный Высоцким) выехал, хотя и с позволения Отдела, однако своим отъездом не Отдел ему, а он Отделу, а особенно Гродненскому воеводству, сделал большую милость.

Звеждовский [6] после неудачи на Могилевщине с большей легкостью попал за границу, чем в отряд, например в Минском, Гродненском воеводствах или на Жмуди.

Сообщаю тебе об этом, с тем чтобы знал, если понадобится, кого как использовать.

Царские власти точат зубы на меня. Под разными фамилиями ищут меня в Вильне. Только ради потехи Италь-

янца должен прибавить, а именно: Chamet напишите какое-нибудь письмо из Парижа с настоящей моей подписью и отошлите poste restante на какое-нибудь имя, может, это отвлечет их усиленное внимание. Не смотрю ни на что, то через окно на крышу, то другими способами всегда счастливо ускользаю из их рук. Бог мне покровительствует, а коль придется повиснуть, то пусть это будет на радость всем литовским панам и пресветлой Москве.

Ваш Ха[мович].

Неман. 1975. № 4. С. 189—190.

[1] Документ опубликован в журнале «Неман» Я. Киселевой в переводе с польского языка. Обнаружен он в Отделе редких книг и рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук БССР. Копию письма К. Калиновского Б. Длускому, как указывает Я. Киселева, отыскал некий Роман Керсновский. Вот что в 1933 году писал он одному из своих корреспондентов: «...Уже 12 лет я собираю материалы по истории восстания в Литве и больше всего интересуюсь героической фигурой Константина Калиновского, фигурой, которая до сих пор в истории недостаточно оценена и описана очень односторонне... При случае высылаю копию письма Калиновского к Болеславу Длускому, которое я отыскал в библиотеке Оссолинских во Львове. У меня есть фотография этого письма».

Болеслав Длуский — соратник Калиновского по Литовскому провинциальному комитету. В то время он находился в Париже и был военным комиссаром Литвы и Белоруссии за границей. До последних дней восстания он поддерживал связь с Калиновским.

[2] Жировицы и Острая брама — церковные центры.

[3] Итальянец — второй сподвижник Калиновского — Ахиллес Бонольди. В 1863 году Виленский повстанческий центр назначил его своим представителем за границей и поручил ему покупку оружия.

[4] Эдмунд — Эдмунд Вериго, член Литовского провинциального комитета, в 1863 году арестован и приговорен к восьми годам каторги. Вместе с ним был сослан врач Шимон Стецевич, о котором тоже упоминается в письме — (Др.).

[5] Полковник Духинский был военным начальником Гродненского воеводства, но оказался непригодным к этой должности, поэтому в письме выражается радость в связи с его увольнением.

[6] Людвик Звеждовский с апреля 1863 года был военным начальником Могилевского воеводства, лично руководил действиями Горецкого повстанческого отряда, но в связи с неблагоприятными условиями для восстания на Могилевщине отряд распустил и уехал за границу.

Письмо К. Калиновского начальнику повстанческой агентуры Восточной Пруссии в Кенигсберге Ю. Лукашевскому

12 января 1864 г.

Начальнику агентуры Восточной Пруссии

Письмо твое мы получили, на которое отвечаем, что для закупки оружия и доставки его в страну комиссаром в Париже назначен гражданин Яблоновский, которому специально поручено заняться этой операцией. В настоящее же время, не видя необходимости и не имея на то веских доводов, Отдел своего постановления изменить не может. Поэтому советуем тебе, гражданин, обратиться к гражданину Яблоновскому и, договорившись с ним, выработать план, который будет наиболее подходящим для эффективного исполнения намеченного предприятия.

О предполагаемом издании газеты «Голос из Литвы» гражданин Владислав получил подробную инструкцию, в которой сказано, что эта газета не должна иметь официального характера, а только информировать население о положении дел в крае и за границей, так как не думаем, что газета, издаваемая нелегально, могла бы влиять на мнение Европы. Инициатива издания этой газеты исходит от Владислава, который заверяет, что имеет нужное количество корреспондентов в различных уездах и за границей и много собранных материалов. При настоящем положении вещей и затрудненной связи нельзя надеяться на постоянную корреспонденцию, а только на отдельные статьи, и то нерегулярно.

Lukaszewski J. Zabór pruski w czasie powstania styczniowego 1863—1864 r. Jassy, 1870. S. 64—65.

Показания К. Калиновского в Виленской особой следственной комиссии 30 января — 28 февраля 1864 г.

30 января 1864 г.

30 января 1864 г. нижепоименованный в Особой следственной комиссии спрошен и показал [1]:

Я, Викентий Константин Калиновский, дворянин Гродненской губернии и уезда, 26 лет, холост, католик, недви-

жимого состояния не имею. Имею отца, дворянина Семена Калиновского, и мачеху, живущих в Волковысском уезде около Свислочи, в фольварке Якушовка, и с ними четверо малолетних детей от второго брака. Первоначальное воспитание получил в Свислочском училище, затем, после предварительного приготовления, в 1855 г. отправился для поступления в университет в Москву, где пробыл около полугода, а потом по случаю переезда из Москвы в Петербург старшего брата Виктора (умершего в 1862 г.) поступил в С.-Петербургский университет по камеральному факультету, где и окончил курс со степенью кандидата в 1860 г. Сделав неудачную попытку о поступлении на службу в министерство государственных имуществ и в другие ведомства, я отправился в Вильно для приискания какого-либо места, но, не получив его ни там, ни в Гродно, переехал на житье к отцу, у которого и оставался до конца 1862 г. В это время для получения места по учебному округу я снова приехал в Вильно и через несколько дней поселился в семействе Греготович, которых до того времени я не знал. В должности мне было отказано, но я продолжал оставаться в Вильне, потому что осведомился о распоряжении начальства гродненского о моем арестовании [а], вследствие чего и решился оставаться в Вильне [2]. Здесь я встретился с Малаховским, с которым знаком был еще по Петербургу, а через него познакомился со служащим при железной дороге Нестором Дюлераном [3], который тогда же снабдил меня документами на имя Макаревича. В это время вспыхнуло восстание. Убеждения мои были против возмущения, я считал его несчастием для края, но вследствие постоянных увещаний Дюлерана, как здешний уроженец, я решился посвятить себя народному делу. Тогда при посредстве Дюлерана я познакомился с эмигрантом, французским подданным Онуфрием Духинским (в Вильне проживал под чужим именем), и когда он был назначен воеводою в Гродненскую губернию, то вслед за ним по приказанию Дюлерана с паспортом, полученным от него на имя Чарновского, выехал и я в Белосток для собрания и доставления Дюлерану сведений о состоянии шаек [б] Гродненского воеводства [4]. Это было перед пасхою [в]. Несколько месяцев я разъезжал от одной шайки к другой и о всех лично по-

---

[а] Помета чиновника на полях: «За что [?]».

[б] Т. е. отрядов.

[в] Пасха в 1863 году приходилась на 31 марта (православная) или 24 марта (католическая).

лученных сведениях я сообщал Дюлерану — большею частью по почте, рапортами, писанными симпатическими чернилами. Сообщников этому делу в Белостоке я не имел. В начале июля [5] я снова был вызван в Вильно Дюлераном, в котором по приезде я увидел главного двигателя восстания в здешнем крае в звании комиссара Литвы. Не давая мне никакой номинации, он принял меня как бы своим секретарем, и в то время я занимался при нем перепискою сведений и статей о ходе восстания для отсылки за границу. Между прочим, помню, что я написал номинацию на звание виленского воеводы для Коноплянского, назначенного Дюлераном. Почти в это же время Дюлераном были наименованы: Суходольский (Дормановский) — комиссаром Виленского воеводства, а несколько раньше Малаховский — начальником города [6]. На чьи места они поступили, мне неизвестно. Вскоре Дюлеран уехал, не оставив никаких точных распоряжений ввиду скорого своего возвращения, а потому деятельность его разделилась между тремя лицами: мною, Малаховским и Суходольским, но когда второй выехал в Петербург, а последний был арестован, Дюлеран же не возвратился, то я невольным образом должен был принять роль главного распорядителя в крае. Так как почти одновременно с этим была арестована большая часть лиц, составлявших организацию в Вильне, то за бегством Лепковского, остававшегося после Малаховского начальником города, должность эту я поручил бывшему при Дюлеране экспедитору Титусу Далевскому, на что и выдал ему номинацию. В звании же городского кассира пока оставался Зданович, назначенный, вероятно, Малаховским. Кроме этих лиц оставался еще при мне для переписки бумаг Григорович, который жил здесь под именем Флерковского, других же в организации не было, тем более что и самый Отдел литовский распался еще при Дюлеране. Кто были члены этого отдела — мне неизвестно. Деятельность моя в усилии поддержать народное дело ограничилась следующими распоряжениями: по преимуществу требовал я от губерний сколь возможно точных и подробных сведений о состоянии шаек и их действиях, об общем настроении национального духа, о лицах арестованных и, получая отовсюду неудовлетворительные ответы ввиду невозможности продолжать борьбу, сделал распоряжение о распущении шаек в Ковенской губернии с выдачею, если будет возможно, отпускных билетов до весны; в таком же роде послано было сообщение в инфляндские уезды. Из номинаций выданы были мною начальникам ша-

ек: одна — Мацкевичу на звание организатора [7], а другая — Сове на чин поручика, то и другое сделано было по собственному моему усмотрению, а не вследствие приказаний из Варшавы. Из 3,5 тысячи народной кассы, оставленной в количестве 6 тысяч Дюлераном Малаховскому, этим последним мне переданных, 1500 руб. послано мною в Ковно, 1000 руб.— в Инфляндское воеводство, обе суммы для содержания шаек, а из остальных около 900 руб. розданы через Далевского в городе [8]. Между прочим, в начале декабря сделано было мною постановление от имени давно не существовавшего отдела о запрещении для обывателей Литвы выезжать за границу без предварительного разрешения Жонда [9], что, впрочем, я считал одним из самых неудачных своих постановлений; кроме этого, вел переписку с Парижем и Варшавою. Других распоряжений своих не помню. Кроме Далевского и впоследствии рекомендованного мне Шадурского (кто он такой и где живет — мне неизвестно), ни с кем в непосредственные сношения не входил, никого из лиц, им содействовавших, не знаю ни в Вильне, ни в других губерниях, за исключением ковенского воеводы Дзичковского и его комиссара Мицкевича (он же Рымвид), инфляндского воеводы Альберта Грабовского, так как в Виленской губернии после Коноплянского воеводы вовсе не было, кто же был таковым в Минске, не знаю, с Витебской же губернией сношений не имел, а Гродненская с августа месяца прошлого года по управлению отошла от Литвы к Варшавскому комитету, но по каким причинам, того не знаю. Никого из членов комитета опеки в Вильне не знаю, тем более что он, насколько мне известно, давно уже не существует, впрочем, в Вильне есть лица, служащие делу призрения и вспомоществования семействам, пострадавшим от революции, но лиц этих я не знаю. Александра Оскерко, Якова Гейштора, Орвида, семейства Кондратович, Купсць, Баневич я совершенно не знаю. У Греготович жил под фамилиею Калиновского около $1\frac{1}{2}$ месяца в конце 1862 г. и начале 1863 г., в то время как там квартировали девицы Стефания Фальская и Бронислава Сидорович, дочери же Греготович Марии тогда не было. От Греготович я переехал на квартиру около бонифратров [а], дом Кельчевской, где квартировал под именем Макаревича. Из этой квартиры еще [б] весною выехал на должность комиссара Гродненской губер-

[а] Около монастыря бонифратров.
[б] Текст поврежден; прочитано предположительно.

нии и, как сказал выше, пробыв в Белостоке и разъездам по обозам [a], был вытребован в Вильно. По приезде сюда некоторое время не имел квартиры, ночуя у Дюлерана, Малаховского и Суходольского, после же нанял квартиру на Антоколе за костелом Св. Петра в доме Кохановского, где и жил под именем Чарновского, а оттуда через 3 месяца переехал на несколько дней в гостиницу Пузино, а вслед за тем на последнюю квартиру в здании гимназии. Других мест к укрывательству я не имел и никаких знакомств в Вильне у меня не было. Знал только некую Каролину [10], присланную Титусом Далевским для исполнения некоторых домашних моих поручений, покупок, а также перевозки вещей из одной квартиры на другую и проч. Из дому выходил я ежедневно и проводил время на прогулке и заходил обедать до времени разыскивания меня полициею в разных гостиницах, а последнее время у Полянского [б] на Немецкой улице.

Дворянин Викентий Константин Калиновский

Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо

[1] К. Калиновский был арестован 29 января 1864 г. Местопребывание его было установлено царскими властями по показаниям повстанческого комиссара Могилевской губернии В. Парфиановича, о чем проводивший следствие в Минске жандармский полковник А. М. Лосев сообщил в Вильно. В первом после ареста показании 29 января 1864 г. К. Калиновский назвал себя Игнатием Витоженцем — фамилией, под которой он проживал на своей последней конспиративной квартире. Однако после очной ставки с дочерью хозяйки одной из своих квартир Марией Греготович К. Калиновский назвал свою фамилию (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 18, 19).

[2] В октябре 1862 г. гродненским губернатором был отдан приказ об аресте К. Калиновского в связи с распространением им «Мужицкой правды» в Слонимском уезде (документ от 30 октября 1863 г.).

[3] Дюлеран Нестор — представитель Центрального национального комитета в Литовском провинциальном комитете.

[4] В конце марта, после роспуска Литовского провинциального комитета К. Калиновский выехал в Белоруссию на пост повстанческого комиссара Гродненского воеводства.

[5] В действительности К. Калиновский прибыл в Вильно в начале июня.

[6] Здесь и далее К. Калиновский называет фамилии лиц, показания о которых не могли им повредить: В. Малаховский, Н. Дюлеран, Т. Греготович и М. Лепковский скрылись, М. Дорма-

[а] Т. е. повстанческим лагерям.

[б] Правильно — Познанского.

новский, Т. Далевский, И. Зданович были казнены, характер деятельности Ф. Коноплянского, к тому времени сосланного на каторгу, был уже известен царским властям.

[7] Имеется в виду приказ военной секции Исполнительного отдела Литвы от 3(15 ноября) 1863 г. о назначении А. Мацкявичюса организатором вооруженных сил Ковенского воеводства.

[8] На вспомоществование арестованным при высылке их из Вильно и около 200 руб. истрачено мною собственно для себя. (Примечание источника).

[9] Имеется в виду декрет Исполнительного отдела на Литве от 13 декабря (нового стиля) 1863 г. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 523, л. 31).

[10] Каролина Яцыно.

4 или 5 февраля [1] 1864 г.

В добавление к прежним показаниям припоминаю:

В числе постановлений, объявленных мною от имени Отдела, были еще следующие:

a) Разрешение обывателям [а] Литвы не стесняться в подписи адресов правительству, так как эти заявления считались не обязательными для лиц, их подписавших [2]. Главною целью такого объявления было желание ослабить влияние адресов за границею.

b) Обращение к католическому духовенству Виленской консистории по поводу изданного им увещательного циркуляра по епархии [3].

c) Такое же к епископу Волончевскому в ответ на его воззвание к пастве [4].

Со всех таких постановлений посылались копии в Париж вместе с другими сообщениями об арестах, секвестрах имений и некоторых событиях в крае, до сведения моего доходивших. Переписка эта производилась по адресу, оставленному Малаховским: á Paris, Mr Albert, Hotel St. Germain, N 88 [б], причем письмо такое обыкновенно было вкладываемо в другой конверт и адресовалось in Kibarty, Herrn Schwartz, Kaufmann, poste restante [в]. Кто там принимал и отсылал далее посланное таким образом письмо, мне неизвестно. Сверх такого средства сообщения раза два я отправлял корреспонденцию через ехавших за границу не известных мне женщин, а несколько раз — при содействии Грабовского, который, сколько мне известно, нашел возможность отправлять письма через Ригу. В одном из

[а] Т. е. гражданам.

[б] Париж, г. Альберту, отель Сен-Жермен, № 88 (фр.).

[в] Кибарты, господину Шварцу, купцу (нем.), до востребования (фр.).

таких сообщений я просил Дюлерана, находящегося в Париже, о высылке 3 тыс. рублей на непредвиденные нужды, преимущественно же для вспомоществования пострадавшим от мятежа, так как пожертвований и сборов почти ниоткуда не поступало. Деньги эти я ожидал последнее время. Сообщения с Варшавою делались по адресам, доставленным Далевским на имя Матильды Качковской и Иоанны Шнейденберг, poste restante, а из Варшавы в Вильно — Адольфине Пшесбицкой, на почтовом дворе, и Ром и Пельтын, poste restante. Сверх того, от Далевского слышал, что будто бы в Варшаве, на улице Журавь, дом № 1618 лит[ера] Ц, живет Квятковский, который может указать путь к варшавскому Жонду, и на улице Подваль в доме № 482 — еврей, однажды приезжавший в Вильно, тоже по поручениям Жонда, но имени этого еврея у Далевского я не спросил.

Повторяю, что, кроме названных уже мною комиссии лиц, а также Пеликши и Свенторжецкого, имевших, как я слышал от Дюлерана, некоторого рода участие в делах Минской губернии, других лиц, которые содействовали бы мятежу, я не припоминаю. Печати Литовского отдела при себе я не держал, а в случае надобности требовал ее от Далевского и впоследствии для объявляемых от имени Жонда распоряжений пользовался готовыми с оттиском печати бланками, а потому, где находится она в настоящее время, указать не могу.

При этом положительно утверждаю, что в семействе Ямонта никогда не бывал и фамилию эту слышал только в Петербургском университете, но с самим студентом под этою фамилиею знаком не был и даже не знаю его в лицо [5]. Служившего в Гродненской люстрации Владислава Милевича [6] и доктора Бронислава Мацкевича совершенно не знаю и их нигде не встречал. Фамилиею Макаревича некоторое время пользовался сам, но никакого Макаревича не знаю. О Пеликше могу сказать только то, что я слышал эту фамилию от Дюлерана, о Свенторжецком припоминаю, что имя ему Болеслав.

Викентий Калиновский

Допрашивали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор коллежский асессор Федоров

[1] Документ не датирован. Исследователи считают, что он написан между 4 и 6 февраля.

[2] Очевидно, речь идет об обращении Исполнительного отдела Литвы от 2 сентября 1863 г. (Niepodległość, № 8, 1863).

[3] Речь идет об обращении Исполнительного отдела Литвы от 1(13) октября 1863 г. за № 923, в котором высказывалось гневное осуждение направленного против повстанцев циркуляра Виленской консистории от 17 сентября 1863 г. Документ известен по заверенному печатью Исполнительного отдела экземпляру, посланному одному из составителей циркуляра прелату М. Гербурту (ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, общее отделение, 1863 г., д. 1486, л. 1—2).

[4] Документ, датированный 28 сентября (н. ст.) 1863 г., известен лишь по ссылке в издании: J. Gąsiorowski. Bibliografia druków, dotyczących powstania styczniowego 1863—1865. Warszawa, 1923. S. 67, № 614. О высылке предупреждения М. Валанчюсу издателям братьям Короновичам в г. Кенигсберг для опубликования в европейских газетах: см. письмо повстанческого гражданского начальника Ковенского воеводства на имя издателей (ЦГИА Литовской ССР, ф. 440, оп. 1, д. 235, л. 44). В письме указано, что 11 октября (н. ст.) 1863 г. предупреждение было вручено М. Валанчюсу.

[5] В действительности И. Ямонт был ближайшим помощником К. Калиновского (см. документ от 10 января 1864 г.).

[6] Имеется в виду Ильдефонс Милевич (см. документ от 24 марта 1864 г.).

26 февраля 1864 г.

26 февраля 1864 г. призванный для допроса в Особую следственную комиссию дворянин Константин Калиновский отозвался, что, отвечая на вопросы комиссии с откровенностью относительно характера действий и личного участия своего в деле бывшего восстания в крае, он, Калиновский, поставлен в затруднение и невозможность быть в такой же мере правдивым и точным в показаниях относительно соучастников своих преступлений. На требование комиссии о побудительных причинах к такому с его стороны заявлению Калиновский дал следующее показание:

Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскверняет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следственная комиссия, как один из органов общественных, не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края, я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в ее допросах насчет личностей, ею указываемых, я поставлен иногда в положение, не соответственное ее желаниям, и должен быть сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причи-

нам. Заявление это делаю в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устранит безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не дозволяют мне следовать по иному пути [1].

Викентий Калиновский

Председатель полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 68—75.

[1] 27 февраля 1864 г. Особая следственная комиссия под председательством полковника Шелгунова направила свой доклад и следственную справку виленскому генерал-губернатору Муравьеву со следующим заключением: «Ввиду такого заявления со стороны Калиновского и вполне обнаруженных его преступлений Особая следственная комиссия постановила дело о нем закончить и представить вашему высокопревосходительству...» По мнению комиссии, Калиновский — один «из самых преданных делу восстания и наиболее деятельных его руководителей в здешнем крае» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 9—16).

28 февраля Муравьев принимает следующее решение: «Дворянин Гродненской губернии Викентий Константин Калиновский, обвиняемый в преступном служении революционному комитету, в звании секретаря комиссара Литвы, предается военно-полевому суду... Комиссии военного суда вменить в обязанность окончить суд в трое суток...» (там же, л. 8).

Записка К. Калиновского после окончания следствия

28 февраля 1864 г.

[a] В одном из предшествующих объяснений я высказал свое убеждение насчет разрешения польского вопроса [1], какое сознавал, прежде чем поступил в число народной организации в характере военного комиссара Гродненской губернии. Это мое личное мнение. Нынешние плачевные результаты, к которым доведен край, с одной стороны, а с другой — вынужденное положение правительства, не соответственное действительному его характеру, более, чем когда-либо, выразительным образом доказывают необходи-

[a] В начале документа помета карандашом: «Объяснение Вик[ентия] Конст[антина] Калиновского».

мость, покончив распрю и приведя в нормальное состояние край, разрешить тяготеющий вопрос польский. Сознание мое, что в этом отношении правительство русское более удовлетворительным образом и с большею пользою для обоих народов в состоянии сделать, чем кто-либо, поставило меня в необходимость очертить характер движения в Литве. Лишенный всякого участия в деле приготовления к восстанию, сведения в этом отношении не могут быть точны [a]. Однако, насколько могли быть известны как человеку непричастному, но интересующемуся жизненными явлениями в крае, я со своей стороны должен сказать то, что мне известно в этом отношении.

Волнения в Царстве, проявляющиеся в разных демонстрациях, не могли не иметь влияния на Литву. Но когда в Царстве подобные явления послужили к образованию Центрального комитета, стоящего во главе народной организации, в Литве все это разыгралось без никаких результатов. Правительство, обращая только внимание на демонстрационные выходки в здешнем крае, придавало им серьезный характер. Когда разные теории, лишенные практичности, не видя дневного света, могли иметь влияние на вспыльчивый и увлекающийся характер жителей Царства Польского, то в более серьезной Литве и при своей таинственности, главном своем двигателе, они должны были пройти без влияния. Съезды помещиков литовских, в которых, однако, гродненские, как мне известно, почти не принимали никакого участия, имели только в виду материальное и моральное улучшение края при нынешнем политическом положении его. Заявления минские [2], хотя очень невинные, были, однако, осуждаемы многими. Стремления подобных помещичьих съездов в материальном отношении, встречая сопротивление в правительственных властях, все более и более, при своем почти открытом существовании, становились им неприязненными. Вспыхнувшее, однако, восстание в Царстве застало Литву совершенно неприготовленной в этом отношении, даже неприязненною всяким подобным волнениям при ее тогдашнем положении. Царство Польское, принужденное к восстанию стечением двух обстоятельств: во-первых, набора, а во-вторых, усиленного действия Центрального комитета, желающего воспользоваться слухами о наборе, чтобы составить как можно побольше десяток и соток народной организации, и не могущего впоследствии удержать взволнованных народных

---

[a] Так в документе.

страстей,— своим восстанием не уважило интересов Литвы. Литва тогда при своем господствующем сельском населении переживала критические минуты, в которых восстание, не имея практического выхода, грозило совершенным разрушением материального состояния самым чувствительным образом. Нерешимость долгая Литвы может служить тому фактическим доказательством. С одной стороны, обремененный долгами и озадаченный крестьянским вопросом помещик, а с другой — крестьянин, в воображении своем усвоивший понятие, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиком, будучи в состоянии выжидательном, а потому нерешительном, не могли служить народному делу соответственно тем средствам, какие могут находиться в их руках. Здесь нужно тоже упомянуть то обстоятельство, мешающее успешному ходу дела, насколько это могло быть возможным, что самые преданные народному делу помещики литовские, имея значительный запас честолюбия, в виде чего в них только живет традиция, меру народного правительства об отдаче земли крестьянам старались выставлять своим собственным даром. Крестьянин, видя не обрезанные еще когти своих господ, не мог им довериться и стал смотреть на дело польское как на затею помещичью, органы же правительства понятие такое крестьянина старались поддерживать.

Выработанное историею сочувствие Литвы к Польше, усилившееся всего более во время господства России (факт, на который следует обратить внимание), превозмогло всякие обстоятельства, противные восстанию, и Литва шевельнулась. Образовавшийся в Вильне инициативою Варшавы «Отдел, управляющий делами Литвы» принял на себя вести дело восстания, заявляя об этом громогласно. В числе учреждаемой Отделом организации мне попалась обязанность военного комиссара Гродненской губернии. Инструкций я никаких не получил, сказано было только, что характер моей деятельности должен быть наблюдательный за военными действиями в политическом отношении и что я буду служить органом всяких сношений военного начальника с Нестором Дюлераном как уполномоченным в этом отношении. Отправленный передо мною в Гродненскую губернию Онуфрий Духинский, явившийся здесь в Вильно с мандатом полковника, данным ему, как я видел из подписи, Высоцким, завел вооруженное восстание в Гродненской губернии. Имели восстать по распоряжению Духинского в одно время все уезды, но так как он дал очень короткий срок, то успели завести восстание толь-

ко в трех уездах — Сокольском, Белостокском и Бельском. Явившийся уже в лагерь Духинского подполковник Ландер принял на себя обязанность военного начальника Гродненского уезда. Волковысский уезд восстал по распоряжению Духинского, но без назначенного от него военного начальника — явился таким Стравинский, который впоследствии перешел под начальство Ландера. В Слонимский уезд была послана Духинским номинация Юндзиллу, как военному начальнику того уезда. Влодек сформировал отряд по своей собственной инициативе, так называемый пружанский. Краковский (Траугутт) выступил в Кобринском уезде тоже без никаких уполномочий от Духинского в этом отношении. В Брестском уезде формировал уже шайку Стасякевич, по распоряжению самого народного правительства, данному на имя Стасякевича.

Неудача Духинского в деле под Соколдою [a], хотя не столь поразительна, как официальные русские известия объявляли, дурно подействовала на окрестное население, однако не остановила еще сочувствия к делу восстания. Следовавшие за тем почти постоянные поражения наших отрядов, бесхарактерное их существование в деле политической пропаганды, совершенный недостаток военных средств и людей способных, ослабляя вызванное в народе сочувствие к восстанию, способствовали почти окончательному уничтожению шаек в Гродненской губернии во время моего военного там комиссарства. Численность их по недостатку оружия была очень незначительная, итак:

Отряд	Духинского состоял не более как из	500	человек
»	Ландера (Ленкевича) . . .	300	»
»	Влодка	100	»
»	Юндзилла	250	»
»	Краковского	150	»
»	Стасякевича	300	»
»	Тышки	100	»
	Всего не более	1700	человек

Состав этих отрядов был большею частью из крестьян казенных, мелкопоместной шляхты и городских жителей, в которых шайки и находили самую сильную поддержку. На помещиков и их крестьян я получал постоянные жалобы от военных начальников, которые в свою очередь представ-

---

[a] Имеется в виду бой между повстанцами и царскими войсками 17 апреля 1863 года около дер. Соколда, закончившийся поражением повстанцев.

лял по обязанности Дюлерану. Какое участие принимали гродненские помещики в народной организации, мне хорошо не известно, но результатов их деятельности в отношении к военным отрядам почти совершенно не было. Шайки принуждены были по большей части собственными средствами приобретать все необходимое.

Приезд мой в Вильно наступил во время повсеместного расстройства в Литве, как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном состоянии края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получил от Дюлерана, но при всем моем желании не мог добиться кое-каких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством насчет сообщений, слабая власть виленского Отдела, не могущая возбудить к себе доверия края, и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, но сознающих, что, покоряясь только задушевной необходимости, несут жизнь свою на бесполезную цель, были причинами того, что все восстание приняло характер местный и народные власти воеводские в случаях только необходимости и возможности обращались в Вильно с сообщениями различного рода. Из таких сообщений не мог Дюлеран, не знающий совершенно здешнего края, вывести никаких заключений, тем более передать их мне, я же, судя по полученным мною, мог только дойти к тому результату, что восстания в Литве уже нет, а если есть что-либо, то разве предсмертные его судороги. В таком состоянии края, приняв во внимание все трудности, мои толчки и побуждения, если бы я их делал, не могли бы поддержать само собою упадающего восстания. Я это понял и потому предоставил все естественному ходу дела, стараясь уклоняться от всякой инициативы. Организация образовывалась под влиянием местных побуждений, но так как в успех восстания почти никто не верил, то она была очень незначительная. Шайки, разбитки [a] прежних, в состоянии, вызывающем только сочувствие, были удерживаемы от совершенного расстройства и возвращения на путь, предлагаемый неоднократно правительством, одно[й] тою строгостью, какая преследовала каждого в случае нечистосердечного сознания. Этому последнему условию правительственные власти придавали очень обширное значение, и потому только многие, поставленные в безвыходное положение, предпочитали голодную

---

[a] Здесь — остатки.

смерть нормальному своему состоянию. Сказал я это не в виду осуждений правительственных мер, но выражения моего понимания о действительном состоянии восстания во время моего пребывания в Вильне. Кроме успокоения, правительство может иметь дальнейшие виды насчет здешнего края — они мне неизвестны; но из постоянных выражений общественного мнения России, высказываемых даже следственною комиссиею, я мог прийти к тому заключению, что Россия хочет полного с собою слияния Литвы для доставления счастья здешнему народу. Я не противник счастья народного, не противник и России, если она добра нам желает, но противник тех бедствий, которые посягают [a] край наш несчастный. А потому, если судьба нас ставит в положение, что мы должны сродниться с Россиею, я, для устранения многих лишних жертв при порождении нового времени и строя общественного в Литве, считаю со своей стороны обязанностью заявить несколько слов в этом отношении.

Кто полагает, что Россия легкую в этом будет иметь задачу, тот судит поверхностно, тот себя обманывает. Сеть, обхватывающая нас во всех классах и соединяющая с Польшею, имеет столько оснований в традициях и даже предрассудках, что распутать ее, уничтожить и воссоздать что-либо новое составляет вековой, систематический и разумный труд. Агитаторы, собираемые со всех концов России, ничего у нас не сделают в деле соединения, обманут только себя, правительство, не исполнят цели и доведут край, против своих желаний, до новых жертв, до новых народных несчастий. Пока правительство не приобретет сочувствия в действительно образованном классе здешнего населения, до тех пор слово России не найдет отголоска в сердцах литовцев.

В моем сознании я преступник не по убеждению, но по стечению обстоятельств, а потому пусть и мне будет дозволительным утешать себя надеждой, что воссоздается народное благо. Дай бог только, чтобы для достижения этого потомки наши не проливали лишней братской крови.

Викентий Калиновский

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 75—79.

[1] В материалах следствия и суда по делу К. Калиновского упоминаемое объяснение отсутствует. Исследователи предполагают, что это не единственная записка такого рода, написанная Калиновским в тюрьме. См.: Киселев Г. В. К характеристике ре-

---

[a] Так в тексте.

волюционного мировоззрения К. С. Калиновского: («Сведения» В. Ф. Ратча как исторический источник) // Славянское источниковедение. С. 36—52.

[2] Речь идет о попытке минского дворянства подготовить адрес Александру II с просьбой о присоединении губернии к Царству Польскому (Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 551—552).

Из последних писем К. Калиновского

Не позднее 10 марта 1864 г.

К белорусскому народу. Письма из-под виселицы [1]

И до нашего уголка долетела ваша газетка [2], и мы ее с вниманием прочитали, очень она всем понравилась, потому что правда написана. Примите за это нашу благодарность, а письмо отпечатайте, чтоб знал мир божий, как мужики-белорусы смотрят на москалей и восстание польское, чего они хотят и чего своей силой добиваться будут.

Слово наше простое, но зато искреннее; когда оно дойдет до правительства польского, то откроет ему нашу грудь и покажет, что по-нашему делать надо, чтобы господству московскому если не теперь, то позднее конец положить.

...Немало труда надо, чтобы добыть эту свободу, которую ждет всякий, начиная от ребенка и кончая стариком, ибо когда москаль столько лет запускал свои когти в грудь нашу, то неудивительно, что надо долгое терпение, чтобы вырваться из-под его «братской» опеки. Поэтому не без пользы будет, если теперь потолкуем, какие мы имеем для этого средства. Говорить здесь будем мало, каждый знает почему, ибо враг не должен знать [о них], перехватив случайно письмо это.

Долго поляки ожидали помощи из-за границы, чужеземные народы кричали много, но до сего времени ничего для нас не сделали, говорят, что не имеют никакой пользы для себя в польском деле... Однако нужно сказать, что когда все короли подписали нашу неволю царскую, то они сильно запятнали честь свою и смыть этот позор не только нужно, но и необходимо, чтобы иметь чистую совесть. Зная, как обстоит наше дело за границей, не перестаем верить, что мысль божья, пройдя века, не даст погибнуть правде и справедливости. И если не найдет для этого средств в существующем порядке — разорвет этот узел, да и повернет

силы народов, куда захочет. Нам только твердо, с искренней верой, за свое стоять надо, и правительство паше должно быть во всем чутким, чтобы могло для добра народного из всего извлекать пользу. Силы наши еще велики, воевать с ними можем бог знает как долго, но для этого надо, с одной стороны, их укреплять, а с другой — постоянно создавать новые. Итак, если восстание начато в добрый час — поднимает и воодушевляет народ, а не вовремя — растрачивает силы каждого, ослабляет силу духа и порождает страх и неверие в дело наше... Правительство польское и его чиновники знают это и для того, чтоб служить интересам народным, должны учинять не искусственные беспорядки, а в соответствии с народным духом, его потребностями и волей составлять народные полки и поддерживать недовольства, выражающиеся в бесконечных народных бунтах, подрывая опоры московского господства. Работа здесь нешуточная и непоказная, зато надежная, она и приведет нас к доброму концу. Работа здесь сермяжная, и для того чтобы она была успешной, должна быть такой же искренней и простой, как то сердце, которое бьется под сермягой, как тот ум мужицкий, который не раздумывает, когда делать надо. Тогда слова... вольность, равенство и свобода народу проникнут в кровь каждого, и никакая сила царская нас не победит, даже если б ей само пекло помогать стало.

Рук, готовых к борьбе, и сегодня у нас достаточно, но с голыми руками не пойдешь на солдатские штыки. Правительство польское и его чиновники должны хорошо над этим подумать, деньги у нас будут, ибо мы осознаем эту потребность и знаем способы ее удовлетворения. Только бы за наши деньги было нам что в руки взять...

Ты, однако, народ, не дожидайся, а с чем можешь иди воевать за своего бога, за свое право, за свою славу, за свою батьковщину. Для тебя все можно — нож, топор, яд. Это твои средства, ведь за тобой, мужиком подневольным, бесправным, не признают права на самозащиту, потому что тебе ничего нельзя. А когда народы заграничные, в изумлении рты открыв, скажут — сумасшедший, ты, народ, великий и честный, правдой им ответь, что они причина тому, что на их совесть это тяжким грехом ляжет.

* * *

Марыська моя, дорогая голубка,[3]
Ты видишь, как счастье непрочно и хрупко.

Да было ль оно? Может, это казалось?
На сердце моем только горечь осталась.

И если за правду господь нас карает,
Судьбой человека жестоко играет,
Мы с небом простимся и пусть лучше сгинем,
Но правды своей никогда не покинем...

Мужицкий народ мой, последнее слово
Тебе говорю о свободе я снова,
А вспомнишь про Яську — за счастье сочту я,
Что пал за мужицкую правду святую.

Когда превратятся слова мои в дело,
Вставай за свободу согласно и смело,
И если поднимешься всей громадою,
Навеки расстанешься с черной бедою.

* * *

Братья мои, мужики родные! Из-под виселицы царской приходится мне вам писать, и может, последний раз. Горько покинуть землю родную и тебя, дорогой мой народ. Застонет грудь, заболит сердце, но не жаль погибнуть за твою правду.

Прими, народ, искренне мое слово предсмертное, ибо оно как бы с того света, только для добра твоего написано.

Нет, братья, большего счастья для человека на этом свете, чем иметь в голове ум и образование. Тогда только он может быть в почете, жить в достатке и тогда только... обогатив наукой разум, разовьет чувства и весь народ искренне полюбит. Но как день с ночью не ходят вместе, так и не идут вместе наука подлинная с неволей московской. Но пока она будет, у нас ничего не будет: ни правды, ни богатства, никакой науки, только нами как скотиной помыкать будут не для добра, а на погибель нашу.

Поэтому-то, народ, как только услышишь, что братья твои из-под Варшавы бьются за правду и свободу, тогда и ты не оставайся сзади, а, ухватив что сможешь: косу, топор — всей громадой иди воевать за свое человеческое и народное право, за свою веру, за свою землю родную. Вот я тебе, народ, из-под виселицы говорю, что тогда только заживешь счастливо, когда над тобой царя уже не будет.

Твой слуга Ясько-гаспадар из-под Вильно.

Giller A. Historia powstania narodu polskiego w 1861—1864 r. Paryż. 1867. T. 1. S. 327—335.

[1] «Письма из-под виселицы» были написаны Калиновским во время следствия между 29 января и 10 марта 1864 года. Они

были доставлены во Францию, видимо, Владиславом Малаховским. Опубликованы в 1867 году в Париже А. Гиллером (на белорусском языке латинским шрифтом). Оригинал писем хранился в библиотеке Рапперсвилля (Швейцария), откуда в 1927 году был передан Польше. Автограф одного из писем (третьего) обнаружен белорусским исследователем В. Казберуком в отделе рукописей Национальной библиотеки в Варшаве. См.: Літаратура і мастацтва. 1980. 29 лют.

Отдельные отрывки на русском языке опубликованы в Антологии педагогической мысли Белорусской ССР (М., 1986. С. 199—200). В настоящем сборнике письма даются с сокращениями.

[2] Речь идет о газете «Голос из Литвы», которую издавал повстанческий центр в Вильно на заключительном этапе восстания. Основателем газеты был К. Калиновский, выделивший на эти цели из повстанческой кассы 5000 рублей. Таким образом, это было третье периодическое революционное издание, наряду с «Мужицкой правдой» и «Знаменем свободы», связанное с именем Калиновского. Поскольку условия для издания газеты на территории Белоруссии и Литвы были крайне неблагоприятны — решили печатать ее по соседству, в Пруссии, где имелась активная повстанческая агентура, и затем вывозить тираж на земли, охваченные восстанием.

[3] Некоторые исследователи склонны видеть в Марыське конкретную личность, другие — обобщенный образ Отчизны. Это единственное дошедшее до нас стихотворение К. Калиновского. Публикуется в переводе Г. В. Киселева.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Выписки из метрической книги Яловского парафиального костела о крещении К. Калиновского

6 февраля 1838 г.

Лета господня тысяча восемьсот тридцать восьмого, месяца февраля, шестого дня в Яловском римско-католическом парафиальном костеле окрещен викарием этого же костела Франтишком Коженевским младенец именем Викентий, родившийся в этой же парафии в имении Мостовляны в этом же году, месяца января, двадцать первого дня вечером у Семена и Вероники из Рыбинских Калиновских, состоящих в браке супругов...

Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) Литовской ССР, ф. 604, оп. 45, д. 58, л. 10 об.

4 апреля 1838 г.

Лета господня тысяча восемьсот тридцать восьмого, месяца апреля, четвертого дня в Яловском римско-католическом парафиальном костеле викарием того же костела Франтишком Коженевским был дополнен обряд святого крещения ребенка именами Викентий Константин, сына Семена и Вероники из Рыбинских Калиновских, состоящих в браке супругов, родившегося в этом же году, месяца января, двадцать первого дня вечером и шестого дня месяца февраля тем же Франтишком Коженевским окрещенного...

ЦГИА Литовской ССР, ф. 604, оп. 45, д. 58, л. 13.

Прошение К. Калиновского о поступлении в Санкт-Петербургский университет

Его превосходительству господину
исправляющему должность ректора
Петербургского университета
действительному статскому советнику
и кавалеру Эмилию Христиановичу Ленцу [1]
дворянина Викентия Константина
Калиновского

Прошение.

Желая для окончательного образования выслушать полный курс наук по юридическому факультету, камеральному разряду, покорнейше прошу Ваше превосходительство о допущении меня к приемному экзамену. При сем имею честь представить мои документы: 1. Свидетельство Гродненского уездного предводителя дворянства о моей недостаточности [2]. 2. Метрическое свидетельство о моем рождении и крещении. 3. Свидетельство о дворянстве.

Викентий Константин Калиновский.

1 августа 1856 г.

Жительство имею: Выборгской части по 2 Госпит[альной] улице, в доме Маслова.

Ленинградский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 4. Автограф.

[1] Э. Х. Ленц — известный русский физик, временно исполнявший в то время обязанности ректора университета.
[2] Имеется в виду тяжелое материальное положение.

Справка об освобождении студента К. Калиновского от платы за слушание лекций

Октябрь 1856 г.

Справка. Г. Исправляющий должность попечителя С.-Петербургского учебного округа от 16 октября 1856 года № 5260 разрешил своекоштного студента 1 курса разряда камеральных наук Викентия Калиновского освобо-

дить от платы за слушание лекций на основании представленного им свидетельства о недостаточном состоянии, о чем по журналу правления 18 того же октября сообщено 24 октября г. инспектору студентов за № 1785 и бухгалтеру правления за № 1786 [a].

ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 5.

Прошение студента К. Калиновского ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу о выдаче стипендии или единовременного пособия

Его превосходительству господину ректору
Императорского С.-Петербургского университета
тайному советнику и кавалеру
Петру Александровичу Плетневу

от студента 2-го курса
по юридическому факультету
Викентия Калиновского

Прошение.

В настоящее время, потеряв средства, которыми доныне содержал себя в Петербурге прилично студенту, осмеливаюсь утруждать Ваше превосходительство покорнейшею просьбою о выдаче мне постоянной стипендии или же единовременного пособия [1].

Викентий Калиновский

1858 года 1 марта,
С.-Петербург.

ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 6. Автограф.

[1] На поле текста прошения запись: «Калиновский действительно нуждается и вполне заслуживает внимания. Инспектор Фитцум фон Экстед».

Александр Иванович Фитцум фон Экстед — инспектор студентов Петербургского университета, по национальности немец. Занимался филантропической деятельностью в пользу студентов, поддерживал дружеские отношения с Т. Г. Шевченко и Н. И. Костомаровым.

В марте Калиновскому было выдано 15 рублей (ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 8—9).

---

[a] Без подписи.

Прошение студента К. Калиновского ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу о выдаче единовременного пособия

Его превосходительству г-ну ректору
Императорского Санкт-Петербургского
университета тайному советнику
и кавалеру Петру Александровичу Плетневу

студента юридического факультета разряда
камеральных наук Викентия Калиновского

Прошение.

В месяце августе я подавал прошение о назначении мне стипендии, вследствие чего, по представлению Вашего превосходительства, господин попечитель разрешил получать по семь рублей ежемесячно. Кроме стипендии этой, не имея средств, я нахожусь не в состоянии удовлетворить самым неотъемлемым условиям для приличного поддержания жизни как единственной возможности заняться с пользою избранными мною науками, поэтому честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство снабдить меня единовременным пособием, если это согласно с правилами университета [1].

Викентий Калиновский.

1858 г. 12 декабря,
С.-Петербург.

ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 12. Автограф.

[1] На поле текста прошения запись: «Действительно нуждается и заслуживает внимания о выдаче единовременного пособия. Поведения очень хорошего. Инспектор Фитцум фон Экстед».

В январе 1859 г. Калиновскому было выдано 10 рублей (ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 18).

Прошение студента К. Калиновского ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу о выдаче стипендии

Его превосходительству г[осподи]ну
ректору Императорского С.-Петербургского
университета тайному советнику
и кавалеру Петру Александровичу Плетневу

студента III курса юридического
факультета разряда камеральных наук
Викентия Калиновского

Прошение.

В месяце сентябре начальством университета мне была назначена стипендия по 7 р[уб.] ежемесячно в продолжение целого года. Ныне же, будучи принужден обстоятельствами, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство выдать мне оную за остальное время, именно за месяцы апрель, май и июнь [1].

Викентий Калиновский.

С.-Петербург,
1859, 23 марта.

ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 19. Автограф.

[1] В марте К. Калиновскому была выдана стипендия за 3 месяца в сумме 21 руб. (ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 19, 20).

Прошение студента К. Калиновского ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу о выдаче единовременного пособия

Его превосходительству господину
ректору Императорского С.-Петербургского
университета тайному советнику и кавалеру
Петру Александровичу Плетневу

студента IV курса юридического
факультета разряда камеральных
наук Викентия Калиновского

Прошение.

Будучи принужден обстоятельствами, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство выдать мне единовременное пособие [1].

В. Калиновский.

1860 года, января 5 дня. С.-Петербург.

ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 23. Автограф.

[1] На полях прошения запись: «Действительно нуждается... Выдать десять рублей, ежели на то последует разрешение. Инспектор Фитцум фон Экстед». Под заявлением запись (без подписи): «Определено: так как Калиновский получил уже в текущем учебном году 30 руб., попросить господина попечителя о разрешении выдать Калиновскому десять руб. из суммы, собираемой за слушание лекций. 19 января 1860 г.». В январе К. Калиновскому было выдано 10 руб. (ЛГИА, ф. 14, оп. 5, д. 227, л. 26, 27).

Прошение К. Калиновского ректору Санкт-Петербургского университета П. А. Плетневу о выдаче свидетельства об окончании университета

Его превосходительству г-ну ректору
Императорского С.-Петербургского университета
тайному советнику и кавалеру
Петру Александровичу Плетневу

кончившего курс по камеральному разряду
Викентия Калиновского

Прошение.

Нуждаясь в свидетельстве с поименованием предметов, которые я слушал, и с означением отметок по главным

предметам, честь имею покорнейше просить Ваше превосходительство распорядиться о выдаче мне оного [1].

В. Калиновский.

1860 года 28 июля,
С.-Петербург.

ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6097, л. 23. Автограф.

[1] Под заявлением запись карандашом: «Для представ[ления] в штаб военно-учеб[ных] завед[ений]». Внизу отметка: «Исп[олнено] 28 июля».

Прошение В. Калиновского [1] директору Императорской публичной библиотеки М. А. Корфу [2]

Его высокопревосходительству, г[осподину]
директору Императорской публичной библиотеки
барону Модесту Андреевичу Корфу

Виктора Калиновского

Прошение.

В продолжение нескольких лет я занимался, с разрешения Вашего высокопревосходительства, отчетами о рукописях Императорской публичной библиотеки для Виленской археологической комиссии, ныне же, по случаю порученных мне на время работ в Главном Московском архиве, я желал бы передать мои занятия брату моему Викентию Калиновскому, кандидату С.-Петербургского университета [3]. Его превосходительство Афанасий Федорович [4] изъявил на то свое согласие. По сим причинам осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопревосходительство о разрешении моему брату продолжать неоконченные мною занятия под руководством младшего библиотекаря Ивановского [5] как члена упомянутой комиссии [6].

Виктор Калиновский.

С.-Петерб[ург], 1860 г., 6 декабря.

Літаратура і мастацтва. 1985. 1 сак.

[1] Виктор Отон Калиновский — старший брат Константина Калиновского. Родился 9 марта 1833 года. С 1841 по 1851 год обучался в Свислочской гимназии. В 1851 году, в связи с переводом гимназии из Свислочи в Шавли, Виктор переехал в Гродно, где в 1852 году завершил среднее образование и в том же году посту-

пил на медицинский факультет Московского университета, но неожиданно оставил его и в 1856 году переехал в Петербург. Выполнял научные поручения Виленской археологической комиссии, которая использовала результаты научной работы Виктора в своих публикациях.

Известный историк и писатель Н. И. Костомаров (1817—1885 гг.) в своих воспоминаниях дает ему следующую характеристику: «Мне не случалось в жизни видеть человека, с таким увлечением преданного археологии и истории, впрочем только в специальном смысле. Его знания не шагали дальше Литвы и Польши, но зато его можно было назвать ходячим каталогом самых мелочных сведений о минувшем быте этих краев. Человек этот отличался сверх того большим добродушием и бесконечною услужливостью. Памятником знакомства с ним остались у меня богатейшее собрание выписок с указанием на нумера и форматы тех рукописей, из которых они извлечены...» (Костомаров Н. И. Автобиография. М., 1922. С. 259—260).

Виктор активно участвовал в революционной работе. Можно предположить, что благодаря старшему брату Константин стал членом Петербургского революционного кружка Сераковского-Домбровского, объединявшего молодежь военных учебных заведений, студентов и чиновников и находящегося под влиянием великих русских революционеров-демократов Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Это обстоятельство сыграло решающую роль в формировании мировоззрения великого белорусского революционера и просветителя.

[2] Документ найден в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина В. Николаевым.

[3] К. Калиновский получил ученую степень кандидата 21 января, а диплом 17 февраля 1861 года. Во время подачи прошения у него на руках было только свидетельство от 28 июля 1860 года, в котором говорилось, что стипендиат Санкт-Петербургского университета Викентий Калиновский окончил курс наук по камеральному отделу со степенью кандидата, по основным предметам получил отличные оценки, но так как он еще не подал установленную диссертацию на степень кандидата, потому и не утвержден в этой степени «высшим начальством».

[4] Афанасий Федорович — это академик Бычков, известный русский ученый и археограф, в то время заведующий Отделом рукописей, директор Публичной библиотеки, редактор «Словаря белорусского наречия» И. И. Носовича.

[5] Ивановский Антон Доминикович (1823—1873) — уроженец Гродно, в 1857—1869 годах занимал пост младшего библиотекаря в Публичной библиотеке в Петербурге, был членом-сотрудником Виленской археологической комиссии. Историк, библиограф и литератор. Поддерживал связи с освободительным движением.

[6] Резолюция Корфа: «Согласен, если его п[ревосходительст]во Афанасий Федоров[ич] не встречает к тому препятствия. 6 дек.».

Письмо В. Калиновского директору библиотеки имени Оссолинских во Львове А. Белёвскому [1]

5 ноября 1859 г.

Глубокоуважаемый господин!

Еще в июне 26 дня послал Вам копии писем, о которых Вы просили в письме от 18 апреля. Не имея до настоящего времени сведений достигли ли они рук Ваших, начинаю побаиваться, как бы они не затерялись в пути. Глубокоуважаемый господин Ивановский как обычно, так и сейчас, был так добр, что помог мне с их пересылкой. Таким образом, вся моя корреспонденция была адресована из Публичной библиотеки...

...Вот и подходит к концу моя работа для Вас, рад бы, однако, и далее старательно служить Вам, оправдывая дорогую для меня доброжелательность Вашу. Очень хорошо понимаю, что, точно выполняя Ваши просьбы, становлюсь тем самым полезным нашей науке. Постоянно работая с рукописями, мог бы делать и далее с них нужные Вам выписки, если бы имел точные Ваши указания. Таким способом Вы могли бы использовать посылаемые мною Вам копии.

Как обычно, так и в этот раз, письмо мое осмеливаюсь закончить просьбой. Повторяю ее из предыдущего письма. Господин Костомаров [2], бывший профессор Киевского университета, недавно возвратившийся из изгнания, в настоящее время получил кафедру истории в Петербургском университете. Занимается исключительно историей казачества. Намеревается в следующем году во время каникул поехать во Львов. В связи с этим прошу Вас передать через него для меня сведения, какой ценности могут найтись в Вашей библиотеке материалы, относящиеся к восстанию Наливайко и эпохе, предшествующей выступлению Хмельницкого. Кроме этой просьбы передам через него еще и другие. Чаще всего до настоящего времени мне приходилось иметь дело с рукописями со второй половины XVIII века. Удалось найти много прекрасных вещей. Старался извлечь из них все, что позволяли силы и возможности, о целом мире, а более всего о себе забывая. Мир на том ничего не потерял, но я попал в довольно трудное финансовое положение, особенно когда четвертый мой брат после окончания гимназии приехал в Петербург продол-

жать образование. Мы все четверо вынуждены содержать себя сами, мне же, как самому старшему, приходится хлопотать особенно. Готовлю на русском языке отчет о польских рукописных материалах библиотеки, в частности о тех, которые имеют связь с историей Большой и Малой России. Одновременно перевожу наиболее интересные из них вещи...

С уважением к Вам Виктор Калиновский.

Biblioteka Ossolineum, rkps. 2432/11, t. 2, s. 71—74.

[1] Белёвский Август (1806—1876), польский писатель и историк. С 1845 г. работал в библиотеке имени Оссолинских во Львове. В 1857 г. приезжал в Петербург для поисков в Императорской публичной библиотеке, где познакомился с Виктором Калиновским. Между учеными велась переписка. Сохранилось четыре письма В. Калиновского к А. Белёвскому.

[2] Костомаров Николай Иванович (1817—1885) — украинский и русский историк, этнограф и писатель, профессор Киевского (1846—1847) и Петербургского (1859—1862) университетов. Научные интересы Н. И. Костомарова — проблема казацких восстаний, а также причины упадка Речи Посполитой. В своих воспоминаниях дал замечательную характеристику научной эрудиции и нравственных качеств В. Калиновского, с которым был знаком.

Копия диплома К. Калиновского на степень кандидата наук

Диплом

Совет Императорского Санкт-Петербургского университета сим объявляет, что Викентий Константин Семенов сын Калиновский, из дворян, 22 лет от роду, римско-католического исповедания, поступил в число студентов сего университета 5 октября 1856 года, выслушал при отлично-хорошем поведении полный курс наук по камеральному разряду юридического факультета и оказал на испытаниях следующие познания: в государственном праве Российской империи, государственном праве европейских держав, законах государственного благоустройства и благочиния, законах о финансах, политической экономии, статистике, технологии, сельском хозяйстве, ботанике и русской истории — отличные; в русском гражданском праве, русском уголовном праве, всеобщей истории, логике и психологии и гражданской архитектуре — хорошие; в системе животного царства, русском и французском языках — до-

статочные, за которые Советом университета признан достойным учебной степени кандидата и утвержден в ней г[осподином] попечителем С.-Петербургского учебного округа 21 января 1861 года. Посему предоставляется Калиновскому по гражданской службе чин десятого класса и право считаться в первом разряде чиновников (Свода Законов изд. 1837 г. Т. III. Уст. о Служб. Прав. ст. 88 и 15), а при поступлении в военную службу право на производство в офицеры по выслуге трех месяцев в унтер-офицерском звании, хотя бы и не имелось вакансии в том полку, в котором будет находиться, если только знанием фронта будет того достоин и все прочие права и преимущества Высочайше дарованные степени кандидата. В засвидетельствование чего дан сей диплом от Совета Императорского Санкт-Петербургского университета с приложением большой университетской печати.

Санкт-Петербург, 17 февраля 1861 года [1].

Ректор Императорского С.-Петербургского университета доктор философии Императорской Академии Наук Ординарный академик и председательствующий в отделении русского языка и словесности, Член Главного правления училища, тайный советник и разных орденов кавалер

Декан факультета

Секретарь Совета

ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 6097, л. 436.

[1] Внизу документа справа надпись, сделанная рукой К. Калиновского: «Подлинник получил В. Калиновский». Слева: «Шесть рублей принял. Казначей (подпись неразборчива)».

Прошение К. Калиновского виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову о назначении на службу

Окончив курс наук в Императорском С.-Петербургском университете со степенью кандидата и желая поступить на службу, имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство доставить мне возможность служить

под просвещенным началом Вашего Высокопревосходительства [1].

Викентий Калиновский.

Вильно,
1861 года, марта, 2 дня.
Жительство мое: Гродненской губ[ернии],
Волковысского уезда, в им[ение] Якушовку.

ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, общее отделение, 1861, д. 30, л. 1. Автограф.

[1] Резолюция: « 5 марта. Объявить о неимении вакансий».

Рапорт пристава 2-го стана Слонимского уезда Л. Ф. Агатина гродненскому генерал-губернатору И. В. Галлеру о распространении К. Калиновским «Мужицкой правды»

27 октября 1862 г.

Временнообязанным крестьянам от некоторого времени подбрасываются злонамеренными людьми экземпляры брошюр для чтения под заглавием «Мужицкая правда». Брошюры эти крестьяне, читая между собой, извлекают разнородную мысль. Желая затем открыть таковые, отправлялся я вчерашнего числа в д. Шейняки во вверенном мне стане, по тракту Волковысскому расположенному, где при содействии местного старосты Людвига Левковича открыл 2 экз. помянутой брошюры. Из числа крестьян деревни Шейняки Мартин Микуцин, Антон Агиевич и Михаил Лукашевич объяснили, что 7 числа настоящего октября месяца в 5 часов пополудни проезжий, следуя почтовым трактом через д. Шейняки в г. Волковыск на паре почтовых лошадей, выбрасывал свертки бумаг на дорогу, и помянутые крестьяне, поднимая, обращались к грамотным своим собратьям прочитывать.

Вышесказанный пассажир одетым был в овчинной шубе, покрытой, казалось им, сукном, воротник от оной из длинных черных барашков, фуражку на голове имел гражданского ведомства [со] звездочкой. Сам был росту среднего, брюнет, усов черных, лет около 36. Если бы в этаком костюме представить вышесказанного пассажира,

крестьяне [его] опознают. Кучер же, везший его, был ямщик из Рожанской почтовой станции, белокурый, усов русых.

Последствием такового разъяснения крестьян обращался я на Рожанскую почтовую станцию и по забранной мною лично справке обнаружил, что проезжим пассажиром был, как видно из книги, в 5 часов выехавший некто дворянин Викентий Калиновский по подорожной в. п. от 5 октября за № 16668, ему выданной возвращающимся из г. Слонима в г. Волковыск. Насколько я мог удостовериться из-под руки, означенный Калиновский служит в одном из присутственных мест г. Волковыска. Ямщик же почтовой Рожанской станции Талай, действительно таких примет, как показали вышесказанные крестьяне, возил Калиновского в Подороск.

Усматривая из представляемых мною при сем двух брошюр [1], что оные имеют цель возмутительную и противозаконную, почитаю за обязанность донести в. п. и почтительнейше присовокупить, что за обращением таковых брошюр между крестьянами имею бдительное наблюдение [2].

Становой пристав, коллежский асессор Агатин

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 477—478.

[1] В деле не имеются.

[2] Гродненский генерал-губернатор, сообщив о рапорте Агатина виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову и шефу жандармов, начальнику III отделения В. А. Долгорукову, тут же отдал секретный приказ земским исправникам и становым приставам о розыске Калиновского, строжайшем наблюдении за проезжающими по почтовым дорогам губернии, становому приставу Агатину объявил выговор «за непреследование по горячим следам». Постоянное секретное наблюдение было установлено за хутором Якушовка, имением отца Калиновского.

Предписание гродненского военного губернатора И. Н. Скворцова уездным военным начальникам о розыске К. Калиновского

30 октября 1863 г.

Вследствие требования Виленской следственной комиссии предлагаю в. вб. принять действенные меры к разысканию, не окажется ли где-либо во вверенном вам уезде

дворянина Волковысского уезда Константина Калиновского, подозреваемого между прочим в разбрасывании печатных брошюр возмутительного содержания по почтовой дороге от Гродно до Волковыска, и в случае, если бы таковой был отыскан, то, заарестовав его, доставить ко мне в Гродно за надлежащим караулом.

Приметы Калиновского: около 30 лет, роста среднего, плотного сложения, темнорусый, лицо большое, черты грубоватые.

Ген[ерал]-майор Скворцов

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 389.

Инструкция Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии командирам повстанческих отрядов [1]

Не позднее 27 февраля 1863 г.

Повстанческая инструкция

Каждый командир отдельного повстанческого отряда до тех пор, пока он не вступит в связь с военным начальником воеводства, является полновластным правителем занятой им местности, хозяином жизни и смерти всех своих подчиненных. В каждом не терпящем отлагательства случае он сам смело разрешает вопросы, исходя при этом только из главных принципов, провозглашенных Национальным правительством.

Командир отряда пользуется следующими правами:

1. Отбирать, с выдачей соответствующих квитанций, огнестрельное оружие, которое будет обнаружено у частных лиц, а также косы, коней, продовольствие, одежду и подводы для перевозок.

2. Выносить немедленные приговоры известным предателям и шпионам, а также лицам, оказывающим сопротивление его распоряжениям.

Командир отряда имеет следующие обязанности:

1. До тех пор, пока он не соберет достаточно сил, он должен избегать решительных схваток с войсками, неустанно, однако, закалять своих подчиненных постоянными нападениями на более мелкие неприятельские отряды, разбросанные по краю, и разоружать их.

2. В местностях, занятых повстанцами или во вновь за-

нимаемых, провозгласить и немедленно привести в исполнение декрет временного правительства о наделении крестьян землей.

3. Уничтожать все до сих пор бывшие власти и устанавливать на их место национальные власти во всех местностях, которыми он владеет, причем никто под строжайшей ответственностью не может уклоняться от выполнения наложенных на него временных повинностей.

4. Под строжайшей ответственностью запретить уплату вражескому правительству существовавших до сих пор налогов, на которые с сего времени имеет исключительное право только Национальное правительство.

5. Поручить соответствующим духовным лицам принять от всех жителей присягу на верность и повиновение Национальному правительству и следить за выполнением этого поручения, а также призвать в ряды повстанцев всех способных владеть оружием.

6. Прерывать коммуникации, где это представляется необходимым, перехватывать телеграммы и депеши, задерживать курьеров и эстафеты, захватывать и отбирать денежные средства, находящиеся в руках вражеского правительства. Изъяв из этих средств сумму недельного жалованья для своего отряда, считая по 2 злотых в день, остальное, если будет надежная связь с соответствующими национальными властями, должен опечатать и незамедлительно им доставить.

7. Истреблять всеми способами царскую полицию.

8. Наиболее известных угнетателей крестьян для примера карать смертью по решению военного суда перед собранным сельским народом, не допуская самочинной расправы.

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 9—11.

[1] Документ, возможно, является переработкой инструкции центральных повстанческих властей Царства Польского. Однако восьмой пункт инструкции имеется лишь в экземплярах, обнаруженных на территории Литвы и Белоруссии (публикуемый документ был найден царскими властями в имении Вышки Динабургского уезда Витебской губернии, другой экземпляр, также рукописный и с печатью Литовского провинциального комитета — в районе м. Вендзяголы Ковенского уезда после боя повстанцев с карателями в июле 1863 года). Включение восьмого пункта в инструкцию и ее распространение обострило борьбу между «красным» и «белым» направлениями в лагере освободительного движения.

Письмо командиру повстанческого отряда в Трокском повете Ф. Вислоуху[1]

16 июня 1863 г.

Привет и братство!

Да здравствует свобода Родины — собственность и равенство крестьянина! Вечная слава вам, ее защитникам!..

В Короне[a] ни на минуту не утих шум стычек, разбитый отряд на следующий же день в удвоенном числе появляется где-нибудь поблизости. Многие из первоначальных командиров полегли с лаврами на челе, оставив в памяти нации свои имена, другие, посылая с эшафота младшим братьям самоотверженный завет, своей стойкостью до последней минуты жизни укрепляли пробудившийся дух нации. Рогинский сослан в рудники. Леон Франковский расстрелян, начальник отряда Кононович — также, Сераковский (Доленго), Колышко — повешены, Козелл убит, Дмоховский пронзен 8 выстрелами — старец полег на руках подрастающей молодежи, о многих менее известных и менее заслуженных и не вспомню. Русские не сохраняют жизни раненым и не дают пощады безрассудно бросающим оружие — виселица или 25 пуль сразу ждут каждого, кто в панике или из-за неповоротливости попадает им в руки. Женщины, публично оскорбляемые, заполняют полицейские кордегардии вместе с преступниками и публичными женщинами, попраны человеческие законы, растоптано человеческое чувство; насилия, которым нет границ и названия, заменили даже деспотические законы. Муравьев наводит ужас на более слабых террором, но народная энергия и растущая гибкость и террор национальных властей вскоре преодолеют бешенство сатрапов.

Однако я пускаюсь в газетные глупости, а вам нужны факты. Простите! Какой-то поп-расстрига (Ламеннэ) сказал год назад, что «границы Польши там, где носят траур и поют гимны». Два месяца назад Валевский заявил с министерской скамьи: «Там пределы польского края, где за него льется кровь». И с тех пор, как оделась в траур старая польская земля, шляхта Литвы и Руси, нет и пяди земли от Молдавии до Смоленской, Псковской, Лифлян-

---

[a] Имеется в виду Польша.

дии, где бы не раздавались выстрелы повстанцев. Запоздалый взрыв Инфлянт вызвал со стороны рассвирепевшей солдатни целый ряд грабежей и убийств — восстание не могло там долго продержаться, но оно, хотя и небольшое по военному значению, имело огромный политический вес. Потом одновременно вспыхнуло восстание в Могилевской и Витебской губерниях, но длилось также недолго; народ, всеми средствами подстрекаемый властями, был для него наибольшим препятствием. Однако Витебская губерния и теперь имеет силы, правда, небольшие, но всегда припуждающие русских к постоянной бдительности. Могилевские же опираются на рубежи Минщины. Украина, Волынь, Подолия одновременным движением попали в самое сердце царизма, и хотя в первый момент погибло много самой энергичной молодежи из-за подстрекательства народа, однако сгруппированные в несколько отрядов не только (на Подолии, на Волыни, к Полесью) тревожат войска, но и наносят чувствительные поражения. Среди убитых — Готфрид Пжепельский, ранены Василевские, брат Юрека (Юрьевича) и много других, имен которых не помню, взят в плен бердичевский военный начальник Падлевский, отец расстрелянного Зыгмунта. Наиболее значительный отряд генерала Эдмунда Ружицкого, преследуемый огромными русскими силами, до сих пор блестяще ускользал, несколько раз налетая на русских и громя их наголову. Имел, однако, и одну большую схватку, в которой одержал такую великолепную победу, что если в глазах края заблистал как новая звезда, то русским он стал ножом в сердце. Дунины [2], три недели державшиеся в своем Любаре, крепко дают себя знать монголам, некий гражданин Цехонский (только не Мауриций) также часто упоминается по поводу удачных, хотя и мелких, стычек. Опираясь на Галицию и Молдавию, могут бунтовать русины, у них достаточно оружия и частых подкреплений, а большая масса способной молодежи открывает широкое поле деятельности для военных начальников.

В Королевстве искуснее всех отличаются Тачановский и Чаховский. Этот последний весьма счастливо устраивает свои дела, еще ни разу не познал поражения, а русские уже насчитывают столько жертв, столько потерь в людях, амуниции и деньгах благодаря его счастливой звезде. Гродно от каждого уезда выставило отряд, сначала не более 100—150 человек, а недавно под общей командой начальника воеводства (Духинский — эмигрант, брат псевдоисторика) три небольших отряда составляли 600 чело-

век. Искусный Валерий Врублевский, какой-то замечательный Ленкевич (о чудо! ей-богу, мне никогда и в голову не приходила мысль, чтобы на свете мог быть какой-нибудь другой Ленкевич, кроме идиота), какой-то экс-полковник гвардейских московских саперов [a], несмотря на огромную массу царского войска, они ставят Гродненщину на высокий уровень. Но приходится признать и то, что один из наших (Хамут [3] — оставь это для себя), комиссар этого воеводства, превосходно организовав гражданскую администрацию, обеспечил отрядам лучшую связь и доставку продовольствия. Недавно на шоссе в Слонимском повете Ленкевич провел превосходную стычку [4], разбил 4 роты, истребив одну вдребезги, так, что барабанщик, оставшийся от роты, ворвавшийся в местечко за 2 мили от поля боя, а двое драгун — за 4 мили, мчались через рынок, крича: [б] «спасайтесь, кто может, мятежники гонят, инсургенты вслед за нами» [б].

Из Ковенского воеводства могу сообщить меньше подробностей, хотя замечательное отношение крестьян, даже хорошее качество оружия и его достаток дают возможность начальникам выводить своих в открытое поле. Но превосходнее всех там Яблоновский: всецело предан засадам, проделкам и выходкам, творит прямо чудеса. В пятницу 26(14) этого месяца пришел в здешний штаб рапорт с такими цифрами: [б] «наших убито на месте 300 человек, ранено 150» [б]. Ничего не прибавлю сверх этого, во-первых, потому, что своего рапорта у нас нет, во-вторых, потому, что русский рапорт выразительнее любых описаний. То, что русские не преувеличивают, не умножают своих потерь,— в это наверняка вы верите; вы якобы разбитые ими десятикратно наголову, взятые в плен и т. д., даже тогда, когда сметаете целые роты, когда, окруженные со всех сторон, героически ускользаете из смертельных объятий, даже тогда, когда без еды, одежды, обуви, известий и тех необходимых для жизни материальных и моральных средств, уничтожаете в засадах вымуштрованную дикую гвардию. В Виленском воеводстве в каждом повете есть свои отряды. Жаль мне твоего соратника и моего друга З. Минейко! Будучи начальником Ошмянского повета, он был схвачен. Не уйдет из лап Муравьева.

---

[a] В русском переводе, сделанном царскими чиновниками, помета на полях: «Траугутт, отст[авной] подполковник сапер[ов] арм[ии]».

[б–б] Написано в оригинале по-русски.

Вот слабый очерк идущей борьбы, не много данных ты почерпнешь из этой картины: у меня нет под рукой ни газет, ни каких-либо известий. Посылаю тебе в беспорядке то, что смог добыть из расстроенной памяти.

Прими это вместе с тем братским чувством, которое я храню в душе к тебе и твоим. Но военные бюллетени еще не насытят тебя. Над боевым знаменем носится дух поднявшегося народа, поэтому тебя должны интересовать проявления его творчества во всех других формах. Кто имеет на них большее право, чем вы, которые пошли при первом призыве воскресающей родины, не страшась трудов и страданий, опасностей и лишений, бросая домашние очаги, пошли, чтобы среди толп чуждых народов вооружать благородные сердца, упражнять мужественную руку для нас и за нас. В многолетней истории эмиграции как любимейшее детище родины будет сиять ваша генуэзская горстка [5], юношеским сиянием осенила она окровавленное чело народа.

Вы еще не знали презренных подонков с печатью проклятия, с жаром, достойным святых целей, вы не для славы или тщеславия стали над Альпами как путеводное знамя, стремясь чистым, самоотверженным сердцем на наши нивы, чтобы сеять семена свободы, кровью мужественно погибших в бою или умерших мученической смертью у столба казни или же с высоты виселиц создавая новые отряды, рождая ряды мстителей. Европа сейчас не может понять, как рядом друг с другом стоят два правительства: одно — запершееся в цитаделях, казематах, с палками, с тысячами обученного войска, с администрацией и полицией, с путями сообщения; другое — тайное, с невидимой силой, деньгами, печатью, трибуналами и военной системой.

У нас в Литве лишь теперь дело доходит до гражданской организации, так как до сих пор администрация в провинциях почти не действовала из-за подлости и трусости дворянства, рвущегося к должностям без ощущения необходимости работать, без понимания своих сил и обязанностей. Теперь молодой элемент берет дворянство в тиски, через 2—3 недели вы сразу же почувствуете эту разницу, почувствуете, что за вами стоит народ, любящий вас как своих детей, народ, материнской рукой охраняющий вас, увидите, что для братьев, гибнущих на поле боя, готовы приносить жертвы братья с возами продовольствия, со сведениями и обмундированием.

Мы вступаем на тот путь, на который с давних пор указывали дворянству: на путь бешеной энергии, на путь такого терроризма, который не только в корне истребляет подлость, но и без колебаний и жалости убивает пассивность, четвертует слабость и неповоротливость.

Дворянство сторонится от работы в деревне, бежит от вас, так как боится муравьевских виселиц и его секвестров,— так поставим же его так, чтобы ему пришлось выбирать между нашей петлей и пучком смолистой лучины и царской карой. Когда тысячи голодных, ослабевших и раздетых льют благороднейшую кровь в битвах, ты, живой дворянин, как ты можешь оставаться равнодушным зрителем этих бешеных схваток, лишь для того чтобы спасти потом имение, нажитое трудом крестьян?! Если мы вешаем крестьян за то, что они... невежественны, так как доносят и шпионят на собственную погибель, не понимая своего положения и цели борьбы, то какие мучения и казни должны мы готовить для виновников крестьянской горькой доли, виновников стольких жертв, наших поражений и страданий — для дворянства, которое вслед за вами шлет гонцов к русским, запирается в городах, продавая сначала свои запасы из амбаров, и т. д.?! Вам, обладающим силой, стоящим среди народа, искренно вам сочувствующего, нельзя — под страхом не понять важность настоящего момента и влияния на народные понятия — жаловаться на подлость дворянства. Пусть хоть один или двое недоброжелательных панов заболтаются тучными тельцами на сухих ветвях, пусть хоть один угнетатель крестьян захрипит на виселице перед прежними своими неграми за донос, за невыполнение приказа или обязанности, за неизгладимые и невознаградимые обиды, причиненные народу или вам, а поэтому и общему делу,— и народ вас поймет, народ не назовет вас «барчуками», видя в вас вдохновенный трибунал свободы, о которой он мечтал от колыбели, защитников всеобщей воли, он окружит вас доверием и верой... В своей стране вы не должны получать ответа «не дают». От вашего успеха зависит судьба страны — как можете вы терпеть горести или нужду, боясь оскорбить нервы дворянки грубым голосом приказа или нарушить покой дворянина, смердящего в гнусной праздности подобно улитке.

Искуснее всего помогают администрации края и повстанческим действиям в Королевстве и в Гродненском воеводстве мелкие отряды в 6—10—12 конных «жандармов», которые тревожат врага, собравшись по нескольку

вместе, истребляют его пикеты численностью до нескольких рот, вешают шпионов, уничтожают московские гражданские власти, перехватывают почту, приводят население к присяге, контролируют регулярную доставку продовольствия и обмундирования для отрядов, собирают оружие, препятствуют созданию милиции и т. д.

Наиболее интересным из подпольных революционных действий в настоящее время является захват Национальным правительством 3 700 000 руб. серебром из главного казначейства Королевства Польского в Варшаве [6]. Эти деньги взяты под расписку (3 000 000 в бумагах, 300 000 золотом и 400 000 серебром), но так скрытно, что русские в течение нескольких дней не спохватились, а тем временем эти бумаги уже продали за границей. Такая сумма укрепила Национальное правительство, а ловкое это дельце внушило уважение Европе. 17/5 текущего месяца Франция, Англия и Австрия единодушно послали ноты в Питер, настаивая главным образом на выводе войск из всей прежней Польши, с оставлением русских гарнизонов только в крепостях, после чего начались бы переговоры о создании польского королевства. Эти ноты, как мы теперь знаем, царь отверг [7] и, значит, последствием этого — война. Русские не могут вести войны, их казна опустошена, и при появлении чужого регулярного войска весь наш народ открыто восстанет против русских. Итак, выдержите еще месяц, и мы сможем сдать Россию как европейское государство в археологический музей. Русские это чувствуют, ибо свирепствуют неслыханно: вешают, расстреливают, шлют на каторгу по подозрению в принадлежности к восстанию или в симпатии к движению. Особенно сильно выступают против бедных попов: Фелиньский вывезен в Вологду за протест против повешения кс. Конарского, с которого не был снят священнический сан; Боровский, подольский епископ, также — за прочтение папской буллы, благословляющей восстание, и за протест против расстрела ксендза без лишения сана. Красиньский — за то, что не написал обращения, осуждающего восстание. Прелат Бовкевич арестован за то же. Трое ксендзов — Ишора, Земацкий и Сырвид — расстреляны за прочтение манифеста и т. д. Русские чувствуют свой конец, поэтому напрягаются в предсмертных усилиях, пробуют, не удастся ли лживыми обещаниями и террором в последний момент принудить сложить оружие. Видимо, мы прочно стоим, если евреи не хотели и не подали адреса, а Домейко, при самом искреннем желании, не смог его провести [8]. Но и мы

чувствуем в себе новые силы, видим позорный конец царского могущества; после каждой экзекуции работа у нас идет все лучше, молодежь берет верх, и мы надеемся вскоре так организоваться, что нас скорее одолеют века, чем «заржавевшее орудие пытки».

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 33—42.

[1] Документ обнаружен властями при аресте адъютанта командира повстанческого отряда в Виленской губернии Ф. Вислоуха — В. Комара. По его показаниям, письмо было принесено в отряд неизвестным крестьянином, читалось Ф. Вислоухом и офицерами его отряда, а затем было отдано на хранение В. Комару.

Широкая осведомленность автора письма, выражаемые им надежды на усиление в руководстве восстанием влияния революционно-демократических сил свидетельствуют о том, что автор принадлежал к числу руководящих деятелей восстания в Литве и Белоруссии и, более того, относился к сторонникам К. Калиновского. В литературе имеется мнение, что автором письма был В. Малаховский (А. Ф. Смирнов. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. М., 1963. С. 257).

[2] Очевидно, имеются в виду действия повстанческого отряда Станислава Дунина, сформированного в Заславском и Житомирском уездах Волынской губернии.

[3] Один из псевдонимов К. Калиновского. В конце марта 1863 г., после роспуска Литовского провинциального комитета, он выехал в Гродненскую губернию в качестве повстанческого комиссара.

[4] 21 — 22 мая 1863 г. в районе деревни Миловиды Слонимского уезда произошел успешный бой объединенного повстанческого отряда под командой Ляндера (Ленкевича) с царскими войсками.

[5] В октябре 1861 — августе 1862 гг. в Генуе, а затем Кунео (Италия) действовала военная школа, созданная руководством польской эмиграции для подготовки военных кадров будущего восстания. Слушателем школы был и Ф. Вислоух.

[6] В начале июня по новому стилю 1863 г. варшавская революционная организация провела под руководством А. Вашковского изъятие 3 600 000 руб. из главной кассы Королевства Польского.

[7] 5(17) июня 1863 г. французский министр иностранных дел Э. Друэн де Люи направил царскому правительству ноту, повторенную также Англией и Австрией. В ноте указывались пункты, принятие которых Российской империей могло бы послужить основой для дальнейших переговоров по урегулированию польского вопроса: всеобщая и полная амнистия участникам восстания, расширение прав поляков на занятие официальных должностей, признание польского языка государственным и др.

1(13) июля 1863 г. последовал отрицательный ответ царского правительства, выраженный в ноте министра иностранных дел А. М. Горчакова.

[8] С момента приезда в Вильно М. Н. Муравьева виленский губернский предводитель дворянства А. Домейко предпринимал меры по подготовке верноподданнического адреса царю от дворянства.

Из показаний В. Гажича[1] о студенческой организации Санкт-Петербургского университета

14 сентября 1863 г.

Воспитание мое я начал в Варшавской гимназии, откуда в 1860 году я поехал в С.-Петербург, где был вольным слушателем лекций в университете.

В Петербурге я пробыл только один год и два месяца и хотя не состоял в университете, но, живя вместе со студентами, знал, что все находившиеся в оном были разделены на три клуба, а именно: русские, поляки и немцы. Между ними ничего общего не было, и сходки из этих трех национальностей составлялись только тогда, когда интересы касались всего университета; таковые составлялись большею частью из избранных депутатов и были в самом здании университета. Подробностей русского и немецкого обществ я не знаю, в польском же положение было следующее: общество состояло более чем из 500 человек[2]. Принимались в члены оного только те из студентов, которые могли быть рекомендованы по крайней мере пятью своими товарищами, причем могли бы также жертвовать деньги, сколько кто мог и желал. Эти деньги ежемесячно разделялись бедным студентам поровну. Общество имело свою библиотеку, и кто из студентов желал брать из оной книги, тот обязан был платить особо, по сорока копеек в месяц... Кто был кассир — я не помню, библиотекарями же были в разное время студенты Калиновский, Трейдосевич и Поменовский[3].

Библиотекарь пользовался особым уважением общества и считался как бы старшим лицом, а на сходках имел право окончательно решать дело. На обязанности библиотекаря состояло смотреть за порядком и целостностью книг, а равно и покупать их вновь, но не иначе как по совету нарочно избранных для сего дела пяти членов. Сходки собирались только тогда, когда в этом представлялась надобность, и составлялись из депутатов от каждого факультета, человека по четыре или по пяти, сходились всегда в помещении библиотеки. Ежели сходка должна была составиться из всего общества, то квартира библиотеки, конечно, для сего собрания мала была, и в таком случае каждый факультет собирался у кого-нибудь из своих зна-

комых и рассуждения свои сообщали друг другу через посылаемых товарищей...

Из денег, добровольно жертвованных членами общества, кроме раздачи их бедным, отдавалось несколько процентов для того, чтобы устроить мелочную лавку, в которой бедные студенты могли бы дешевле покупать все для них нужное, купцом этой лавки назначен был студент Стеньпень.

Вышеописанное польское общество разделялось еще на три партии и носили названия белых, умеренных и красных.

К первой принадлежали люди, целью которых было учиться и стараться окончить курс, на политическом же поле никогда не разыгрывать никакой роли; впоследствии эта партия получила название матрикулистов [4], потому что они признали утвержденные правительством матрикулы, за что очень были преследуемы товарищами, не разделявшими их понятий, даже до того, что некоторые должны были оставить университет и возвратиться на родину, впрочем, таких было очень мало.

К партии умеренных принадлежали студенты, также старающиеся учиться, но усвоившие себе мысль, что университет, кроме наук, должен приготовлять молодых людей и к политической жизни, и, наконец, партия красных, которые называли сами себя либералами и революционерами. Отличительная черта их поведения была в том, что они ходили в изорванных сюртуках и сапогах, а вместо галстука на шее носили полотенца, сия последняя партия составляла большинство общества. К ней принадлежали студенты Стетцкевич, Черноцкий [5] и многие другие; из них особенно резкою фигурою выставлялся студент Калиновский.

Партия белых состояла из людей высшего сословия всех провинций, получивших хорошие домашние направления и образование. Умеренные были большей частью из Царства Польского, а красные почти все из западных и юго-западных губерний, большею частью не получившие домашнего образования и принадлежавшие к низшему слою людей. При бывших сходках никогда они не рассуждали о политических делах, в семейных же, товарищеских кружках очень часто об этом толковали. Относительно польского вопроса понятия этих трех партий определить можно следующим образом: партия белых утверждала, что только единственным образом можно быть полезным своему отечеству, а именно: образуя себя специально в

науках, необходимых в общественной жизни, равно как и в жизни народной, приготовляясь быть хорошими математиками, экономистами, юристами и так далее, только таким образом они предполагали быть полезными в общественной жизни, одним словом, они утверждали, что только зрелому народу может быть хорошо и в политическом отношении, а зрелость эта достигается через умственное и душевное образование. Партия умеренных[6] не отвергала революцию, однако же верила в нее как в средство крайнее, требующее многих жертв, изнуряющее народ, средство, от употребления которого надо избегать всеми силами, но которое, однако, употреблять можно в крайних случаях, потому они наблюдали за прогрессом европейской политики и выжидали минуты, способной поднять вопрос о политической самостоятельности Польши, что впоследствии и началось через демонстрации и манифестации.

Партия красных верила лишь в революцию не в высшем значении сего слова, но в революцию кулачную, соединенную с социальным переворотом, в этом отношении они были согласными с либералами русского общества[7], которым они вообще очень симпатизировали. Впоследствии многие из этой партии определились в должности сельских писарей, для того что, основывая свои надежды на социальном перевороте, они хотели иметь непосредственное влияние на крестьян, побуждая их к революции...

Дворянин Витольд Гажич

ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, политическое отделение, 1863, д. 743, л. 15—17.

[1] Гажич Витольд — сын помещика Брест-Литовского уезда, воспитанник Варшавской гимназии, в начале 60-х годов — вольнослушатель Санкт-Петербургского университета, член студенческой организации, позднее участник восстания 1863 года в Белоруссии, революционный комиссар Лидского уезда. Арестован в 1863 году, умер в Москве, по дороге в ссылку.

[2] Эта организация студентов носила название «Огул». В ее составе были выходцы из Польши, Литвы и Белоруссии.

[3] Трейдосевич — из мещан, окончил Варшавскую гимназию, в университете учился в 1855 — 1858 годах; сын чиновника Поменовский был однокурсником Калиновского, окончил гимназию в Люблине.

[4] Матрикулы — зачетные книжки, установленные правительством в 1861 году при введении новых университетских правил, которые значительно ухудшили положение студентов. Большинство студентов отказалось их взять, в связи с чем осенью 1861 года в университетах начались студенческие волнения.

[5] Вероятно, имеются в виду Северин Стетцкевич (в 1857 году принят в университет по камеральному разряду, со следующего года — вольнослушатель) и Евстафий Чарновский (в 1858 году по-

ступил в университет по юридическому разряду, затем перешел на разряд естественных наук, в 1861 году уволился, не приняв матрикул; активный деятель студенческого «Огула», впоследствии известный участник восстания 1863 года в Литве и Белоруссии).

[6] К партии умеренных принадлежал и Витольд Гажич.

[7] Имеются в виду русские революционные демократы, возглавляемые Н. Г. Чернышевским.

Из показаний С. Ожешко[1] в Виленской особой следственной комиссии

20 сентября 1863 г.

...Все, что знаю относительно устройства организации, состоит в следующем: со дня беспорядков в крае образовался Литовский комитет, сначала мало зависимый от Варшавского. Впоследствии, приобретя большую связь с Варшавским комитетом, он переименован в «Отдел, управляющий Литвою» [а] («Wydział zarządzający prowincjami Litwy»), а вслед за тем, подпав под большую зависимость, получил название «Отдел исполнительный на Литве» [а] («Wydział wykonawczy na Litwe»), под которым и существовал последнее время. Сколько было известно мне, Отдел исполнительный на Литве состоял из 5 членов, из коих были мне известны Яков Гейштор (как я помню — председатель) и Константин Калиновский (как заведующий отделением внутренних дел)... Относительно Калиновского я удостоверился таким образом: пред выездом из Вильно я зашел к Лепковскому. В это время у него был Калиновский, которого прежде я встречал у Малаховского. Лепковский объявил о моем выезде в Гродно, просил Калиновского дать мне письмо на случай протекции и охранения. Действительно, на другой день такое письмо я получил из рук Флерковского. Оно было... с надписью: «Отдел исполнительный на Литве, отделение внутренних дел», за подписью «Cham...» («Хам...») [б] и адресовано на имя комиссара Гродненской губернии, к которому я должен был обратиться чрез доктора Заблоцкого [2]. Письмо, как уверил меня Флерковский, было дано Калиновским...

Дворянин Станислав Ожешко

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 156—162.

[1] Ожешко Станислав — сын помещика Луцкого уезда Волынской губернии, окончил Дерптский университет. В 1863 году был

[а—а] Приписано внизу страницы.

[б] Т. е. Chamowicz (Хамович) — псевдоним Калиновского,

начальником повстанческой полиции города Вильно, в августе арестован, дал обширные показания, сослан.

[2] Повстанческим комиссаром Гродненского воеводства был в это время брат доктора Заблоцкого Эразм Заблоцкий.

Из показаний Ф. Коноплянского [1] в Виленской особой следственной комиссии о повстанческой организации Виленского воеводства

6 октября 1863 г.

6 октября 1863 г. склоняемый мало-помалу к сознанию, Коноплянский спрашиван и показал:

Не помню дня, кажется, в первой половине июня с. г. я встретился с Дюлераном, которого знал только по фамилии, и, остановясь возле своей квартиры, вступил с ним в разговор, последствием которого было предложение с его стороны, чтобы я принял участие в польской организации. Как ни был далек от того, чтобы принимать на себя какое-либо содействие в деле, противном моим убеждениям, я невольно подчинился настойчивым требованиям Дюлерана. Вследствие этого на другой же день Дюлеран явился ко мне на квартиру с каким-то господином. Предложив мне принять обязанность начальника губернии по организации [2], Дюлеран объявил, что все подробности, объясняющие эту должность, и сведения о лицах, с которыми поставлен буду в обязанность сноситься, я получу от пришедшего с Дюлераном господина. Затем Дюлеран удалился, и я более его не встречал. Господин этот, назвавшийся Константином (впоследствии я узнал, что он Калиновский), вручил мне номинацию и три печати: одну для меня и две для передачи начальникам городов, кажется Лиды и Трок. Вместе с тем он объяснил, что моя обязанность будет состоять в следующем: 1) обратить самое усиленное внимание на поспешность взыскания податей, так как средства организации приходили к истощению, а потому немедленно подтвердить начальникам уездов о самом точном исполнении предписанных на этот предмет правил, сущность которых мне не была передана; 2) из числа доставляемых начальниками уездов податных сборов $^1/_8$ часть оставлять у себя на случай непредвиденных расходов, а остальные передавать ему, Калиновскому; 3) собирать,

сколь возможно, точные сведения о находящихся в уездах партиях, о средствах их существования как по части продовольствия, так относительно их снаряжения и в крайних и экстренных случаях делать распоряжения самому, обыкновенно же сообщать Калиновскому для совместного со мною совещания. Кто был военным начальником в губернии, Калиновский мне не сказал. В заключение он мне объявил, что снабдит меня полною инструкцией, но я не получил ее, и назвал мне всех лиц, с которыми я должен сноситься...

Обо всех этих сообщениях из уездов я тогда же передавал словесно Константину Калиновскому, равно и все получаемые письменные уведомления сдавал ему для дальнейшего распоряжения. (Калиновский на все мои требования о месте своего жительства мне не объявил, а потому все встречи мои с ним, всего около пяти раз, были или у меня или же на улице.) Затем обратно ко мне от Калиновского никаких распоряжений не было, и я сам таковых не давал ни одному из уездных начальников. Какую должность исполнял Калиновский, мне неизвестно, но я был подчинен ему и считал его членом Литовского комитета. Он неоднократно напоминал мне о необходимости избрать для себя agenturu, как-то: воеводских: военного начальника, контролера, кассира, экспедитора, но я, не желая принять на себя этого дела, всегда просил Калиновского, чтобы он сам этим озаботился. Между тем время шло, назначением этих лиц он медлил и даже, кажется, вовсе не распорядился. Указал мне только Сигизмунда Чеховича как занимавшего должность экспедитора, с которым все мои сношения ограничились тем, что я передал ему для рассылки по уездам бланкеты на контрадрес, когда он пришел ко мне, и был у него один раз на Скопувке в квартире рядом с домом Жабы по делу той же рассылки бланков. Более затем лиц, увлеченных потоком восстания, я никого не знал, кроме Суходольского [3] и Лавреновича (как узнал в комиссии — Лангнера) [4]. Первого из них привел однажды Калиновский и представил мне как личность, с которою я должен был сноситься в отсутствие его, после чего Суходольский приходил ко мне другой раз и получил от меня 75 руб. на свое содержание из 300 руб., принятых мною от Калиновского. В один из последующих ко мне визитов Суходольский снова получил от меня 75 руб. Вообще же Суходольский являлся ко мне за получением известий из уездов и должен был передавать обо всем, что узнает, Калиновскому... Однажды Калиновский явился ко

мне на квартиру с инженерным офицером и, назвав его Малаховским, представил мне как начальника города. После того с Малаховским я более не встречался, сношений с ним никаких не имел и в чем заключалась его деятельность не знаю. Будучи не в состоянии припомнить, кто был начальником Трокского уезда, могу сказать только то, что об этом должен знать Суходольский, как доставивший мне список всех служащих по уездам, который я впоследствии и уничтожил.

Франц Яков Коноплянский

Показания отбирали: ген[ерал]-майор Соболевский, полковник барон Тизенгаузен, полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, обер-аудитор Алексеев

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 166—169.

[1] Коноплянский Францишек (1814 — 1864) — отставной поручик, помещик Дисненского уезда. В 1863 году — повстанческий гражданский начальник Виленского воеводства. Умер по дороге на каторгу.

[2] Имеется в виду должность повстанческого гражданского начальника Виленского воеводства.

[3] Людвик Суходольский — псевдоним повстанческого комиссара Виленского воеводства Мечислава Дормановского.

[4] Франц Лангнер — помощник Дормановского.

Из показаний комиссара Минского воеводства И. Ямонта [1] в Виленской особой следственной комиссии о минской повстанческой организации

10 февраля 1864 г.

10 февраля 1864 г. в Особой следственной по политическим делам комиссии дворянин Иосиф Ямонт, 23 лет, католического исповедания, показал:

По окончании в 1858 г. воспитания в Виленском дворянском институте я поступил в С.-Петербургский университет, из которого выбыл в 1861 г. по причине глазной болезни, от которой, возвратясь к родителям, я пользовался сначала домашними средствами, а после постоянными советами виленского окулиста Цывинского. Дома же, по мере возможности, я помогал отцу моему в административных делах князя Витгенштейна, делами которого отец

мой занимался до 1863 г., передав их окончательно новому поверенному князя в июне того года...

Между петербургскими моими товарищами я узнал В. К. Калиновского [2], которого летом 1863 г. я стал часто встречать на улицах. Всякий раз в минутных с ним разговорах я узнавал что-нибудь из интересовавших всех в то время новостей, но никогда положительно не мог узнать о занятиях Калиновского, ни об общественном его положении, конечно, подозревая в нем человека сколько-нибудь прикосновенного к текущим обстоятельствам. На запросы мои о его квартире он мне отвечал, что живет почти на предместье, куда приходит только ночевать, проводя же весь день в городе за работой, которой у него теперь пропасть.

Это было в половине июля. Калиновский предложил мне зайти с ним к одному его знакомому, чтобы поговорить посвободнее. Мы вошли к студенту Далевскому. Здесь в разговоре, при котором Далевский не присутствовал, Калиновский сказал мне, что, зная меня в университете пылким идеалистом, он не надеялся встретить во мне столько апатичности, которая-то и развивается вследствие бездействия, между тем как своими способностями я мог бы принести пользу общему делу. Я ему на то ответил, что сам я не прочь от какой-нибудь работы, лишь бы она мне была по вкусу, но что на свою руку я ничего не решусь предпринять и не вступлю в никакую обязательную и ответственную должность. «Ничего легче,— ответил Калиновский.— Ты любишь писать, у меня переписка большая, помоги мне в ней». Я согласился. Тогда я узнал, что В. Калиновский был комиссаром на Литве. Мы с ним уговорились сходиться в известные часы, смотря по надобности, ежедневно или через 2—3 дня на квартире Далевского, с которым меня сейчас же и познакомил.

В условные часы я являлся, и, находя Калиновского, получал от него сюжет требуемой бумаги и обрабатывал ее тут же. Калиновский же в то время занимался чтением полученных корреспонденций. Или же если его не заставал, то получал от Далевского выписку содержания требуемой бумаги, которую, составив, я оставлял у Далевского для переписки начисто, если не мог сразу написать на бланке. Так прошел весь август месяц, в течение которого я, кроме мелких ответов на разные отношения властей воеводских, написал два обширных рапорта в Варшаву о состоянии литовского восстания и положении края. Объясняя в них исключительные условия Литвы, я оспаривал

пользу в присоединении воеводств Ковенского и Гродненского к управлению Царства. Составил циркуляр Отдела литовского к воеводам о подписании адреса к государю [3]. Составил тоже инструкцию приготовительным работам организации в воеводствах Минском, Витебском и Могилевском, как не могущих впредь заявить свои стремления вооруженными действиями [4] и пр.

...По желанию отца я решился ехать в Минск. Не связанный обязательным положением в организации, я предупредил Калиновского, что с первых же дней сентября не могу больше заниматься при нем. Он меня не удерживал, предложил только принять поручение по делам организации в Минске. 10 сентября я зашел на квартиру Далевского, получил инструкцию и адрес минского воеводского начальника и 12 сентября отправился в Минск.

Содержание инструкции было следующее:

Секретарь комиссара, отправляясь в Минск, истребует от начальника воеводства:

1. Сведений о состоянии организации.
2. Насколько выполняются присылаемые из отдела Литовского инструкции и узнает причины их изменений.
3. Почему в Вильне не получаются из Минска материалы для заграничных корреспонденций.
4. Узнает мнение воеводского управления насчет средств, которыми можно было бы привлечь крестьян к мятежу.
5. Узнает, имеют ли еще в воеводстве Минском значение революционные листки, и если имеют, то какого характера должны быть воззвания и пр.
6. Узнает о состоянии финансов и основания, на которых взимались с жителей подати в пользу восстания, равно поверит денежные расходы и обо всем этом донесет письменно комиссару.

...Вынужденный по делу посессии [a] Самуэлевской отправиться в Вильно, я выехал из Минска 24 декабря вечером, желая вместе с тем выяснить перед Калиновским подробное положение, средства и дух Минского воеводства, узнать надежды и планы в будущем, а главное потребовать сведений из-за границы. Но Калиновский сам еще не имел решительных данных, обещал, снесясь с Варшавою и заграничною агентурою, прислать в Минск инструкцию дальнейшим работам, а между тем советовал лишь держаться консервативно в ожидании развязки го-

---

[a] Посессия — арендованное поместье.

товящихся в Европе политических перемен. Калиновский обещал вскоре через кого-нибудь едущего в Минск прислать адреса корреспонденциям из Минска и Могилева, адреса в Вильне для личных свиданий, переменив сигнал и лозунг между Вильном и Минском. У Калиновского встретил я Парафиановича, которого первый раз видел в сентябре, на почтовой станции Молодечно, кажется, едущего в Вильно с доктором М. Оскерко [5]...

Керсновского, Китновского, Жука, Брилевского, Буконовского, Владислава Милевича, доктора Бронислава Мацкевича, Юзефы Баневич и Каролины Яцыно не знаю лично и не слыхал о них в организации. Милевича одного знаю, имя его Ильдефонс, служил он при гродненской люстрации [a], встречал я его в Петербурге у Виктора Калиновского. Летом 1863 г. Ильдефонс Милевич приехал в Вильно, был несколько раз у меня, и, как мне известно, он старался получить здесь место штатное или частное, находя свою службу в Гродно невыгодною. Спрашивал меня, не может ли мой отец отрекомендовать его к князю Витгенштейну, но в управлении имениями князя Витгенштейна ни землемера, ни люстратора тогда не требовалось. В разговоре Милевич упоминал, что главный люстратор по Ковенской и Гродненской губерниям Сакович обещал дать ему место в Вильне, упоминал тоже о том, что мать его живет в Трокском уезде, что он ее посещал в бытность свою в Вильне.

Сношений Милевича с Калиновским я не знаю, если они и были, то очень понятно, что я не мог упоминать перед Милевичем о Калиновском, чтобы не разглашать его инкогнито, а Калиновский, в свою очередь, не видел бы надобности выказывать мне Милевича. Осторожность же Калиновского, кажется, небезызвестна и самой комиссии.

С июня месяца по сентябрь я часто занимался при К. Калиновском обработкою организационных бумаг, но занятия эти не были для меня обязательными, так как я в организацию не вступал. Переписку, которую Калиновский удерживал с воеводствами, я не вел постоянно, а составлял только бумаги, требующие тщательнейшей отделки (как-то: циркуляры, полемику с Варшавой, не понимавшей местных отличительных условий Литовского края, и т. п.).

И именно вследствие того, что не вел постоянно деловой переписки, я не мог следить за ходом дел в воевод-

[a] Учреждение, занимающееся учетом государственного имущества.

ствах, во-вторых, не имея никакой обязательной функции в организации, я не имел сношений с людьми, к ней не принадлежавшими. Занятия мои при Калиновском были частным трудом, отношения мои к Калиновскому не были как секретаря к комиссару, но чисто личные, так сказать «вольнонаемного», притом же, хотя бы только по простому чувству дискретности [a], не принимая обязанностей как члена организации, я не мог требовать сведений, не переходящих за ее пределы. Дел городских я вовсе не знал, в разговоре о них Калиновский выражался очень поверхностно, о Виленском воеводстве он вспоминал в августе месяце, что в уездах невозможно провести организацию. В Инфлянты и Витебское воеводство мне ни разу не приходилось писать ни одной бумаги...

Дворянин Иосиф Ямонт

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 446—455.

[1] Ямонт Иосиф — один из руководителей восстания 1863—1864 годов в Белоруссии и Литве. Сторонник партии «красных». С лета 1863 года — секретарь К. Калиновского, его соратник по руководству восстанием. Квартира И. Ямонта в Вильно — одна из главных конспиративных квартир Калиновского. С октября 1863 года — повстанческий комиссар Минской губернии. В январе 1864 года арестован и сослан в Сибирь.

[2] Викентия Константина. (Примечание источника).

[3] Циркуляр Литовского отдела воеводам о подписании адреса царю. Очевидно, речь идет об обращении Исполнительного отдела Литвы от 2 сентября 1863 г.

[4] Инструкция о приготовительных работах организации в воеводствах Минском, Витебском и Могилевском не обнаружена.

[5] В. Парфианович в своих показаниях в Виленской следственной комиссии в январе — марте 1864 г. также упоминает об этой встрече, указывая только, что она состоялась не в Молодечно, а в Радошковичах (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 437, л. 12 — 15).

Из показаний В. Парфиановича [1] в Виленской особой следственной комиссии о деятельности минской повстанческой организации и ее связях с Виленским повстанческим центром

Не ранее 12 марта 1864 г. [2]

Выписка из показаний политического преступника Витольда Парфиановича, относящихся к доктору Михаилу Оскерке.

[a] Dyskretność — деликатность, умение хранить чужие тайны.

К. Калиновский. Снимок 1862 года

N 1.

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dzieciuki!

Minuło uże toje, kali zdawało sia usim, szto mużyckaja ruka zdasce tolko da sachi. —ciepier nastau taki czas, szto my sami możem pisaci, i to pisaci takuju praudu sprawiedliwu jak Boh na niebi. O. zabremić nasza prauda i jak małanka pierelecić pa swieci! Niechaj paznajuć szto my możem nie tolko karmić swaim chlebom, no jeszcze i uczyć swajej mużyckoj praudy.

Pytali i pytajuć usie, szto czuwaci na swieci, chto nam biedym mużykam dašć wolność? No praudu skazauszy mało chto chocze skazaci tak jak sumlenie każe—pa sprawiedliwości. My mużyki, braty waszyje, my wam budziem hawaryć całuju praudu, tolko słuchajcie nas!

Maskali, czynouniki i mnoho panou, budué pierepyniać pismo nasze da was; no najduć sia ludzie i z mużykou razumniejszyje i z panskaho rodu i z miasteczkowych, szto choczuć waszej swabody, waszaho szczaścia. —jony to wam sami heto pismo dawaci buduć, kab wy znali chto wasz pryjaciel, a chto wasz woroch.

Sześć let uże minuło jak packali hawaryć a swabodzie mużyckoj. Hawaryli, tałkawali i pisali mnoho, a niczoho nie zrabili. A hety manifest szto Car z Senatom i z panami dla nas napisau, to taki durny, szto czort wiedaje da czeho jon padobny, —nijakoj u niom niema praudy, niema z jeho dla nas nijakoj karyści. Parabili Kancelaryi, zrabili sud, jakby heto nie usio rouno brać u sraku czy z sudom, czy bez suda. Parabili Pisarou, Pasredni-

kou a usio za mużyckije hroszy i wielikije hroszy —czort ich wiedaje na szto; dla toho chyba, kab zapisywali u księzki, jak mnoho napiszuć na srakach muzyckich. A z hetaho to i widać, szto nam niczoho dobraho i nie dumali zrabici.

Prauda, abieszczali to kaliś dać nam wolność: no jak nam zdajeć sia na nasz muzycki rozum, szto choczuć aszukaci, bo kali prez sześć let niczoho nie zrabili, to czerez rok peunie nie zrobiać. Mohuć jeszcze napisaci i druhi manifest, jeszcze bolszy ad hetaho, no i z hetaho druhoho manifestu niczoho dobraho jak i z pierszaho nie budzie.

Ad maskala i panou nie ma czeho spadziewaci sia; bo jony nie wolności a hłumu i zdzierstwa naszeho choczuć. No nie douho jony nas buduć abdziraci, bo my paznali hdzie siła i prauda i budziem wiedać jak rabić treba kab dastać ziemlu i swabodu. Waźmiem sia Dzieciuki za ruki i dziarżem sia razom! a kali pany schoczuć trymać z nami, tak niechaj że robiać pa świętej sprawiedliwości: bo kali inaczej—tak czort ich pabiery! Mużyk pakul zdużaje trymaci kosu i sakieru, baranić swaho patrapić i u nikoho łaski prasić nie budzie.

Hetu: Mużyckuju Praudu napisau i znou pisaci budzie Jaśko haspadar z pad Wilni

Kasztuje hroszy 5

N 2.

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dzieciuki!

Kali Boh stworyu usich ludziej wolnymi i usim dau adzinakuju duszu, tak skul że heto uziało sia szto adzin marnuje da i nad ludźmi zbytkuje, a druhi biedny pańszczynu służyć, albo abroki u kaznu płacić?

Każny pa swojemu tałkuje, na swaju storonu ciahnie. Car każe szto jon dobre nam dumaje, a pany każuć szto jony dobre dumajuć nam zrabici, a mużyk biedny ad ich dabrości jak prapadau tak i prapadaje.

Kab raztałkawać ludziam u czom prauda ja piszu pismo, a pisaci budu jak Boh i sumlenie każe — wy adno mienie, takoho samaho mużyka jak i wy, pasłuchajcie dobre.

Byu to kaliści narod nasz wolny i bahaty. Nie pomniać hetaho naszyje baćki i dziedy, no ja wyczytau u starych księżkach szto tak kaliści bywało. Pańszczyny tahdy nijakoj nie było. I niema czeho tamu dziwowaci sia, bo było lesu szmat, pola kolko choczesz, a ludziej to mało, tak nasztoż służyć pańszczynu za ziemlu kali każny moh lesu wycierebić, chatu sabie pastawić i mieci swaje pole.

No u susiedztwie z nami żyu Niemiec i Maskal. Adnamu i druhomu bahactwo naszoje kałoło u oczy — kab ich tak kolka schapiła, da i chacieli nas zahnać z naszej baćkouszczyny. Treba było baranici sia, tak Karol każe chadziem baranici a tut nie usie iduć, da i mało naszych paszło. Wyhnali to Maskala i Niemca—no kab żenki da i dzieci hetych szto chadzili na wajnu mieli za czym prażyci, tak Karol nasz i napisau takoje prawo: Hetyje szto nie choczuć iści baranici swajej ziemli, niechaj abrablajuć pole hetym szto bjuć sia za wolność i szczaście usich. I hetak było douho: adnie baranili kraju, usio chadzili pa wojnach a druhije to harali to siejali to kasili to żali. Z hetul to i uziała sia heta pańszczyna. Sudzieceż ciepier sami czy można było zrabici sprawiedliwiej jak zrabiu

kaliści nasu Karol Polski da i Litouski? No kali Maskal z Nięmcom chitrościeju nas padbiu i paszou rąd maskouski tak i usio zrabiło sia pa czortouskú. Stau zaraz Maskal swoj rąd uwodzić u naszom kraju i każe: Mużyk dawaj rekruta, mużyk dawaj padatki, da i pańszczynu jeszcze służy, albo płaci abrok u kaznu! Tak jakajaż tut uże sprawiedliwość, kali usieńko szto ciażko zwalajuć na mużyka, kali z jeho dzieruć astatniu szkuru, bjuć i płakać nie dajuć! Aczyniąli to byli mużyki, uhledzieli szto kiepsko, daj dawaj buntowaci sia pad Kaściuszkaju; a Kaściuszko to każe: kali mużyki choczuć uże sami baranici swaju ziemlu tak niechaj że nie służać pańszczyny, da i nie płaciać u kaznu abroku za ziemlu. Ot heto tak sprawiedliwość!—No sztoż kali Maskal spyniu Manichwest Kaściuszki kab nie pabuntowau usich mużykou. Dla taho to i pabili Maskale Kaściuszku, bo kab mużyki usie razom byli zbuntowali sia i uchapili za sakiery, naży i kosy, takby Maskal musieuby prapaści bez poustania i my na wiek wiekou uże byliby wolnyje.

Tak z hetaho piśma i widno: szto mużyki pańskije i kazionnyje nie pawinni płacić ani czynszu panom ani abroku u kaznu za ziemlu—bo heta ziemla da nas należyć; no kali budzie wajna z Maskalom za naszu wolność, to toj czas treba usim iści na wajnu prociu Maskala. A to dla taho: kab chuczej prahnać Maskala z jeho sabaczym rądom i kab nikoli, nijakoj, nikomu mużyki panszczyny nie służyli i nijakaho u kaznu abroku nie płacili,i kab na wiek wiekou narod nasz byu wolny i szczaśliwy. A kali was chto budzie padmaulac rabici inaczej: czy to Sprau-nik, czy to Akrużny, czy to Łapsesor, czy to Pan, to wy jeho niesłuchajcie, bo to peuno aszukaı 'wo, szto za carskije albo pańskije hroszy wiecznoj waszej zhuby chocze!!

Jaśko haspadar z pad Wilni.

Kasztuje hroszy 5

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dziaciuki!

Żywuczy pad rądom maskouskim kożny wiedaje szto jon nas abdziraje i hłumić; no mało chto dobre padumau czy možno ad jeho spadziewaci sia czeho leń dla nas, albo dla dzieciej naszych. Ja Dziaciuki lepsz znajuczy ad was uzdumau napisaci pismo kab nie mahli tumanić rozumu waszaho. Dla toho czytajcie z uwahaju, a jak piereczytajecie dawajcie da druhoj wioski.

Czelawiek to takuju maje naturu, szto albo niczoho nie wiedaje i niczoho mieci nie chocze, albo kali dawiedajeć sia, to chocze zrazumieci dobre i dastaci usieko szto jemu należyć. Heto wielikaja prauda. Ot jeszcze nie dauno hawaryli naszyje, szto jeny stworeny dla toho, kab służyli pańszczynu i byli niewolnikami, a hawaryli dla toho szto niczoho niewiedali i niczoho mieci niechacieli, — a czy siehodnia hetak skażuc, kali uże wiedajuć mnoho i mnoho chocząć? Siehodnia usie uże parazumnieli, usie uże mużyki tałkujuć, szto Boh stworyu czelawieka kab jon karystawau z wolności sprawiedliwoj i smiejuć sia jak heto mahli inak dumaci. Heto prawo szto narod robić sia razumniejszym, wychodzić ad samoho Boha, a chto jemu schocze spraciulaci sia, taho albo sam Boh albo narod pa prykazu boskomu z ziemloju zmieszaje!

Wy Dziaciuki peunie wielmi ciekawyje skul że heto narod tak parazumnieu? Ja wam skażu skul heto.

Kali Prancuz pad Swistopolom zausim pabiu maskala, to dla toho kab maskal nie mieu siły i hroszy, prykazau narodowi daci wolność, niebraci rekrutou i wielikich padatkou. Maskal zhadziu sia na heto, bo dumau szto narod durny i patrapić jeho aszukaci. Jon to chacieu adno pieremienić niawolu, no baczu wielmi aszukau sia, bo chacia nam rąd maskouski niczoho u sześć let nie zrabiu, no my jak paczuli szto i mużyk może być wolny, tak paczali pytaci sia u ludziej razumniejszych i tałkawaci pamież sabo-ju, aż zrazumieli szto to wolność znaczyć. Ot skul heto uziało sia szto narod parazumnieu. My siehodnia usie uże wiedajem, szto czeławiek wolny heto kali maje kusok swajej ziemli, za katoru ani czynszu i abroku nie płacić, ani pańszczyny nie służyć, — kali płacić małyje padatki i to nie na carskije stajni, psiarni i kurwy, a na patrebu ce-

łaho narodu. kali nie idzie u rekruty czort wiedaje hdzie, a idzie baranici swaho kraju tahdy tolko. kali jaki nieprыjaciel nadyjdzie. — kali robić usięko szto spadabaje i szto nie kryudzić bliźniaho i chwały boskoj. — i kali wyznaje tuju wieru jakuju wyznawali jeho baćki, dziedy i pradziedy. Ot szto wolność znaczyć. Siehodnia to rąd maskouski nas nie atumanić. bo my ciepier nie takije durnyje jak byli upiered i paznali szto nam nie manichwestou carskich a wolności patreba.

Maskal to chitry. jon to Dziaciuki chocze kab nie daci niczoho. a narod dumau szto uże maje usio jak należyć. Nie mieryuszy sudziecie ehacia z hetaho a jeho chitrości. Dwa roki uże tamu. kali jeszcze nijakich manichwestou a wolności nie abjaulali. narod u Piecierburhu, Maskwie i pa cełoj Rassiei paczau wielmi kryczaci, szto kali rąd nie daść jemu wolności, to jon cełaju hramadoju 19 Fewrala zbuntujeć sia, tahdy Car baczu zbajau sia i wieleu Senatawi zjechaci sia, a narodowi abjawić szto u Poście wolność dastanie. Narod durny pawieryu da i razyszou sia. a Car z Senatom patałkawauszy. jak minuła trewoha, tak i abjawiu u miejscu wolności manichwest, a u manichweście prykazywaje mużykam służyć da czasu panszczynu pa staromu, a pa nowomu zapłacić bolsz hroszej u kaznu na pisarou, pasrednikou, da i czort ich wiedaje na szto. Sudziecież ciepier sami czyż nie aszukiwajuć nas?

No nie na douho zdasce im krucielstwo, bo jak ja kazau my uże paznali szto nam nie manichwestou a wolności patreba — i to wolności nie takoj jakuju nam Car schocze daci, no jakuju my sami mużyki pamież saboju zrobimo. A dla toho Dziaciuki kab nichto was nie moh aszukaci, ciepier uże tałkujcie pamież saboju jakoj wam wolnosci patreba i jakim adno sposobom mużyk jeju dastać może. Tolko Dziaciuki śmieło, bo z nami Boh i prauda, a kali my z Bohom to z nami wajawaci trudno bo boska moc wielika a narodu mnoho.

Tak z hetaho piśma i widno: szto niema czeho żdaci ad nikoho, bo toj tolko żnie chto pasieje. Tak siejcież Dziaciuki jak pryjdzie para pouuoju rukoju -nie szkadujcie pracy, kab i mużyk byu czeławiekom wolnym, jak je na całuskom świeci. Boh nam dapamoże!!!

Jaśko haspadar z pad Wilni.

Kasztuje hroszy 5.

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dziaciuki!

Niéma i kuska ziemli na swieci kab ludzie byli adzin u druhóho usio dobryje, niechacieli życi s kryudaju swaho bližniaho. Dla toho, kab była sprawiedliwość i prauda na swieci, a złyje ludzie niezbytkawali i kryudy druhim nierabili je rad, szto biere padatki, robić szkoły, nauczaje każnaho kab żyu pa praudzie, stanowić sud; a kali heto niepamahaje i robić sia niesprawiedliwość, to najmaje wojsko i takściereże każnaho ad licha i zdzierstwa. Ot na szto rąd patrebny. I jak dobry słuha hladzić chudoby haspadarskiej i słuchaje swaho haspadara, tak dobry rąd hładzieć pawinien szczaścia ludziej, słuchać narodu i rabici tak jak narodowi lepiej. I nie dziwo, bo nie narod zroblemy dla rąda, a rąd dla narodu.

Hetak Dziaciuki robić sia na całuśkom swieci. A kali za hranicaju czy to u Prancuza czy u Angliczanina, narod spahadaje rądowi, to dla toho szto rąd słuchaje narodu i robić tak kab narod byu bahaty i szczaśliwy.

A u nas Dziaciuki czy hetak? czy u nas je sprawiedliwaja nauka u szkołach, szto uczyć życi bez kryudy druhoho? czy je prauda i sprawiedliwość u sudzie? czy może czeławiek być peuny szto jeho nichto nie skryudzić? czy rąd maskouski dumaje ab ludziach, kab jeny mahli życi szczaśliwie? Sami skażecie.

U nas Dziaciuki adno uczać u szkołach kab ty znau czytaci pa maskousku, a to dla toho kab ciebie zausim pierarabici na maskala. Sudy maskouskije—heto wouczaja jama, hdzie nie razbierajuć czy za taboju prauda, czy nie, a skubuć adno jak mohuć. Bezpieczności pad maskalom nijakoj niema, chto duższy toj i hłumić; a wojsko to nie dla toho trymajuć kab abierehaci każnaho ad złych ludziej i ad hłumu, a dla toho kab niepazwolić narodowi i zastanać kali paznaje swaju niawolu, kali zhledzić sia szto dzieruć z jeho nad siły. Rąd maskouski jak toj lichi pan, szto paczauszy ad Kamisara aż da Ciwuna pazwalaje każnamu narod hłumici, kab no jak najbolsz hroszej u kieszeń jeho dastało sia. Rąd maskouski Dziaciuki nie tak robić jak rabici treba, niedumaje kab palechczyć narodowi, a wymyszlaje adno sposoby jak abadraci i zausim ludziej zhłumici.

Czemu hetak robić sia pad rądom maskouskim ja wam

skažu—wy adno mienie pasłuchajcie.

Rad heto zausim tak samo jak czeławiek. I jak czeławiek maje haławu na toje kab dumau, a ruki i nohi kab zrabiu tak jak zadumau, tak rad maje Cara kad radziu. a czynounikou pa usich miestach i miasteczkach kad rabili jak Car zachocze. Dla toho jak haława u czeławieka kali zadumaje kiepskoje. to nohi i ruki kiepskoje zrobiac. tak u rądzie kali Car hłumu zachocze, to czynouniki hłumu narobiać. A z hetaho to i widać szto zdzierstwo jakoje u nas wyczauplajuc, to nie dla toho robić sia szto u naszom kraju niema ludziej zdatnych na czynounikou, hatowych i życie swaje addaci dla narodu, a dla toho szto Car hetakich ludziej u sybir wysyłaje, a za naszyje hroszy naznaczaje czynounikami hetych szto adno sami ludziej hłumiać druhim hłumici pazwałajuć i Boha niebajać sia. Hetaki czynounik niedawiedzie uże da rozumu—jon kali i niema prykazu Cara, to sam wydumaje sposob jak abadraci biedny narod. I hdzież tut szukaci praudy?

Tak z hetaho piśma i widno szto hłum. zdzierstwo i niesprawiedliwość wychodzić ad samoho Cara—jon to z nas wybieraje wojsko, jon to z nas wydzieraje hroszy niby na patrebu naroda, a uziauszy sia zausimi byclami za ruki, adno nas ciemiężyć, trymaje u niawoli. No prychodzić jemu uże kaniec, bo mużyk paczuu wolność—a mużyckaja wolność heto usio rouno szto szubienica dla usich zdziercou i hłumicielou naroda! Dla toho to Car spyniaje wolność mużyckuju i spyniaci budzie, dla toho to kali u panou sto raz pytau jakuju jeny choczuć daci wolność mużykam. u mużykou i razu nie spytau jakoj jeny choczuć wolności. Jon znaje jakaja to wolność mużyckaja, jon wiedaje szto mużyk chocze kab nichto nie śmieu draci z nikoho—i dla toho jak my jeho rądu, tak jon naszej wolności baić sia.

Dziery z nas Car, dzierecie z nas czynouniki jeho chacia da astatniej szkury; no pamiatajcie szto i na nas prydzie para. pamiatajcie szto kali mużyk razhulajeć sia, to jak świet szeroki, krou wasza paljeć sia!!!

Jaśko haspadar z pad Wilni.

Kasztuje hroszy 5.

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dziaciuki!

Mało taho szto z mużyka dzieruć na usiakije padatki a-statniu kaszulu, mało taho szto nikoli nie możesz dabici sia da kuska chleba, a usio szto zarobisz addaci musisz czort wiedaje kamu i czort wiedaje na szto, mało taho, każu, szto życio naszeje horsze sabaczaho—no skażecie maje mileńkije czy jeść pamież nami chto leń kab nie apłakiwau jeszcze albo swaho syna, albo swaho brata, albo swaho muża, szto Car zabrau jeho u rekruty, da i zahnau czort wiedaje hdzie? Pracuje baćko ciażko na dziecietki swaje, haduje maci syna noczeńki nie spić, a Car sabacza jeho wiera, jak hety wouk zakrauszysia wialić ławici, u dyby skuci i hnaci ad radni daloko. A maskouskoje życio—horka uże dola. Zabyci tam treba, szto jeść u nas nasza baćkouszczyna, szto jeść u nas nasza radnia, a addaci życio nie za dabro i szczaście usich, a za nie i wieczną niawolu naszych bratou. Hetakaho licha Dziaciuczki i skacina nie znaje, a wy maje mileńkije peunie i niepadumali skul jeno na nas nawiazało sia, czy hetak było za naszych dziedou i pradziedou i czy hetak musić byci? Usio heto ja wam raztałkuju, a chto maje praudu u serou i dabra chocze toj mienie pasłuchaje.

Pomniać jeszcze naszyje dziedy, pakazywajuć jeny, szto za ich czasou mużyki rekruta i nie znali. Było wojsko, to prauda, no wojsko polskoje usio było ze szlachty,a kali mużyki czasami zachacieli iści na wajnu, tak zaraz z ich znimali mużyctwo da i pańszczynu, dawali ziemlu a usiu wiosku rabili szlachtoju. Stul to u nas i parabili sia hetyje akolicy szlacheckije. Tak za toje szto czeławiek szou na wajnu, baraniu swaju baćkouszczynu; to rąd polski dawau ziemlu, dawau wolność, dawau szlachectwo, — a Maskal czy hetak robić? Za toje szto my jemu 25 let na wojnach słażymo bez ludźkoj strawy i adzieży, mało taho, szto nie daje szlachectwa, no sabacza jucha niedaje nawet kuska ziemli, kab moh chacia ciażko harujuczy dadicisia da spakojnoj smierci. Prasłużyuszy 25 let da i torbu uziauszy idzi

Żcbrawaci!

A szto hrechu nabieresz sia piered Bohom spryjajuczy Maskalewi, taho nikoli Boh nie daruje. Idzie Prancuz dawaci wolność mużykam, buntujuć sia miasteczkowyje, da i maładzioż za swaju i naszu wolność i wieru, a my to dajemo rekruta i naszymi hrudźmi Car maskouski zastaułajeć sia i naszymi rukami usmiraje bunty i zaprahaje nas usich u wiecznu niewolu. Taho chto nam dobre dumaje my wyhaniajem, tamu chto nam licho robić my pamahajem,—i czyż nie hreszno piered Bohom; a nie stydno piered celym świetom.—Sami skażecie?

Prauda, szto my byli durnyje i jak hetyje awieczki niczoho nie znali, no zdajeć sia para uże parazumnieć, uhledzieć praudu. Wy wiedajecie Dziaciuki dodre, szto Prancuz prykazau niedawaci uże bolsz Maskalewi rekrutą, dla taho kali Car zachocze uziaci, tak celymi hramadami zhawaryuszysia, nihdzie jemu niedawajcie. Jon ciepier chocze uziaci 5 z tysiaczy no jak my jemu damo 5. to jon poznlej zachocze uziaci 10 i znou pojdzie pa staromu. Ciepier my jemu addamo hyclou. no pozniei treba budzie addaci i swaich synou, Tak dla toho Dziaciuki tałkujcie dobre i niedawajcie sią aszukiwać. Za mużyckuju kryudu stojcie smieło, usie razom, i kali chto zachocze kryudzić was.-wycialiaci rekruta, to chtoby jon nie byu, czy to Starszyną, czy Akrużny, czy choć sam Gubernator, to wy jeho tauczecie mużyckoju rukoju, a budzie wolność i rekruta nie budzie i Boh nam dapamoże!—

Tak Dzieciuki, pa dabrości da ładu nie dojdziem!—

Jasko haspadar s pad Wilni.

Pakazywajuć szto mużyki koło Warszawy zbuntowalisia niedali rekruta, Tahdy Car pa niewoli musieu darawaci. Tak pytaju was Dziaciuki—sztoż nam treba zrabici?

Kasztuie hroszy 5.

MUŻYCKAJA PRAUDA.

Dziaciuki!

Czy maja prauda horka, czy jena sałodka, ja pisau zausiudy i pisaci budu—uczyu ja was jak rabici treba i uczyci budu. Wy adno słuchajcie mienie, tałkujcie dobre i rabiecie tak jak sumlenie Wam skaże, a Boh jeszcze zlitujeć sia nad nami i daść nam szczaście i dabro u nas budzie.

Kali Boh stworyuszy czeławieka dau jemu duszu, to nie na toje kab jon żyu jak sabaka na hetom, a na tamtom świecie prapadau na wiek wiekou u mękach piekielnych,—a dla toho Dziaciuki kab znau zakon Boży, znau swaho Boha, znau swaju wieru i zasłużyu na szczaście niebiesnoje. Kali Syn Boski pryszouszy na hety świet ustanowiu praudziwuju wieru i za hetu wieru cierpieu kryżowyje męki, to nie dla toho, kab jakijeś tam Cary maskouskije, bajstruczaho rodu, pieremieniali zakon Boży, a my, na prykaz hetych Carou wyrekali sia wiery swaich Dziedou i Pradziedou i nie chwalili Boha, a radniu carskuju,—no dla toho Dziaciuki Boh Najwyższy cierpieu za nas, kab zakon Jeho byu uże wieczny, nichto nie smieu pieremieniaci, a my s całoj mocy trymali sia jeho.

No czy hetak Dziaciuki robić sia u nas jak sam Boh prykazywaje,—czy dzierżymo sia my zakonu boskaho? Sami skażecie. Nie adzin uże może zabyu sia szto baćko jeho byu jeszcze sprawiedliwoj unijackoj wiery i nikoli uże nie spomnić na toje szto pierewiernuli jeho na syzmu, na prawosławje, szto jon siehodnia, jak toj sabaka żywie bez wiery i jak sabaka zdochnie czartam da piekła!!! O, Dziaciuki, licho takomu czelawiekowi! A kali my budziem hetak rabici z Bohom, tak sztoż Boh najwyższy z nami zrobić? Addaść u Piekło na wiecznyje męki, budué czerty duszu naszu na kuski rwaci, a smała u wantrobach kipieci budzie. Paznajesz tahdy swaje licho—no u piekle pa nieuczasie uże budzie, nie pieręprosisz tahdy uże sprawiedliwaho Boha i mękam twaim nikoli kańca niebudzie.

Ciepier pytaju Was Dziaciuki—chtoż nam heto licho narabiu i szto zrabici treba, kab my byli szczasliwyje i na hetom i na tamtom świecie?

...na Dziaciuki.—heto Car maskou-
...kupiuszy mnoho papou, wieleu nas u sy-
zapisaci, jon to placiu hroszy kab my tolko piere-
chadzili na prawosławije i jak hety Antychryst, adabrau
ad nas naszu sprawiedliwuju—unijackuju wieru i pahu-
biu nas pier ed Bohom na wieki; a zrabiu heto dla toho,
kab moh nas bez kańca draci, a Boh sprawiedliwy nie
mieu zlitowania nad nami.

No Boże Wszechmocny, miłosierny ty nasz Panie. Ty
ab nas nie zabywaj. zlituj sia nad nami. pamoży nam u na-
szej niedoli, wyżeni Maskala z naszaho kraju. daj nam
praudziwuju wolność i wieru naszych Dziedou i Pradzie-
dou—a kaś[illegible]ioły. szto Maskal, nieczysta jeho siła. paraz-
kidau albo piererabiu na stajni i cerkwi. znou zajaśniejuć
Twajeju chwałoju i narod u nich chwalici Ciebie budzie,
jak chwalili naszyje predki. Zaśpiewajem tahdy u adzin
hołos naszu pieśń światuju: „Święty Boże. święty mocny,
święty nieśmiertelny—zmiłuj się nad nami!" i Boh naj-
wyższy zmiłujeć sia nad nami. dapamoże nam u naszej pra-
cy, a na tamtom świecie daść królestwo niebiesnoje—i nie
buduć uże dzietki naszyje swaju matku praklinaci szto na
świet radziła!!

Pakazywajuć ludzie szto święty Ojciec aż z Rymu pry-
słau uże da nas swaje błahosławienie, (no Maskal jeho
spyniaje)—haworać szto pryszle i ksiendzou, szto buduć
prymaci na unijackuju wieru. Tahdy Dziaciuki chto adno
wieryć u Boha, Jeho Syna i Ducha Swiatoho. niechaj za-
raz pakidaje syzmu i pierechodzić na praudziwuju wieru
Dziedou i Pradziedou. Bo chto nie pierojdzie na uniju, toj
syzmatykom zastanieć sia, toj jak sabaka zdochnie, toj na
tamtom świecie piekielnyje męki cierpieci budzie!

Tak hodziż uże Dziaciuki życi bez nijakoj paciechy na
swiecie kali Boh miłasierny maje zlitowanije nad nami, a
ty czeławiecze, jak pierеczytajesz, albo paczujesz hetu
praudu, zhawary paciery, kab Boh wszechmocny dapamoh
ludziam, szto dabro nam dumajuć, szto choczuć, kab my
byli wolnyje jak szlachta, mieli swaju ziemlu jak szlach-
ta, chwalili Boha pa praudzie i zasłużyli na Niebo na tam-
tom świecie.

Hetaho dla Was ad duszy chocze, wasz brat, taki sa-
my z Dziedou Pradziedou mużyk jak i Wy: no jescze Uni-
jackoj wiery—Jaśko haspadar s pad Wilni.

Kasztuje hroszy 6.

+++

Dzieciuki!

Doubo mouczau ja, niekazau wam niczoho, bo chacieu rozhledziecca dobre, da rozobrać szto heto dziejecca na świeci, sztob uże spowieścić Was po sprawiedliwości da skazać jak nakazuje Boh da sumlenje, szto nam ciepier treba robici. Żdać mouczki bolsz uże nie zmoha! Pomirkujmo tolki szto dumajuć ciepier zrabić z nami.—Obiecau nam Car ziemlu,— Czynounniki, popy da moskali, usi u odzin bołos duryli nas, szto car nam szczyro dumaje, da dać wolu, Sprawiedliwuju Wolu.—I słuchali my cara.—Kazau jon nam jeszcze dwa hody służyć panszczynu i panszczynu my odbuwali.— Nakazau Car nekruta dali my jemu i nekruta, a sami moucaki hledzieli, jak naszych synkou da brałou na kraj świeta pohnali.— Nakinuu nam podusznoho — płacili my poduszne za żywych i umierłych, za dzieciej da za starcou nieduzych,— płacili my ziemsku powinność, da usielakije zbory, płacili na posierednika, na praulenje, starszynam, pisaram okrużnym, asesoram—da Boh wiedaje komu nie płacili—da usio niepytaliś kudy jduć naszy hroszy.— Usi nas kryudzili da usi obdzirali; biu nas silniejszyj, kryudziu bohatszyj—a na toje nidzie niebyło sprawiedliwości.—My usio mouczali, da słuchali, usim kłaniališ, za usio płacili, usio cierpieli żdoczy konca, bo spodziejališ Sprawiedliwoj wolności, spodziejališ szto dadnć wolnuju ziemiełku, da u podosznom sprawiedliwy pobor budzie.— Zamist toho sztob addać naszu ziemiełku, da jakujuś ziemlu?! heto szto z dziedou pradziedou, krounoju pracej dziesiać raz uże na jeje zarabili da zapłacili.— Za hetu ziemlu Car nakazuje nam czynszy płacić u kaznaczejstwo. Da jakijeż czynszy? jakije uzdumajecca postanowić czynounnikam, da sudowym krowopijcam, da jeszcze z kożnym hodom usio bolszyje da bolszy.— Tak woli nam uże i nie budzie: wiek cały płaci, da na wiek nieśi astatki sztob odpłacicsa Pałatam da Prauwlenjam. Padmanuu że nas Car, a jeho służki popy, czynounniki da Moskali podwieli nas jak czort dobru duszu.

Mało toho: bieruczy nekruta na wiećni kazau car szto bolsz brać nie budzie: — my jak taja dziecina i powieryli szto nie budzie, a ciepier bacz! i znou Car nakazuje z każnoje wołości postanowić po sto chłopcou szto pojduć u moskali po achwocie, a jak achotnikou nie budzie tak hromada prysudzić komu jści u nekruty. Skruciusa chiba! sztob to chto jszou u moskali po achwocie. — Tak oś uże u druhe podmanuu nas Car z nekrutom. Uziau piacioch z tysiaczy, a ciepier dawaj sto z wołości, a u osieni jeszcze może dwiesci abo trysta żachocze, bo car so swoimi moskałami nie podużaje mużykou szto podnialisa u Polszczy i nie podoleje Francuza szto za Polszczu ustupiusia. U Polszczy mużyki tak samo jak i my spodziejališ na cara, da żdali woli od nieho, — da jak pobaczyli szto car tolki łostoczkami duszu wyjmaje, a nowymi podatkami, nekrutom da czynszami ostatniu soroczku z nich zdzierci chocze, — ot usi razom z wiłami da z kosami pojszli dobiwacca ziemli da praudy, a inszy i światoj unijackoj wiory. Ot i dobiliś. Wyjszou ўже Polski Manichwest. Ziemla Wolno dajecsa usim mużykam; bo heta/ichnia ziemla z dziedou pradziedou, za hetu ziemlu nichto nie maje odrobiać panszczyzny i czynszou nijakich nikomu płacić; podusznoho bolsz nie budzie, a tolki podymne, jak koliś płacili; niekruta bolsz nie budzie, a usi mużyki i pany i mieszczanje, usiak odsłużyć 3 hody u swojej ziemli i znou sobie wolnyj. — Unijackije kościoły, szto moskali zabrali, oddajucca nazad unijatam i chto chocze maje prawo chreścić dziecioj po unijacki, da do unijackich ksiendzou jści do spowiedzi i po staromu BOHU molicca, jak jeszcze baćki naszy moliliś.

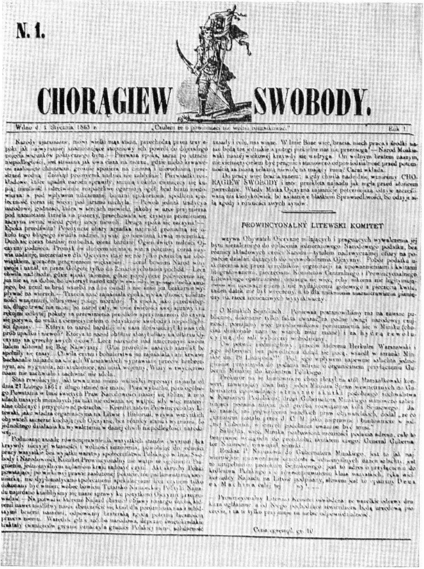
No ciepier sami razbirajcie: dzie bolsza prauda, ci u polskom manichweści, ci u carskom?— Car obiecau dać wolność— da niedau. Obiecau nie brać nekruta— a ciepier uże druhoho nakazuje. Polskij Manichwest dau ziemlu, nie biere nekruta, skinuu poduszne, powiernuu Unju.— No, skażycie, bratki! chto nam lepsz dumaje? Pomohby Francuz i nam jak pomohaje mużykam u Polszczy— dyk sztoś — car odkazuje szto u nas mużyki usim dowolny, jaszoje woli niechoczuć, szto jeny lubiać cara da duszy, szto szluć jemu listy, da znosiać podatki, da achwotno płociać czynszy, a nekruta postanowiać kolki Caru zauhodno, a Unji nichto nie chocze! I tut nas Car podmanywaje, skrywić chocze praudu sztob nas sousim pohubić. A Francuz na nas tolki żdzie; da komuż jon pomohać stanie koli u nas budzie cicho. A my choć nam carskije służki zniewierylis nadto, robim usio szto jeny nam niskażuć. Takim sposobom nie zaznać nam woli, da sprawiedliwości. — Nie tak dumali mużyki u Polszczy. Służyli jeny jemu wierno jak i my, da pobaczyuszy szto nie wysłużać niczoho, stali dobiwacca i dobiliś woli.— A i ich carskije służki duryli, jak nas ciepier durać — podmoulali sztob słać listy do cara pierepraszajuczy, da po staromu nieści podatki, da dawać nekruta, — uczyli i ich jak donosić odzin na odnoho, jak łowić da moskalam odstanoulać, da mało znojszłosia takich sztob to niebojuczyś Boha ni soromu ludzkoho służyć moskalam, bo uże spoznali mużyki carskuju dumku. A takich szto za hroszy nie pobojaliś służyć worobam naszym, szto nie chacieli mużykam ziemli, da praudy na świeci, da spreczny byli nowoj wolności, da nowomu polskomu manichwestu hetakich wieszajuć jak podłych sobak, sieliszcza ich opuścieli, pojszli z dymom ich chaty, propała marno chudoba.

Podumajcie dobre, da pomoliuszysia Bohu stańmo drużno razom za naszuju wolność! Nas car uże nie podmanie— nie podwiednić Moskali! niema dla nich u naszych siełach ni wody ni chleba — dla nich my głuchi i niemy—niczoho nie baczyli i nie czuli.— A pokul jeszcze pora, treba naszym chłopcam spieszyć z wiłami da s kosami tam, hdzie dobiwajucsa woli da praudy — a my ich baćki da żonki naszy, scierebci budziem dauwiedomlać odkul na nich ciahnie nieczysta maskouska siła — da od duszy pomohać usielakimi sposobami dzieciukam naszym szto za nas pojduć bicsa.— A budzie u nas wolnosć jakoj nie było naszym dziedam da baćkam.

Jaśko hospodar z pod Wilni.

Kasztuje hroszy 5.

«Мужицкая правда» № 7

N. 1.

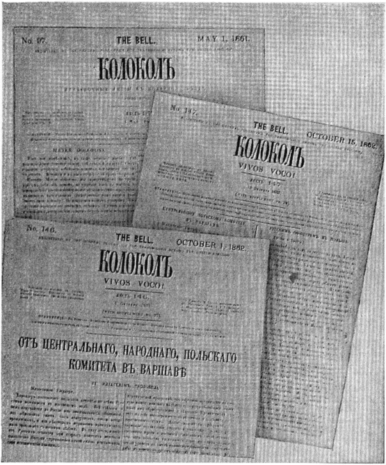
CHORĄGIEW SWOBODY.

Wilno d. 1 Stycznia 1863 r.

PROWINCYONALNY LITEWSKI KOMITET

Cena egzempl. gr. 10

Первый номер газеты «Знамя свободы»

Номера «Колокола», распространявшиеся в западных губерниях

По написании показания 31 января 1864 г. сделано дополнение: «В первый раз я приехал в Вильно с доктором Оскерко (который содержится под арестом в Могилеве) [3], который мне указал Калиновского у Ямонтов (сын которых в Минске), во второй раз я уже видел его на собственной квартире, был у него еще какой-то господин, но фамилии не знаю»...[а]

В показании 2 февраля: «В бытность мою в Могилеве я познакомился с доктором Михаилом Оскерко в феврале 1863 г., который после уехал из Могилева в Вильно; насколько я мог заметить, то он еще в Могилеве участвовал в организации. В Могилеве же я получил от офицера Жуковского около 200 руб. серебром денег и адрес Баневич и Кондратовичевой в Вильно и лозунг, и который от меня требовал, чтобы я отправился в Вильно, после чего получил письмо из Вильно от Оскерки, призывающее меня туда, причем он поручал мне по приезде в Вильно явиться в магазин Плятера и спросить там Нестора [4]. Я отправился в июне в Минск с намерением, чтоб после уехать в Вильно, но так как трудно было выхлопотать себе паспорт, то я вернулся обратно в Могилев безо всяких результатов. Другой раз, кажется, в сентябре, я снова уехал в Минск и там, встретившись с доктором Оскеркой, отправился вместе с ним в Вильно. На дороге в Радошковичах мы встретили молодого Ямонта, который ехал в Минск. Оскерко с ним разговаривал. Приехав в Вильно, мы остановились в «Петербургской» гостинице. Оскерко ушел сейчас в город, и, вернувшись около 4 часов пополудни, он меня взял с собою и завел к Ямонтам [5], там постучал в дверь, которую отворила, кажется, девица Ямонт, и мы вошли в маленькую комнатку от входа прямо (в комнатке вправо от дверей находился диван, при нем стол и два стула, дальше стоял комод, окошко вправо от дивана выходило на галерею). Войдя туда, мы нашли Калиновского и Владислава [б] Милевича, как узнал уже впоследствии от него самого, служившего в гродненской люстрации. Оскерко сказал мою фамилию, но Калиновский про свою умолчал, говорил, что назначит меня комиссаром в Могилев...

В то же время Калиновский объявил, что я должен отправиться в Петербург и повидаться там с Баранецким [6] по делу, которое мне должен сообщить Оскерко, при том он дал мне объявление в Петербург с печатью Жонда, что-

---

[а] Здесь и далее отточия текста.
[б] Правильно — Ильдефонса.

бы там принадлежащий к организации Баранецкий принял меня без опасения; дело это вечером сообщил мне Оскерко, оно состояло в следующем: дал мне письмо от Лясковского к офицеру артиллерийской академии Владимиру Колесову, в котором Лясковский просит его как друга, чтобы постарался выслать два паспорта, но Колесова я не нашел, а письмо уничтожил. Сверх того дал мне 483 руб. и сказал, чтобы эти деньги вручить Баранецкому, сколько я мог заметить из слов Оскерки, для пересылки их скрывавшемуся в Москве и ожидавшему случая выехать за границу минскому помещику Свенторжецкому, вместе с заметкою, за каким паспортом Свенторжецкий скрывается (помню, что паспорт был на имя виленского мещанина Войцеховского), при том сказал, что если в Петербурге нельзя будет достать паспортов для Лясковского и Свенторжецкого, тогда отправиться в Москву и отыскать там бывшего студента Московского университета Бернацкого, который обязан был заняться этим...

По возвращении из Петербурга в квартире Ямонтов опять нашел Калиновского и Милевича; первый, отпуская меня в Могилев, снова подтверждал употреблять меры затруднений к подписанию адреса или, если подпишут, то составить контрадрес, причем вручил: объявление Жонда, написанное в этом же духе, где, между прочим, призывались патриоты не упадать духом, письмо, как можно было заметить по штемпелям, заграничное и газету «Час» с поручением доставить в Минск Оскерко и сказать последнему, чтобы письмо передал «секретарю отделения внутренних дел» («sekretarzowi sekcji spraw wewnętrznych»). Все это я отдал в Минске доктору Оскерке...».

25 февраля: «Хотя поручение к бывшему обер-секретарю Сената Витольду Фомичу Баранецкому я имел от Оскерко, но уверен, что сношения с Баранецким деланы были не последним, как вовсе не бывавшим в Петербурге, но, по всему вероятию, Калиновским...»

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 79—81.

[1] Парфианович Витольд — студент Киевского университета. В 1863 году — комиссар Могилевского воеводства. В январе 1864 года арестован, выдал место, где скрывался К. Калиновский, дал подробные показания.

[2] Датируется по содержанию.

[3] Повстанческий комиссар Минского воеводства М. Оскерко был 22 октября 1863 г. арестован в г. Острове Псковской губернии (ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, политическое отделение, 1863 г., д. 586, л. 2).

[4] Очевидно, Дюлерана.

[5] О конспиративных связях внутри повстанческой организации Литвы и Белоруссии, осуществлявшихся через квартиру Ямонтов в Вильно, см. также показания И. Милевича.

[6] Живет в Малой Морской, № дома 17, квар. № 13. (Примечание источника).

Из показаний И. Милевича[1] в Виленской особой следственной комиссии о деятельности виленской повстанческой организации и роли в ней К. Калиновского

24 марта 1864 г.

24 марта 1864 г. нижепоименованный спрошен в Особой следственной комиссии в Вильне и показал:

Я, Ильдефонс Милевич, дворянин Виленской губернии, 29 лет, католик, недвижимого имения не имею. Воспитывался в Виленской гимназии; около 2 лет служил в обществе Одессо-Киево-Курской железной дороги, после чего в 1860 г. определен был казенным землемером по люстрации в Гродненской губернии и до июля 1863 г. состоял большею частью в командировках по службе, так что в продолжение всего этого времени едва прожил около 7 или 8 месяцев в Гродне. По случаю закрытия люстрационных работ в здешнем крае в прошлом году я вышел в отставку и поселился в Вильне. Здесь я встретился с кандидатом С.-Петербургского университета Константином Калиновским, с которым познакомился еще в бытность в Петербурге в 1860 г. для занятий в управлении вышеназванного общества. Сначала мы с Калиновским встретились как простые знакомые, но вскоре он открылся, что служит здесь в революционном комитете, и предложил мне заняться при нем перепискою бумаг и распоряжений. Где он жил тогда, он мне не открывал, а приходил ко мне на квартиру на Рудницкую улицу в доме Карповича. Впоследствии Калиновский поселился в здании гимназии, и тогда и я навещал его.

Согласившись на предложение Калиновского, я во все время по его поручению переписал, сколько помню, только следующие бумаги от имени Отдела Литвы, и именно: приказания воеводским комиссарам: 1) сколь возможно,

стараться поддерживать организацию и замещать арестованных членов новыми; 2) действовать организации, сколько возможно, осторожнее и незаметнее для правительства; 3) о взыскании с обывателей податей, оставшихся в недоимке за 1863 г.; 4) о старании местных революционных властей снабжать паспортами лиц, принужденных скрываться от правительства [2]. Какие еще бумаги случилось написать мне, припомнить не могу. Все эти распоряжения по преимуществу адресовались в Ковно, Минск, Динабург и по написании всегда были возвращаемы мною Калиновскому. Кроме квартир собственно моей и Калиновского, с последним встречался я несколько раз только у Иосифа Ямонта, с которым меня познакомил Константин Калиновский еще в декабре 1862 г. Какое значение имел в организации Иосиф Ямонт, я первое время не знал, впоследствии же слышал от Константина Калиновского, что Ямонт был комиссаром Минского воеводства. Бывая у молодого Ямонта, я познакомился и с его семейством, но, навещая около раза в неделю это семейство, я редко видел старика Ямонта, который часто уходил или сидел в своем кабинете, и хотя я был Иосифом Ямонтом представлен отцу, но, быть может, он меня не помнит. Последнее время Калиновский сознался мне, что он занимает место уполномоченного комиссара в Литве; но кем был назначен и от кого принял эту должность, того мне не объяснил. Равномерно он мне не говорил ни о ком из служивших в Вильне в организации. Но, бывая у него (в здании гимназии), я встречал бывшего при нем экспедитором Далевского, а по взятии его — исполнявшего эту должность Шадурского и еще молодых людей Греготовича и Пашковского. Настоящие ли это их фамилии и какой губернии они уроженцы, мне неизвестно. Затем ни в квартире моей, ни у Ямонтов Калиновский в присутствии моем ни с кем из посторонних не виделся, однажды только в бытность мою и Калиновского у Ямонтов приходил Шадурский и, вызвав Калиновского, разговаривал с ним короткое время в передней, но этого никто тогда из Ямонтов не видел, так как дверь отворил сам Калиновский. К самим Ямонтам чаще приходили его родственник доктор Родзевич (служит при железной дороге), родной брат женатого на дочери Ямонта; замужняя дочь его Родзевичева и Дзвонковский; сверх того бывали еще некоторые знакомые Ямонтов женщины, но фамилии их мне неизвестны.

С Иосифом Калиновским я знаком со времени службы моей в обществе Одессо-Киево-Курской железной дороги,

где он занимал должность техника; я бывал у него в Вильне как знакомый, но больше нигде его не встречал. Доктора Михаила Оскерко я знаю: первый раз я встретил его у Ямонтов, потом у Константина Калиновского и, наконец, он был у меня. Доктора Мацкевича совершенно не знаю. От Калиновского я слышал, что Оскерко занимал должность воеводского комиссара в Минске. Не быв обязан никакою должностью в организации, я не мог знать и не знал в Вильне лиц, к ней принадлежащих, кроме тех, о которых упомянул выше...

Ильдефонс Милевич

Показание отбирали: полковник Шелгунов, штабс-капитан Семенов, поручик Юган, поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 82—84.

[1] Милевич Ильдефонс — один из руководителей восстания 1863—1864 гг. в Белоруссии и Литве. С 1861 года — участник гродненской революционной организации, созданной К. Калиновским. В 1863 году — секретарь при повстанческом гражданском начальнике Гродненского воеводства. С лета 1863 года — в Вильно, один из помощников Калиновского по руководству восстанием, член Исполнительного отдела Литвы. В январе 1864 г. арестован, осужден на 6 лет каторги.

[2] Документы, перечисляемые И. Милевичем, неизвестны.

Из показаний И. Калиновского[1] в Виленской особой следственной комиссии

28 марта 1864 г.

28 марта 1864 г. отставной инженер-капитан Иосиф Калиновский в Особой следственной комиссии к прежним показаниям добавил:

Когда предложены мне были в первый раз вопросы о сношениях моих с семейством Ямонтовых и Константином Калиновским, я отвечал на оные отрицательно, предоставляя дело следственному порядку. Но сам факт моих сношений с упомянутыми лицами был так ясно и определительно поставлен, что, отвергая его безусловно, я бы напрасно поставил себя в отношении других обстоятельств в ненормальном положении и потому решился, признав

мое знакомство с Константином Калиновским, определить характер моих сношений, и для лучшего уяснения моего личного положения в делах восстания я представляю все обстоятельства в возможной полноте.

В конце мая прошлого года, когда я был последний раз в Варшаве, в «Европейской» гостинице, где я остановился, встретился я с бывшим профессором военной академии Галензовским, которого я встретил в С.-Петербурге в то время, когда я был репетитором при инженерной академии. Мы припомнились друг другу, и он зашел ко мне в номер; узнав о том, что я вышел в отставку и еду в Вильно, он предложил мне принять участие в деле восстания в Литве. Сам он был в статском платье и заведовал военным отделом при Народном правительстве. Он тогда предполагал возможным устроить военный отдел в Вильне и предлагал мне заняться этим. Я не отказал, но, однако, с тем основным условием, что я буду поставлен вне зависимости к революционному оттенку восстания [2] и буду действовать как лицо военное и иметь только дело по управлению вооруженною силою. Он дал мне некоторые данные о силе восстания в Литве и сообщил адрес уполномоченного комиссара Литвы Дюлерана в Вильне, который был тогда временно в Варшаве и которому он должен был обо мне сообщить. Это было накануне моего отъезда в Вильно, куда я и отправился. Здесь я нашел дело восстания не в таком свете, как оно мне представилось в Варшаве; с взятием Сераковского восстание в Ковенской губернии значительно ослабилось, то же самое и в других местах. Ввиду этих обстоятельств я не решался идти к Дюлерану, но раз принятые обязательства нужно было исполнить, и в половине июня я зашел к Дюлерану, но на той квартире, которой дан был мне адрес, а именно на углу Большой улицы и переулка Св. Михаила, фамилии хозяина дома не помню, его я не нашел, он переехал на Погулянку в последний дом с правой стороны (название владельца тоже не осталось у меня в памяти). Я с ним разговорился и просил его представить мне данные, нужные для того чтобы я мог составить себе некоторый план моих занятий. Данных под рукою у него не было, он просил дать ему несколько дней времени для их собрания и назначил мне время, когда я должен был к нему прийти. В назначенный день я был у него и из рапортов, которые он мне представил, вывел самые неблагоприятные заключения о порядке, строе, дисциплине и других условиях вооруженных сил. Данных о числительности оных не было совсем

или были, но очень неполные; вооружение было самое плохое, многие начальники отрядов не были известны, действовали отдельно и не представляли никакого ручательства успеха...

У Дюлерана, у которого я был всего два раза, я встретился с Константином Калиновским, назвавшим себя тогда Черноцким, он мне вместе с Дюлераном представлял данные о вооруженных силах восстания. С тех пор с Дюлераном я не видался и остался в совершенном отчуждении. В июле встретился на улице Остробрамской с Черноцким, который мне сказал, что Дюлеран бежал и, верно, не вернется [3] и что вообще дело организации сильно поколеблено, что он сам находится в опасности. Мы расстались. Только в конце августа или начале сентября я с ним опять сошелся на Немецкой улице, тогда он завел в квартиру, которая оказалась впоследствии квартирою Ямонтов, показал мне документы, из которых я заметил, что он уполномоченный комиссар Литвы, предложил мне ехать в Гродно для устройства сообщения с этим городом, но я отказался; тогда он начал объяснять трудность своего положения вследствие расстройства организации, предложил мне вступить в оную, я на это не согласился, но заниматься разработкою вопросов военных лично с ним я не отказал, так как из очерка, который он мне представил о положении восстания вооруженного, я убедился, что необходимо принять нужные меры для устранения, сколь возможно, увеличивающихся несчастий. В это время я руководился следующими убеждениями: что борьба невозможна, что продолжать войну нет средств и потому лучше распустить отряды, где можно, так как приближающееся время зимнее угрожало совершенной гибелью отрядов. С тех пор я встречался с Калиновским (тогда я узнал о его настоящем имени) в той же квартире, а впоследствии на его же квартире в доме гимназии. Я рассматривал с ним дела, касающиеся вооруженных сил восстания. От губерний Гродненской, Виленской, Могилевской никаких сведений не получалось. Из Минской губернии получены раз сведения о состоянии отрядов, послано распоряжение их распустить. На ковенский рапорт отвечено: завести дисциплину и порядок в отрядах, так как вследствие совершенного неустройства оных они только были вредом для края; по возможности очистить шайки от всякого сброда, оставить только тех людей, которые могли составить строй, новых людей ни в каком случае не набирать, по возможности отряды направлять к границе и перево-

дить их за оную, так как гибель их была неминуема[4]. Впрочем, сведения получались очень редко и занятие я имел очень малое. Все ответы писались на месте же, и он занимался их отправлением, сначала через посредство Далевского[5], а после он сам лично это устраивал. В сношениях с Калиновским я принял себе за правило иметь дело с ним непосредственно и не выходить из границ принятой на себя обязанности.

Когда по самому ходу событий мне приходилось не иметь никакого дела и притом положение края было такого рода, что нужно было переменить свой взгляд на вещи и что даже личное самоотвержение имело более характер самоубийства, чем героизма, тем более что я мог убедиться, как часто чувство самопожертвования в деле восстания гибельно действовало на состояние общества, я в декабре решительно высказал свое мнение в этом отношении, советовал ему уезжать самому из Вильно. Он не соглашался на мое мнение и говорил, что обязанности, возложенной и принятой им, он оставить не может. Мы так и расстались. В январе я встретил его около дома, где он жил, он просил зайти к нему, я не отказался. В течение времени, в которое я его не видел, он значительно переменил свои убеждения, но, отрешившись раз от общества, он не понимал его нужд, и, как утопист, он все же хотел проводить свои идеи в обществе. Одним из его желаний было издавать какой-нибудь журнал, не знаю, какими средствами он достиг до этого, и показал мне у себя один № 1-й газеты под названием «Glos z Litwy»[6]. Я пробежал его и нашел содержание, сколько помню, скудным и не соответствующим настоящему положению края, и я горячо ему выговорил, что он из-за таких пустяков жертвует жизнью личностей. Притом я сильно усомнился, чтобы он мог издаваться в крае, на что он мне ответил, что это уже до меня не касается, так как я уже отрешился от моих занятий. Был я у него очень недолго и простился с ним. Вскоре его арестовали, я полагал себя счастливым, что уцелел в этом общем крушении. Богу было угодно поступить со мною иначе.

Константина Калиновского я знал под тремя именами: Черноцкого, Виторженца и Калиновского. Иосифа Ямонта, доктора Оскерко и Парфиановича я встречал в квартире Ямонтов, никаких непосредственных сношений с ними не имел, Милевича встречал на той же квартире у Ямонтов и в квартире Калиновского. Знакомство мое с Пеполем было личное, я был несколько раз у него и он у

меня. Об участии в деле восстания Иосифа Ямонта, Парфиановича и доктора Оскерки я знал, но о степени, которую они занимали в организации, мне не было известно. С Милевичем я встречался довольно часто, был у него несколько раз на Виленской улице, в доме Минейко. Определить с точностью место, занимаемое им в организации, не сумею. При входе в квартиру Ямонтов действительно нужно было постучаться. В тех случаях, когда я в ней бывал, двери отворял или сам Калиновский, или Далевский...

Номинацию я должен был получить от Дюлерана, но не получил. Номинации на военные чины надписывались мною вследствие представления начальников воеводств. В Гродненское воеводство было надписано несколько номинаций в тот же день, когда я виделся с Калиновским у Дюлерана. Большею частью были все псевдонимы, раз только мною были прочитаны, и имена их решительно изгладились из памяти. Мацкевичу на военного начальника воеводства Ковенского написано мною [7]. Равно и Червинскому на чин подпоручика или поручика, хорошо не помню...

Отчужденность от Народного правительства, в которой находился уполномоченный комиссар Литвы в последнее время, самым гибельным образом отозвалась в крае, исполнение программы, начерченной Народным правительством с начала весны, не соответствуя местным современным условиям, вело за собою громадные ошибки. В декабре, когда вооруженное восстание кончилось и попытки к возобновлению оного повели бы к самым печальным последствиям, оставляя свои занятия, я просил Константина Калиновского постараться изыскать средство уведомить Народное правительство, что вооруженное восстание возобновить невозможно, и потому все попытки заготовления и доставки оружия на прусской границе ни к чему не поведут, и чтобы для избежания несчастий даже отдельных лиц Народное правительство позаботилось обратить внимание на тех выходцев из края, которые, вероятно, расположились на границе и могут делать покушения на границе, что поведет только к разорению края. Насколько благоразумно в этом отношении поступит Народное правительство, это могут доказать только последствия.

К этому добавляю, что в отношении знакомства, связей и сведений о лицах, принимавших участие в восстании, ввиду личной моей безопасности, я старался иметь только непосредственные сношения с Константином Кали-

новским, чего я мог легко достигнуть вследствие определимости и независимости моих занятий.

Отставной инженер-капитан Иосиф Калиновский

Показание отбирали: полковник Шелгунов,
штабс-капитан Семенов, поручик Юган,
поручик Гогель, обер-аудитор Щербо, аудитор Федоров

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 85—88.

[1] Калиновский Иосиф (Юзеф) (1835—1907) — один из руководителей восстания 1863—1864 гг. в Литве и Белоруссии. Окончил Петербургскую инженерную академию (1856 г.), инженер-капитан. Работал в Петербурге, поддерживал связи с польской революционной организацией. С 1863 года — в отставке, преподаватель в землемерно-таксаторских классах при Виленской гимназии. С лета 1863 года возглавлял военную секцию Виленского центра по руководству восстанием в Литве и Белоруссии. Ближайший помощник Константина Калиновского, хотя взглядов его не разделял. 16 марта 1864 года арестован и осужден на 10 лет каторги. Впоследствии монах-кармелит.

[2] Т. е. что не принимаю на себя обязанности пропаганды революционной, а только лично приму участие в деле восстания. (Примечание источника).

[3] Розыск Н. Дюлерана начался лишь 18 августа 1863 г., когда М. Н. Муравьев предписал начальнику Виленской железнодорожной станции сообщить сведения о Дюлеране (ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, общее отделение, 1863 г., д. 1387, ч. 1, л. 287).

[4] Указываемые И. Калиновским документы неизвестны.

[5] Титуса Далевского.

[6] Известны № 1 (1 февраля 1864 г.), № 2 (15 февраля 1864 г.), № 3 (5 марта 1864 г.), № 4 (20 марта 1864 г.), № 5 (1 апреля 1864 г.). В ЦГИА Литовской ССР хранятся № 3 и 5 этого издания. В Институте истории партии при ЦК КП Литвы хранится фотокопия четвертого номера.

[7] Имеются в виду приказ военной секции Исполнительного отдела Литвы от 3(15) ноября 1863 г. о назначении А. Мацкявичюса организатором вооруженных сил Ковенского воеводства (архив Ленинградского отделения Института истории АН СССР, колл. 115, д. 419, л. 49), а также копия приказа от того же числа о подчинении всех повстанческих сил Ковенского воеводства Мацкявичюсу в связи с отсутствием назначенного военным начальником этого воеводства «полковника Болеслава Длуского-Яблоновского» (там же, л. 50).

Из показаний Э. Заблоцкого[1] в Виленской особой следственной комиссии о создании и деятельности гродненской революционной организации

29 марта 1864 г.

В 1859 или 1860 г., хорошо не помню, я был на водах в Друскениках, там познакомился с Валерианом Врублев-

ским, бывшим инспектором егерского училища в Соколках. Тогда я еще мог заметить, что он человек страстный и с революционным взглядом, так что во избежание частных сношений с ним я оставил Друскеники. После этого зимой Врублевский довольно часто приезжал в Гродно, где [я] опять стал встречаться с ним, и раз, вскоре после варшавских происшествий в 1861 г.[2], он предложил мне приехать к нему в Соколку. Приехавши туда, я застал там следующее общество: питейно-акцизного надзирателя Сонгина, ксендза Козловского из Царства Польского и Константина Калиновского, с которым я тогда и познакомился. Разговор шел о варшавских происшествиях. Константин Калиновский и Врублевский сказали мне, что составляется организация Народного польского правительства, которая скоро должна сформироваться по всей Литве, и предложил мне принять в ней участие, а ксендз Козловский вызвался даже привести меня к присяге, но [так] как я решительно отказался от этого, то разговор об организации прекратился [3]. Весной 1861 г. я вследствие предложения Врублевского поехать с ним в Вильно прибыл туда. Врублевский повел меня к какому-то Эдмунду Вериге [4]. Там я застал Козелло (имени его не знаю) [5] и двух или трех молодых людей, фамилии которых мне неизвестны. Разговор был в революционном духе, но об организации я там еще ничего не слышал. Пробыв в Вильно несколько дней, мы возвратились в Гродно.

Спустя несколько месяцев Калиновский с Врублевским опять были в Гродно, приглашали меня к себе и уговаривали принять участие в организации, но я отказался. Уже летом 1862 г. приехал из Царства Польского какой-то агент Народного жонда к Врублевскому, и я встретил их обоих и Константина Калиновского в Гродно на улице; после отъезда агента Калиновский сказал мне, что он собирается в Вильно и, чтобы со временем можно было дать мне видную должность в организации, заявит Дюлерану, что я был помощником Врублевского (именовавшегося каким-то значительным в организации лицом), хотя я должности никакой не исправлял. При этом Калиновский добавил, что он предлагает мне должность в организации потому, чтобы в ней было более людей одного с ним положения, т. е. не принадлежащих к классу помещиков, иначе последние заберут всю власть в свои руки; я принял его предложение. Вскоре после этого приехал из Вильно помещик Гофмейстер (с ним я был знаком прежде) [6], сказал, что он воеводский Гродненской губернии, а

мне вручил мандат на звание его помощника, и что в управление мое вверяется 3 уезда: Гродненский, Волковысский и Слонимский, которыми я должен буду заведовать на основании инструкции [7]; последнюю я, действительно, вскоре получил (через кого — не помню) от комиссара Гродненской губернии Константина Калиновского [8], жившего тогда в Белостоке. Содержание инструкции, сколько я теперь помню, было следующее: 1. Составить организацию во вверенных мне уездах, т. е. назначить уездных начальников, при них 5 референтов, которых могло быть и 3, потому что допускалось одному лицу исправлять две должности, и окренговых [а]; впрочем, назначение последних отдано было в распоряжение поветовых (уездных) начальников, референты были: военный, кассир, опеки и коммуникации. 2. Получать еженедельно рапорты от поветовых и с своим заключением представлять таковые воеводскому комиссару и 3. Разъяснять сомнения поветовых, если они встретят какие-либо препятствия в отправлении своей должности...

Все присылаемые Калиновским из Белостока бумаги получал агент начальника города, начальник же города сортировал их и рассылал их ко мне, в воеводское бюро, и в уезды. Агентом был чиновник губернского правления Константин Савашкевич, агентом же Каминского, когда впоследствии он был поветовым, состоял чиновник земского суда Адам Бояровский.

Пред святой [б] 1863 г. [я] ездил раз с Константином Калиновским в Вильно, и тогда по его совету был с визитом у некоторых членов виленской организации, а именно: у Якова Гейштора, бывшего, кажется, председателем революционного комитета, у Дюлерана, уполномоченного комиссара Литвы, и у Франца Далевского, но какую он занимал должность — мне неизвестно. О вышеупомянутом участии их в организации я слышал от Константина Калиновского, который мне говорил также, что какой-то Оскерко — начальник г. Вильно.

Вследствие какого-то подозрения по распоряжению виленского губернатора Галлера я был тогда задержан и прожил в Вильно под надзором полиции на квартире архитектора Левицкого, который был прежде в Гродно, где я с ним и познакомился. Потом мне позволено было возвратиться в Гродно.

[а] Т. е. окружных.
[б] Т. е. перед пасхой.

Вскоре после этого вспыхнуло восстание, и отправлением лиц в шайки занимались, по возложенной на них Жондом обязанности, начальники городов и поветовые, а до меня это совершенно не касалось, поэтому хотя был у меня Миладовский с двумя какими-то молодыми людьми в гражданском платье, то это единственный случай, который произошел, как я полагаю, от ошибки виленской организации. Впоследствии, когда сформировались шайки, то вследствие распоряжений военных начальников организация пришла в расстройство, тем более что в уездах Волковысском поветовый Глиндзич скрылся, избегая преследования правительства, а в Слонимском поветовый Симонович был арестован. Сообщение между уездами прервалось, что препятствовало получать какие-либо сведения. Поэтому Калиновский прибыл в Гродно, чтобы устроить организацию, а вместе с тем побудить к деятельности ее членов, и для этого, как равно и для того чтобы еще более удостовериться в действительности бездействия чиновников организации, предложил мне отправиться вместе с ним в Волковысский и Слонимский уезды. Мы поехали, сколько припоминаю, так: сперва к помещику Спиридовичу, от него в имение Алексипец помещика Завистовского, далее к помещику Биспингу, имение Верейки, там ночевали, потом, кажется, в имение Гнезно, к помещику Константину Тарасовичу, далее уже станции не помню. Из вышеозначенных помещиков не застали мы дома только Завистовского, бывшего тогда референтом коммуникации, и Калиновский написал ему и оставил выговор, так как им, Калиновским, сообщено было заблаговременно о нашем приезде по этому тракту.

В то время по дороге далее на Волковыск местами были расположены войска, то и проезжать по этому тракту было опасно, поэтому мы поехали в Слонимский уезд, где заехали к одному из окружных этого уезда, помещику Яголковскому, в имение Луконцо, куда Калиновский пригласил помещика Иосифа Стравинского и назначил его поветовым Слонимского уезда. Чрез какие дворы мы ехали потом, я не помню, знаю только, что были еще у помещика Орды [9] (имение его не помню), мы от него прибыли к помещику Свержинскому, имение, кажется, Городно, где встретили помещика Керсновского, и с ним же поехали в имение последнего, в 3 или 4 верстах от которого был повстанческий лагерь, куда мы с Калиновским пошли в тот же вечер.

Это было в конце апреля или начале мая [10], и недалеко

от почтовых станций Миловид и Чемел Калиновский выдал предводителям шаек, а именно Ляндеру, Юндзиллу и др., какие-то книжки для ведения счетов и поверил прежние расходы, что продолжалось до 3 часов ночи, но, узнав, что приближаются войска, мы ушли оттуда и потом поехали назад в Гродно, по тому же самому тракту, т. е. чрез имение Керсновского, Свержинского, Яголковского, от которого Калиновский предложил мне доехать к бывшему мировому посреднику Лясковскому, так как вблизи имения его находилось имение отца Калиновского Якушовка, куда мы и ездили. Пробыли там около 3 часов, возвратились опять к Лясковскому. Откуда Калиновский, как он сам говорил мне, поехал в другие шайки, а я возвратился в Гродно...

Спустя неделю прибыл в Гродно Константин Калиновский, пригласил меня на квартиру к Ильдефонсу Милевичу (в дом Фукса на Доминиканской улице) и сообщил мне, что в Вильно произведено много арестов, поэтому его, Калиновского, призывают туда, и он, уезжая, предлагает мне занять его место комиссара, хотя бы только номинально, тем более что по инструкции Жонда от комиссаров отнята была тогда военная часть и комиссару поручалось наблюдать за деятельностью воеводских и доносить ему, Калиновскому, если в уездах окажется расстройство или бездействие организации. При этом добавил, что как он, так и Жонд были мной недовольны, потому что в уездах у меня организация существует только номинально, а в некоторых местах ее даже нет вовсе, поэтому он имеет поручение передать должность воеводского помещику Станиславу Солтану или тому, кого последний укажет. От Милевича мы пошли к Солтану, и когда я дорогой отказывался от предлагаемой мне должности комиссара, то Калиновский объявил мне, что в таком случае он отдает меня в руки законного правительства, сказавши: «Нет, брат, теперь не время отнекиваться, когда иностранные державы ведут переговоры так успешно в нашу пользу, а вы, трусы, падая духом, хотите дать России средства убедить их, что у нас только ребячество, как и действительно, и нет настоящего патриотизма. Я вас всех вижу, а потому и прибегаю к таким средствам, чтобы заставить служить Жонду Народовому и тем убедить иностранное правительство, что патриотизм у нас существует». После этой угрозы я спросил Калиновского, каким путем мне будут доставляться сведения из уездов. На это он сказал, чтобы об уездах Белостокском и Сокольском я не беспо-

коился, потому что там он приищет человека, но кого он приискал — мне неизвестно; уезды же Гродненский, Волковысский и Слонимский подчинены им ксендзу Чоповичу, который назначен им помощником комиссара, и при этом объяснил мне, что помощники комиссаров имеют право сноситься с ним, Калиновским, непосредственно.

Придя к Солтану, Калиновский при мне предложил ему принять должность воеводского, но Солтан, как и прежде, отговариваясь болезнью жены, отказался принять должность, а предложил двух кандидатов: Каминского (Ивана) и доктора Цехановского. Сам же обещал содействовать организации советами. Но на должность воеводского назначен был помещик Сильвестрович (гродненский поветовый), его место занял Иван Каминский (окренговый), кто же принял должность последнего, мне неизвестно; вскоре после этого Калиновский уехал в Вильно и оттуда через несколько времени и[сполняющий] д[олжность] воеводского Сильвестрович получил бумагу, в которой требовали от него донести, в каком состоянии находится организация и дух народонаселения. По получении этой бумаги Сильвестрович пригласил меня на квартиру Ильдефонса Милевича (это было, кажется, в июне 1863 г.) и мы втроем, т. е. я, Сильвестрович и Милевич, составили ответ следующего содержания: так как в настоящее время вследствие строгости законного правительства такой повсеместный упадок духа, что нельзя рассчитывать на содействие населения, поэтому если Жонду угодно продолжить борьбу, то пускай Царство Польское дает средства на это, тем более что воеводская организация расстроилась и для продолжения восстания не имеется ни денег, ни людей...[11]

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 490—497.

[1] Заблоцкий Эразм — служащий Гродненской строительной и дорожной комиссии. С 1861 г.— деятель революционной организации в Гродненской губернии. В 1863 году — повстанческий гражданский начальник (с июня — комиссар) Гродненского воеводства. Приговорен к ссылке на каторгу.

[2] Имеется в виду расстрел царскими войсками патриотической демонстрации в Варшаве в феврале 1861 г., положившей начало подъему национально-освободительного движения в Польше.

[3] Эразм Заблоцкий явно скрывал свое участие в создании революционной организации до восстания. По воспоминаниям Ф. Рожанского, в 1861 г. в Гродно приехал Константин Калиновский «с целью создания тайного общества и усиления политической деятельности». В общество, созданное К. Калиновским, вошли губернский секретарь Эразм Заблоцкий, его брат врач Юлий Заблоцкий, инспектор егерской школы Валерий Врублевский, офи-

цер Ян Ванькович, землемеры Ф. Рожанский, И. Милевич, ксендзы Гинтовт, Зажицкий и Козловский и др. Все они были сторонниками вооруженного восстания и сочетания борьбы за национальную независимость с уничтожением крепостного права. Члены организации проводили работу среди крестьян. С этой целью посылались «на должности сельских учителей и волостных писарей учащаяся молодежь и другие патриоты». Конспиративная организация охватила Гродненскую, Виленскую, Ковенскую и Минскую губернии.

По словам Б. Шварце, «в Гродненской губернии организация складывалась из мелких правительственных чиновников и служащих, преимущественно железнодорожников, и очень небольшого числа помещиков» (из письма Б. Шварце Л. Мерославскому от 24 сентября 1861 г. (Przegląd historiczny. 1954. T. 45. S. 761).

[4] Эдмунд Вериго — член Литовского провинциального комитета.

[5] Ян Козелл — инженер-поручик, член Литовского провинциального комитета.

[6] Далее идут воспоминания уже о событиях 1863 г. Э. Заблоцкий путает даты. В своих показаниях от 28 марта 1864 г. он говорил, что А. Гофмейстер первый раз приехал в Гродно в марте 1863 г. и предложил Э. Заблоцкому должность помощника воеводского (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 19—20).

[7] Во время восстания Гродненская губерния была разделена на две части: северную и южную. Эразм Заблоцкий принял должность воеводского, а не его помощника, в северной части — Гродненском, Волковысском и Слонимском уездах. Позже в ведение Заблоцкого вошли также Белостокский и Сокольский уезды. Воеводским в южных уездах — Бельском, Брестском, Пружанском и Кобринском — был Аполлон Гофмейстер.

[8] Константин Калиновский на посту революционного комиссара Гродненской губернии был с конца марта по июнь 1863 г., затем он стал членом Исполнительного отдела в Литве.

[9] Его не застали дома, а принимал нас управляющий. (Примечание источника).

[10] Имеется в виду поездка в Миловидский лагерь, где были расположены повстанческие отряды Млотка, Миладовского, Влодека, Юндзилла под общим командованием Ляндера (Ленкевича). Константин Калиновский их инспектировал 20 мая 1863 г. 23 мая под Миловидами в Слонимском уезде повстанческие отряды под руководством Ляндера сражались с тремя ротами Староингерманландского полка. Несмотря на содействие казаков и артиллерии, царские войска понесли значительные потери.

[11] Революционная организация в том виде, как ее описывает Э. Заблоцкий, стала создаваться во время восстания.

Показания С. Калиновского, отца К. Калиновского

24 апреля 1864 г.

1864 года 24 апреля первой Гродненской следственной комиссии по политическим делам дворянин Гродненской губернии Симон Калиновский показал: имею лет 70, ка-

толик, родом из Репли в Гродненском или Волковысском уезде и в этом костеле окрещен. Родители мои были: Стефан и Терезия Калиновские; у исповеди ежегодно бываю, воспитание домашнее, в государственной службе не был, а занимался выделыванием салфеток и скатертей, под судом и следствием не был. Женат был два раза: от первой жены по фамилии Рыбинской имел 12 детей, которые все умерли, а от второй по фамилии Лазаревич имею 5 детей. Из недвижимого имущества имею купленный пополам с женою фольварок Якушовка в Волковысском уезде, при котором считается земли 220 десятин. Сын мой двух имен Викентий и Константин по приезде в 1861 г. из Петербургского университета домой начал прежде помогать мне в хозяйстве, после, поссорившись со своею мачехой, объявил мне, что хочет искать себе места, на что я ему ответил, что хорошо делает, потому что ты, как хорошо образованный человек, можешь получить место, а мне нужно стараться, чтобы был кусок хлеба для малых детей. Когда же я его спросил, куда ты думаешь ехать, он ответил мне, что в Гродно, почему нанял я ему подводу и дал на дорогу 12 руб. По приезде в Гродно он остановился в заезжем доме, а подводу отпустил обратно. В 1862 году приехал около пасхи нанятою подводою домой и объявил мне, что есть надежда получить место, нужно только больше хлопотать. Сын мой первый раз уехал в Гродно в марте месяце. Другой раз уехал в Гродно неделю или две после пасхи и приказал ехать в Великую Берестовицу, откуда на обратной подводе хотел ехать в Гродно, но этого не случилось, потому что подводу отпустил обратно, а через две недели приехал на нанятой подводе из Гродно за вещами и постелью, объявив мне, что имеется в виду место следователя в Уголовной палате, а потому и нужно там служить до открытия вакансии, на что я ему сказал: «Вот и слава богу, что ты получишь место, бери вещи и уезжай с богом». В месяце октябре или позже, приехав домой, жаловался, что нельзя жить без жалованья, а доходов очень мало, почему и просил у меня денег, и я, заняв 25 руб., отдал ему, и он уехал обратно в Гродно. 5 декабря 1862 года я получил от него письмо, написанное из Петербурга, и с этого времени, где он находился, что делал, мне совершенно неизвестно. Когда полковник Казанли [1] приходил с отрядом и спрашивал о моем сыне, я ему все рассказал и отдал письмо, писанное из Петербурга 5 декабря 1862 г.[2]. Заблоцкого я не знаю и ничего о нем не могу сказать. Я, как бедный человек, занимаюсь хо-

зяйством и рукоделием и с такими отдаленными людьми знакомства не завожу...

Симеон Стефан сын Калиновский.

ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 1, д. 40, л. 347—348.

[1] Полковник Казанли — волковысский военный начальник.
[2] Письмо К. Калиновского не сохранилось. Нахождение его в Петербурге в это время, возможно, связано с переговорами З. Падлевского и А. Потебни с «Землей и волей».

Показания А. Гофмейстера [1] в Гродненской следственной комиссии о встречах с К. Калиновским в Белостоке и Бресте

30 апреля 1864 г.

1864 г. апреля 30 дня в 1-й Гродненской следственной по политическим делам комиссии был допрошен помещик Брестского уезда Аполлон Гофмейстер, который показал следующее:

В марте месяце 1863 г. по случаю смут я оставил имение и переехал на жительство в Брест-Литовск.

В апреле, кажется мне, во время пасхи, был я в трактире купца Глуховского, куда я обыкновенно отправлялся читать газеты. Подходит вдруг ко мне совершенно мне неизвестный человек, рекомендуется под именем Чарноцкого и говорит, между прочим, что он есть комиссар Народного жонда, предлагает же мне звание гродненского гражданского воеводы. На такое странное и нелепое предложение я не мог ответить иначе, как то, что я этого звания принять не могу. Начал уговаривать меня, что я должен это сделать для блага отечества, что я имею репутацию хорошего патриота, хорошо обращаюсь с крестьянами и что на это звание нужно непременно помещика, иначе между помещиками эта должность не будет иметь никакого значения, и тому подобные делал мне замечания. Говорил мне о лесничем Врублевском, о Заблоцких, знакомых мне в Гродно, и разговор, как обыкновенно в такие времена, кончился политикой [2].

Гораздо после я узнал, что это есть Калиновский, имеющий родственников в Брестском уезде в имении Видомле.

День спустя Чарноцкий отыскал мою квартиру и принес мне приказ, носящий печать гродненского комиссара, с тем чтобы я немедленно отправился в Белосток, куда

меня будто бы требует военный воевода. Время было такое, что я после многих колебаний решился отправиться по указанному адресу. Звание же мое воеводы я никогда не считал действительным и видел в самом названии что-то ребяческое.

В Белостоке я отыскал квартиру Чарноцкого и отправился с ним к Духинскому [3], живущему у какого-то молодого доктора (фамилия немецкая — не помню). Там я застал Врублевского над картой вместе с Духинским, очень занятых, притом множество лиц, приходящих и уходящих, которых я ни прежде, ни после не видел, сцена, подобная, как на толкучем рынке, всякий торопился. Пробыл я там недолго, с Духинским почти не говорил, потому что ему некогда было.

На другой день мы опять отправились с Чарноцким к Духинскому, но уже на другую квартиру. Тот раз он проживал у какого-то учителя, фамилия, кажется, Абрамович [4]. Тут Духинский показал мне свою номинацию с подписью генерала Высоцкого, расспрашивал меня о разных вещах [5], и там мы расстались [6]. Духинский пытался собирать шайку.

Меня Калиновский отправил в Гродно с тем, чтобы печать воеводскую я отдал Заблоцкому, но ни мандатов, ни бумаг никаких мне не давал и, кажется мне, очень был рад, что я не вмешиваюсь ни в какие распоряжения. Пробыв только один день в Гродно, я возвратился в Брест и от того времени никуда уже больше не выезжал, ни с кем уже не встречался из лиц революционной партии, кроме одного Чарноцкого, ездившего из Бреста в Кобрин, Пружаны и, наконец, бог знает куда. Но с августа или с сентября я уже вовсе его не видел. Наконец, я по приказанию начальства возвратился из Бреста в имение и там проживал.

Аполлон Гофмейстер

Полковник Устругов, надворный советник Злобин, коллежский секретарь [a], губернский секретарь Дурылев, тит. с. Агарков

Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг. С. 395—396.

[1] Гофмейстер Аполлон (1825—1890) — один из руководителей революционного движения в Белоруссии в 1840—1860 годы. В 1846 году за попытку поднять восстание в Белоруссии арестован и выслан в Сибирь. Возвратился в 1857 году. Проживал в имении Шестаково Брестского уезда. Во время восстания 1863—

[a] Подпись неразборчива.

1864 гг.— гражданский начальник Брестского воеводства. В 1864 году арестован и сослан на каторгу в Сибирь.

[2] В другом показании А. Гофмейстера (от 23 июня 1864 г.) говорится, что речь шла об устройстве гродненской повстанческой организации: «Калиновский говорил мне, что Гродненская губерния под названием воеводства разделяется на 3 части. Уезды Гродненский, Волковысский и Слонимский отдаются в управление Эразму Заблоцкому, Сокольский, Белостокский и Бельский — Валерьяну Врублевскому и Брестский, Кобринский, Пружанский — мне. Всякий из нас трех должен управлять независимо и сноситься только с комиссаром и от него только получать приказания» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 253).

[3] Эмигрант О. Духинский, прибывший с мандатом Ю. Высоцкого из Парижа, был назначен военным начальником Гродненского воеводства. Он регулярно информировал Национальное правительство в Варшаве о военных действиях повстанческих отрядов Гродненской губернии. Рапорты Духинского с конца апреля по август 1863 г. хранятся в рукописном отделе Литовского государственного университета (Вильнюс). По показаниям Гофмейстера от 2 мая 1864 г., Духинский вовсе не был осведомлен о здешнем крае (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 156). Решающую же роль в руководстве повстанческими силами в Гродненской губернии играл Валерий Врублевский, который после мартовского переворота был снят с поста военного начальника Гродненского воеводства. После прибытия в Гродно Калиновского Врублевский был назначен начальником штаба повстанческих сил Гродненской губернии.

[4] По-видимому, Игнатий Арамович.

[5] Духинского интересовало положение дел в Западной Белоруссии, в частности в южных уездах Гродненской губернии, заселенных преимущественно православным населением. Обстановку в северных уездах он считал более благоприятной (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1320, л. 155).

[6] 2 мая 1864 г. Гофмейстер в Гродненской следственной комиссии рассказывал о своем пребывании на квартире Калиновского после встречи с Духинским: «Тут во время разных толкований он [Калиновский] отворил чемодан, наполненный революционного содержания бумагами, большею частью печатными воззваниями, газетами и т. п., но была между ними информация для воеводы, поветовых, окренговых, которой я не имел терпения внимательно прочитать. Между прочим, он дал печать с надписью «Начальник Гродненского воеводства» с тем, чтобы я ее отдал в Гродно Эразму Заблоцкому, но помянутой инструкции мне не давал. Во время моего нахождения в квартире Чарноцкого приходил в комнату и уходил незнакомый молодой человек, казавшийся хозяином дома» (там же, л. 156).

Показания О. Авейде [1] в Виленской особой следственной комиссии о деятельности и структуре революционной организации Литвы и Белоруссии

5 января 1865 г.

5(17) января на вопрос члена Виленской особой следственной комиссии артиллерии поручика Югана честь имею пояснить следующее.

С Крымской войны, с пробуждением жизни в польском обществе вообще, мало-помалу стали более других развиваться и сделались более других выразительными в особенности два кружка в Литве: один из дворян — помещиков, людей более разумных и прогрессивных из среды шляхты, которого наилучшими и более известными личностями признавались Александр Оскерко, Яков Гейштор, Солтан, братья Еленские Антон и Наполеон и пр.; другой — состоящий из молодежи, большей частью университетской, между которой более заметными были Калиновский Константин и Заблоцкий в Гродненской губернии, Чехович Сигизмунд, Вериго в Вильне, Хмелевский — доктор в Ковне и др. Кроме разницы лет и всех других, которые она за собой влечет, эти два кружка отличались между собой разве тем еще, что молодежь более любила крестьянский народ, чем шляхта. До манифестаций между обоими и речи, конечно, не было еще о революционных намерениях,— вся деятельность их сводилась до пропаганды в пользу крестьянского вопроса, до пробуждения и оживления старых польских традиций, польского образования и т. п., а до тех пор еще оба они находились между собой в дружбе и согласии, несмотря на существующие разницы в понимании тех или других отдельных вопросов. Манифестации, очень естественно, поглотили и шляхту и молодежь, хотя последняя была всегда более деятельной на поприще церковных патриотических демонстраций. С концом манифестаций литвины сблизились с жителями Царства Польского, но вместе с этим сближением раздвоились и пристали к тому или другому из существующих здесь элементов. Одни — т. е. шляхта — пристали к нашему обществу белых, молодежь — к красным. Белые находились в некоторой зависимости от варшавской Дирекции [2], но никакого провинциального комитета не составляли, а просто должны были иметь свою воеводскую

выборную организацию, находящуюся в непосредственном заведовании Дирекции. Насколько мне известно, Оскерко и Гейштор, которые, условившись окончательно с Юргенсом в Варшаве, кажется, весною 1862 г.[3], приняли на себя труд завести организацию в Литве, успели в этом только отчасти — целые уезды и даже воеводства оставались без начальников до самого восстания; через этот труд, однако же, успели расширить значительно круг своих сношений во всех губерниях Литвы и снискать в свою пользу и в пользу Дирекции превозмогающее большинство шляхты везде: даже от кружка молодежи отстали многие, например весьма, как говорят, способный и дельный человек доктор Хмелевский в Ковне. Сношения красных варшавских с молодежью и городами в Литве заводились, можно сказать, наоборот: люди из Варшавы ездили в Литву первые. Самым первым, который переехал, как я слыхал, все литовские губернии, был молодой фанатик Франковский Ян (он сослан в каторгу). Он был в Вильне, Гродне, Ковне, Минске — одним словом, везде — и везде непонятной деятельностью, усердием, самопожертвованием успел при самых незначительных сношениях сделать самое главное для будущей революции, т. е. предохранил молодежь не сдать дела в руки белых, тогда еще в Литве не действующих, возбудил молодых людей в Литве действовать от них отдельно и подумать о сформировании заговора. Поездка Франковского в Литву наступила в конце 1861 г. После Франковского старались об образовании заговора в Литве: Нестор Дюлеран, Шварц Бронислав и Иосиф Демонтович. Первый действовал постоянно и преимущественно в Вильне, второй — в Гродненской губернии, а в особенности в Белостокской области (хотя был он и в Вильне), третий — исключительно в Ковне. Шварц даже успел завести организацию (наподобие варшавской) в Белостокской области, передал ее в непосредственное заведование Центрального народного комитета. Все эти поездки и усилия в Литве упомянутых лиц происходили в продолжение более целого полугодия 1862 г. с ведомом и по приказанию Варшавского комитета. Наконец, труд этот, хотя не в таком скором времени, как комитет надеялся, не остался без результатов. Осенью 1862 г. в Вильне существовал уже Провинциальный комитет Литвы[4]. Прежде чем пойду дальше, считаю нужным сделать здесь одно замечание.

Причиной медленного образования заговора (кроме разницы общественных элементов, какая существует между Литвой и Царством Польским) было несогласие литви-

нов с Дюлераном и Шварцем. Литвины хотели прежде всего построить в крае главную организационную сеть и посредством ее обратить исключительное внимание на крестьян, не призывая вовсе к заговору достаточно уже и без этого приготовленных к революции городских масс и zagrodowej szlachty [a] и откладывая формирование «десяток» между ними до последних месяцев перед восстанием, когда срок восстания будет уж приблизительно назначен; Шварц же и Дюлеран, напротив, хотели прежде всего формировать десятки, чтобы сразу пустить пропаганду как можно глубже, а потом постепенно устраивать главу, т. е. назначать начальников воеводских, уездных и пр. Этот спор разъединял долго умы молодежи литовской. И даже после — хотя комитет уже сформировался и принял Дюлерана в качестве агента центральной главы в Варшаве — так это сделалось, с одной стороны, ради желаемого всеми единства, а с другой, для того, чтобы силой и значением уже установленной заговорной власти не дозволить Дюлерану и Шварцу действовать на свою руку и формировать десятки до бесконечности — без порядка связи и послушания. Провинциальный комитет пару месяцев после своего сформирования действовал, видимо, с Дюлераном заодно; успев, однако же, завести главную организационную сеть по своему плану в Виленской, Гродненской, Ковенской и отчасти в Минской губерниях, прервал явно всякие сношения с Дюлераном, удалил его из Комитета, запретил всем в заговоре слушаться его в чем-нибудь и постановил посредством уполномоченного делегата условиться на прочных основаниях с Центральным народным комитетом в Варшаве мимо Дюлерана и Шварца. Делегат этот приехал в Варшаву в конце или в половине ноября месяца 1862 г.— был им Эдмунд Вериго; [5] вместе с ним приехал Вилькошевский, помощник Дюлерана (Вилькошевский погиб, насколько я слыхал, в Минской губернии). Центральный комитет назначил Шварца для принятия рапорта от Вериго и для переговоров с ним. Вериго, однако ж, объявил, что он не передаст рапорта Шварцу, не представит ему никаких объяснений, одним словом, что он с ним и говорить не хочет, потому что взгляд на вещи Шварца не ручается Виленскому комитету за хорошее, соответственное сущности дела решение главы заговора. Тогда поручено было мне и Богдановичу Яну (тоже члену — помощнику Комитета) войти в сношения с Веригой. Из рапорта и

---

[a] Мелкопоместной шляхты.

объяснения, представленного нам им, мы узнали, что состав Виленского комитета состоит из Вериги, Калиновского Константина, Ахилла Бонольди, Иакова Козелло [6] и Длуского (Сигизмунд Чехович был, не помню, или членом Комитета, или одним из помощников); что организация литовская слабее числом нашей в Царстве Польском (сильнее всех развита была она в Гродненской губернии и в самом Вильне), но что она (по моему личному убеждению) ведется с бо́льшим нашего толком и порядком. Кроме того, Вериго, между прочим, желал удаления Дюлерана, уклонения Шварца от всяких с Литвой сношений, передания белостокских уездов в зависимость от Вильно и общего устава, определяющего взаимные сношения двух комитетов — Центрального и Провинциального. Не все желания Вериго были приняты Комитетом; несмотря на то, Вериго согласился на решение Комитета и с утвержденным уставом поехал в Вильно [7]. Однако же прочие члены, товарищи его, не утвердили согласия Вериги и скоро прислали другого уполномоченного делегата в лице доктора Длуского. Я опять получил приказ говорить с Длуским. Он приехал с такими же точно, как Вериго, желаниями — частью основательными, частью не имеющими никакого основания; и по какой-то слепой твердости и его и комитета виленского в этих-то неосновательных, по нашему взгляду, требованиях я, несмотря на все мои усилия, на всевозможные уступления со стороны Центрального комитета, не успел прийти к согласию с Длуским в продолжение целых двух или трех недель. Это обстоятельство было истинным и большим вредом для революции, потому что до самой минуты восстания [соглашение] между Вильно и Варшавой не состоялось. К вышесказанному считаю нужным прибавить:

1) что с приездом Вериго в Варшаву Дюлеран был удален, а на его место как временный агент был послан в Вильно Юлий Верещинский — лишь для того чтоб иметь там верного надсмотрщика Центрального комитета, однако же и его литвины не хотели принять до времени окончательного согласия с Длуским, и Верещинский должен был возвратиться назад в Варшаву;

2) что белостокские уезды до самого восстания, можно сказать, находились в непосредственной зависимости Варшавского комитета и составляли Белостокское воеводство, которым заведовал Шварц. Воеводство это, несмотря на довольно значительно развитую там организацию, начальника воеводства не имело, не везде даже были начальники

уездов. Из всех лиц, там действующих, помню только фамилию Конаржевского — помещика, кажется, Белостокского уезда, лично мне незнакомого, и Писанко — чиновника при железной дороге на станции Лапы. Со времени восстания Белосток перешел в заведование виленского комитета [8].

Со времени восстания Длуский уехал в Вильно, а тамошний комитет постановил принять участие в революции, несмотря на слабость сил Литвы и без споров с Варшавой. Но тогда уже комитет виленский в вышеуказанном составе не имел никакого доверия у нас; притом организация была так слаба распорядительными средствами, что даже придуманная вспышка около Свенцян [9] ему не удалась, а по призванию Комитета только один Нарбут [10] поднял оружие (и то сомнительно; правдоподобно, [что] Нарбут восстал по собственному влечению, без приказания). Между тем в половине февраля месяца (или еще раньше) удаленный Дюлеран вошел в сношения с шляхтой (с белыми) и на основании переговоров с Оскеркой и Гейштором приехал в Варшаву, представляя Бобровскому Степану (тогда уполномоченному Временного правительства) необходимость войти в сношения с белыми и образовать из среды их революционную власть в Литве. Аргумент, что без шляхты ничего в Литве сделать и даже начать невозможно, убедил Бобровского, который не медля выдал доверенность на имя Дюлерана и Гейштора, образовать Отделение (Wydział etc.). Вскоре затем доверенные представили Бобровскому Гейштора, Оскерку, Еленского, Францишка (кажется) Далевского и Дюлерана как членов Отделения. Выбранные были приняты (и впоследствии утверждены Временным пр[авительст]вом) и сейчас взялись за дело организации, назначив 15(27) марта [11] сроком восстания в Литве. Провинциальный комитет не хотел некоторое время уступить, но по приказанию Центрального комитета сдал и свою организацию и самого себя вновь установленной в Вильне революционной власти. Калиновский один протестовал против «шляхты», протест этот, однако же, Дюлеран в Варшаву не прислал. В мае месяце последовало некоторое незначительное преобразование устава Отделения [12], причем Гейштор получил номинацию на председателя, а власть комиссара (Дюлерана) была усилена (ему были с тех пор переданы в исключительную зависимость все литовские комиссары). Перемены же в составе, т. е. в личностях Отделения, никакой не было. В июле месяце отчасти вследствие споров о первенстве между

Гейштором и Дюлераном, отчасти вследствие расстройства литовской организации (по причине постоянных арестов) Дюлеран просил революционное правительство заменить его другой личностью. И тогда с 1 августа я был назначен комиссаром и членом Отделения в Литве. Как помощник в качестве секретаря дан мне был Зенкович Феликс. Феликс — уроженец Гродненской губернии. Считаю нужным прибавить, что еще до удаления Дюлерана последовали арестования Оскерки и Далевского, а Дюлеран, несмотря на противное мнение своих товарищей (Гейштора и Еленского), призвал на их место Малаховского Владислава (который до этого времени был помощником Оскерки как начальника города) и Калиновского Константина. Кроме всех этих споров, Малаховский готовил, со своей стороны, еще одно затруднение, а именно хотел путем пародии в некотором роде coup d'etat [а] сделать решительный переворот в литовской организации, т. е. удалить всех, кроме Калиновского, призвать новых членов, переменить название «Отделение» на «Литовский комитет», преобразовать устав и представить совершенный уж факт на утверждение революционного пр[авительст]ва. Одним словом, по причине арестов, с одной стороны, по причине внутренних виленских споров, с другой, и, наконец, слабости восстания, с третьей, организационные дела Литвы пришли уже в конце июля месяца 1863 г. к совершенному расстройству. Даже Еленский был арестован в то время, когда Дюлеран находился в Варшаве (впрочем, этого с точностью не помню — довольно, что я уже не нашел его в Вильне).

Я не мог тоже ни в чем поправить положения дел восстания в Литве; скоро были арестованы Гейштор, Зенкович; Малаховский должен был выехать из Вильно, так что мне остался один Калиновский среди повседневных арестов, опустошающих городскую виленскую организацию и расстраивающих совершенно организацию по воеводствам. Не было уж возможности ничего сделать, даже образовать вновь Отделение. Правда, Калиновский призвал Иосифа Калиновского и своего знакомого Милевича из Гродненской [губернии], но это были только советники, только, так сказать [б], а не члены Комитета; членами они даже быть не хотели. Скоро за тем я был арестован. К вышесказанному считаю нужным прибавить еще следующее:

Литва собирала соответственно потребностям восстания

[а] Переворот (фр.).
[б] Так в тексте.

очень незначительные деньги. В центральную кассу революционного пр[авительст]ва не присылал виленский комитет ни гроша — и вообще в Варшаву присылал он весьма незначительную сумму до распоряжения [а] Пшибыльского, например на косы, курьеров, типографию и пр. Денег на покупку оружия послано из Вильно в разное время около 100 000 руб. серебром, если не ошибаюсь, во всяком случае не менее 80 000 руб. Сумма эта отсылалась прямо из Вильно Брониславу Залескому [б] (из Минской губернии) или посредством Пшибыльского в Варшаве к этому же Залескому или к Гуттри в Льеж... Раз только 25 000 руб. серебром в мае месяце послано было Залескому посредством Кеневича Гиеронима (из Минской губернии). Нужно сказать, что за всю вышеисчисленную сумму Литва не получила во все время ни одного карабина. Жмудская высадка Лапинского [13] была приготовляема на деньги, данные революционным пр[авительст]вом; часть этих денег составляли заграничные складчины (не более 60 000 франков, в том числе 30 000 Браницкого). Вся же она стоила, по приблизительному моему счету, не менее 60 000 руб. серебром (Демонтовичу в Стокгольме король шведский приказал выдать из своей частной кассы около 20 000 франков, которую-то сумму народное пр[авительст]во возвратило королю). Во время, когда я был в Вильне, в кассе Отделения находилось не более 6000 руб. серебром без всякой надежды дальнейшего дохода.

Еще остается мне несколько слов сказать о Кеневиче. Он был прислан в Варшаву Виленским комитетом [14] в мае месяце и приехал сюда с Дюлераном как кандидат на члена нар[одного] пр[авительст]ва. Кеневич после некоторых разговоров со мной и с Пшибыльским был призван в заседание нар[одного] пр[авительст]ва и приходил в заседание не более как три раза. Окончательно, однако ж, принять обязанности члена народного пр[авительст]ва он не хотел, потому что прежде желал ехать за границу переменить паспорт (он сын эмигранта) и завезти деньги (упомянутые выше 25 000 руб. серебром на покупку оружия) Залескому. Народное пр[авительст]во, со своей стороны, дало ему корреспонденцию к Чарторыскому с поручением узнать, насколько основательны надежды его на заграничную интервенцию. Кеневич пребывал за границей очень долго, и на возвратном пути в конце июня месяца или в начале

[а] Т. е. в распоряжение.
[б] В тексте здесь и далее Залевский.

июля был арестован на станции граничной Александров и до самого выезда моего содержался в цитадели. О действиях Кеневича в России мне неизвестно, во всяком случае, я даже не предполагал, чтобы он принадлежал к разброске фальшивых прокламаций.

Касательно сношений с Гуттри офицера Звеждовского ничего точного сказать не могу, предполагаю, однако же, что они могли быть только при посредничестве Сераковского, личного знакомого и друга Гуттри. По крайней мере, во время моего свидания с Гуттри в октябре месяце 1861 г. не только не видел я Звеждовского у него, но даже и не упомянул Гуттри о Звеждовском, хотя тогдашние мои сношения с ним (Гуттри) единственно имели целью революционные намерения и действия.

Считаю нужным прибавить еще, что офицер Иосиф Калиновский (инженер) в мае месяце 1863 г. представил и вручил Народному пр[авительст]ву посредством Галензовского карты, не помню всех или некоторых только, крепостей русских (т. е. планы). По крайней мере, так было сообщено Народному пр[авительст]ву Галензовским; я же сам не видал ни этих планов, ни самого Калиновского в то время. Планы эти были отправлены за границу на сохранение к Владиславу Чарторыскому, которому вместе с тем поручено было копию плана представить Друэну де Люи, министру иностр[анных] дел во Франции.

Оскар Авейде

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 164—172.

[1] Авейде Оскар (1837—1897) — юрист, окончил Петербургский университет. Примыкал к умеренному крылу «красных». Член Центрального национального комитета (с 1862 г.) и Национального правительства; прибыл в Вильно под именем Людвика Шмидта и в конце августа 1863 года был арестован. Дал обширные показания о повстанческой организации, по заданию царских властей написал в тюрьме «Записки» о восстании.

[2] Имеется в виду Дирекция «белых» в Варшаве, возникшая в декабре 1861 г.

[3] В декабре 1862 г. Я. Гейштор и А. Еленский (а не А. Оскерко) в качестве делегатов от организации «белых» участвовали в переговорах с Э. Юргенсом, представителем партии «белых» в Царстве Польском.

[4] В дополнительных показаниях О. Авейде указывается: «...Только летом 1862 г. (насколько могу предполагать) образо-

вался в Вильне Провинциальный комитет Калиновского и др. Однако сношения между Варшавой и Вильно состоялись только в октябре месяце т[ого] г[ода], да и то начались, как известно, разладом и несогласием» (ЦГИА БССР, Гродно, ф. 3, оп. 3, д. 9, л. 28).

[5] Подробнее о поездке Э. Вериги в Варшаву см. «Показания и записки О. Авейде». М., 1961. С. 487—489.

[6] В действительности имя Козелла было Ян, повстанческий псевдоним — Якуб.

[7] Содержание устава, принятого после переговоров делегата Литовского провинциального комитета Э. Вериго с членами ЦНК в ноябре 1862 года, О. Авейде излагает в других показаниях.

[8] Далее излагаются события восстания 1863 года.

[9] Имеются в виду действия групп повстанцев под командой Ф. Вислоуха и С. Буховецкого в Свенцянском и Ошмянском уездах 3—10 февраля 1863 г., начатые по инициативе Литовского провинциального комитета.

[10] Действия отряда Л. Нарбута в Лидском уезде начались в начале февраля 1863 г.

[11] Воззвание Литовского отдела о начале восстания в Литве и Белоруссии датировано 19(31) марта 1863 г. Практически восстание началось в различных районах в разные сроки.

[12] Имеется в виду преобразование «Отдела, управляющего провинциями Литвы» в Исполнительный отдел на Литве.

[13] Экспедиция из Лондона в помощь Литве, организованная польскими эмигрантскими организациями при содействии А. И. Герцена и Н. П. Огарева (Русско-польские революционные связи. М., 1963. Т. 2. С. 38—44).

[14] О. Авейде имеет в виду «Отдел, управляющий провинциями Литвы».

Из донесения виленской жандармерии князю В. А. Долгорукову, шефу жандармов и начальнику III отделения, о казни К. Калиновского

10 марта 1864 г.

Сего числа в 10 часов утра на Торговой площади в Вильне при многочисленном стечении народа казнен смертью повешанием дворянин Гродненской губернии кандидат С.-Петербургского университета Викентий Константин Калиновский, проживавший в Вильне под разными именами, в последнее время под именем Игнатия Виторженца.

Калиновский, один из главных деятелей тайной польской организации на Литве, был сначала комиссаром Гродненского воеводства, потом секретарем при главном комиссаре Литвы Несторе Дюлеране и, наконец, после бег-

ства последнего в августе минувшего года, приняв на себя обязанность главного руководителя мятежа в крае, издавал от имени польского жонда революционные воззвания и распоряжения, выдавал номинации начальникам шаек, снабжал их деньгами и был в постоянных сношениях с революционным правлением в Париже и Варшаве.

О чем почтительнейше имею честь донести в[ашему] сият[ельст]ву.

За отсутствием штаб-офицера, начальника виленской жандармской команды штабс-капитан (подпись).

Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі. Мн., 1940. Т. 2. С. 545.

II. К. КАЛИНОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ПУБЛИКАЦИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Из воспоминаний Ф. Рожанского [1]

В Гродно в 1861 г., успешно завершив юридическое образование, приехал Константин Калиновский с целью создания конспиративного кружка и политической деятельности. На основе личных знакомств и связей такой кружок ему удалось создать. В него вошли: Эразм Заблоцкий, губернский секретарь, доктор Юзеф Заблоцкий, Валерий Врублевский, офицер, инспектор егерской школы, Ян Ванькович, офицер, Феликс Рожанский и Ильдефонс Милевич, землемеры, ксендз Гинтовт из Гродно, ксендзы Ян Зарижский и Игнаций Козловский из окрестностей города и еще несколько иных лиц, фамилии которых либо не помню, либо не был с ними лично знаком. Все вышеназванные придерживались демократических принципов и их называли партией красных потому, что они выдвигали программу подготовки масс к народной революции, которая ставила своей целью свержение самодержавия и уничтожение крепостничества, а также достижение национальной самостоятельности...

Доктор Заблоцкий писал патриотические стихи на польском языке, Рожанский — на белорусском. Последний совместно с Константином Калиновским издавал демократическую газету «Мужицкая правда», которая подписывалась псевдонимом «Ясько-гаспадар из-под Вильни». Несколько песен и «гутарак» на том же языке издал Бронислав Шварце в Белостоке.

Конспиративный кружок расширил свое влияние в Гродненской, Виленской, Минской и Ковенской губерниях, посылая на должности сельских учителей и волостных писарей студентов и вообще патриотическую молодежь, которая активно проводила революционную работу, действуя с энтузиазмом и самопожертвованием.

Народ ждал избавления от самодержавного и крепостнического гнета и всюду относился к агитаторам доброжелательно, многочисленные доказательства чего были даны как накануне, так и в ходе самого восстания.

В целях ознакомления с действительным настроением людей, а также для противодействия агитации, проводимой правительством посредством попов и иных угнетателей народа, Калиновский и Рожанский регулярно совершали успешные пешеходные странствия по всему краю, переодеваясь в различные одежды. Завязывая контакты с людьми, распространяли они свою газету и разъясняли крестьянам, на чьей стороне надо бороться и каким путем можно сбросить ненавистный гнет. Благодаря этой работе отряды смогли продержаться в Литве от весны до поздней осени, т. к. крестьяне активно помогали восставшим продовольствием и проводниками, несмотря на трудности и суровые кары, которые им угрожали со стороны официальных властей...

Константин Калиновский до конца выстоял на посту главы Народного правительства в Вильно во время восстания, не пожелав сохранить свою жизнь, хотя мог это сделать. Наконец, заключенный в тюрьму, протестуя громко и бесстрашно против карателей и палачей, был повешен в марте 1864 г., как героический Траугутт [2] с соратниками, на виселице. Слава ему и всем тем, которые принесли свою жизнь в жертву для края и дали доказательства горячей любви и преданности Родине!

Rożanski F. Z województwa Grodzienskego.//W czterdziesta rocznicą powstania styczniowego 1863—1903. Lwow, 1903. S. 396—400.

[1] Рожанский Феликс — белорусский поэт, революционер. Накануне восстания — землемер в имении Великая Берестовица. В 1861 г. вошел в Гродненскую революционную организацию К. Калиновского, участвовал в издании и распространении «Мужицкой правды». В 1863 году — повстанец отряда В. Врублевского. Автор повстанческих песен на белорусском языке. После восстания эмигрировал. Автор воспоминаний о революционном движении на Гродненщине.

[2] Траугутт Ромуальд Людвикович (1826—1864) — один из руководителей восстания 1863—1864 гг. в Белоруссии и Польше. С 1845 г. в русской армии, участник Крымской войны 1853—1856 гг. С 1862 г. жил в имении Остров Кобринского уезда. В апреле 1863 г. возглавил Кобринский повстанческий отряд, который успешно сражался с царскими войсками. В июне 1863 г. вместе с Брестским отрядом совершил рейд на Волынь. С октября 1863 г. фактический руководитель восстания в Польше. Арестован в апреле 1864 г., повешен в Варшаве.

Из воспоминаний Ю. Яновского [1]

...В момент вспышки восстания в Королевстве народная организация в Литве была очень слаба, лишь только в Бе-

лостокском повете существовали ее довольно сильные зачатки.

В состав существовавшего в то время в Вильно Комитета входили: Людвиг Звеждовский, Ян Козелл, Зыгмунт Чехович, Эдмунд Вериго, Константин Калиновский. Комиссаром Центрального комитета при этом комитете был Нестор Дюлеран.

Были это люди молодые, полные огня любви к своему Отечеству, конспираторы, готовые к личному самопожертвованию до конца. Однако им не хватало организационного опыта. Будущее отчизны и ее освобождение они видели только в улучшении доли народа и в народ этот несли пропаганду патриотизма. Самой выдающейся в этом отношении личностью в Комитете был Константин Калиновский. Он был одним из самых интеллигентных в то время мужей Литвы, образованный, чистый, полный добродетелей, ума и энергии. Исходил пешком Литву и Белоруссию, неся в народ пламя любви к Отечеству... Не хотел иметь никаких связей со шляхтой, а опирался только на народ.

Связь Литвы с Польшей понимал только как федеративную — с полной независимостью Литвы. Не признавал сполна власти Центрального комитета, не хотел принимать оттуда никаких приказов или поручений. Эта позиция Калиновского, которую не все в Комитете полностью разделяли, была поводом для недоразумений и бездеятельности Комитета в руководстве организацией и торгов о власти с Центральным комитетом. Последний, однако, уступил, признал за Литовским комитетом определенную самостоятельность в руководстве организацией, а также назначении властей, в определении срока восстания. Умеренные и литовская шляхта, однако, поняли, что перед начавшимся уже восстанием в Королевстве Польском не может Литва оставаться бездействующим и немым наблюдателем проходившей борьбы...

Pamiętniki o powstanie styczniowem J. K. Janowskego. Lwow, 1923. T. 1. S. 426; Warszawa, 1925. T. 2. S. 115.

[1] Яновский Юзеф Каэтан (1832—1914) — член варшавской революционной организации, секретарь нескольких составов Национального правительства в 1863—1864 гг.

Из воспоминаний И. Калиновского

...Последним звеном в цепи страдания перед заключением меня самого в тюрьму [1] был арест уже давно безуспешно разыскиваемого полицией Константина Калинов-

ского. На фоне крайнего истощения повстанческих сил лишь он один, наделенный Народным правительством чрезвычайной властью, выделялся своей необычайной подвижнической деятельностью. Бывший студент университета, он умело использовал свои приятельские связи для отыскания помощников в нелегкой борьбе; обладая несокрушимой выдержкой и не позволяя склонить себя ни к какому соглашательству, самыми различными способами проводил в жизнь свои замыслы. Не обращая внимания на нашу слабость, которая с каждым днем ощущалась все сильнее, он последовательно руководствовался принципами, выдвинутыми Народным правительством (если не чем-то другим), постоянно поддерживая различными действиями боевой дух повстанческой организации. Скрывался под различными фамилиями, используя для этого в зависимости от обстоятельств паспорта или удостоверения личности, которые имел под рукой; хотя главным образом находился в Вильно, однако успевал побывать и в других населенных пунктах. Его фотография в течение нескольких месяцев была выставлена на углах виленских улиц. Не помню, правда, какую награду Муравьев обещал тому, кто поможет ему схватить Калиновского в свои когти. Я не разделял принципов, иногда крайних, этого последовательного борца; однако всегда восхищался его героическим мужеством и смелостью, наблюдая его в минуты постоянной опасности. Воссоздание революционной организации замедлялось, в сущности, малым количеством имевшихся в распоряжении и пригодных к активной деятельности людей, что влекло за собой назначение на должности лиц не всегда достойных доверия. Поэтому умолял Константина, чтобы сдерживал свою активность, предвидя из предыдущих событий как пагубные последствия его деятельности для всех нас, так и его собственную гибель. [Но] он и слушать не хотел и выслал, если мне память не изменяет, в Могилевскую губернию в роли комиссара [или какой-то другой] молодого студента университета Х.[2]. Одновременно снабдил его бумагами. Арестованный Х. бумаг скрыть не мог. Это была окончательная победа Муравьева. Ужасными для нас были ее плоды, в руках Муравьева оказалась добыча, которой он давно жаждал и, может быть, даже более той, на которую мог рассчитывать. Около полудня неожиданно меня пригласили на квартиру одной патриотически настроенной семьи, у которой мне никогда не приходилось бывать. «Константин арестован»,— был я встречен такими словами. Удар был неожиданным. За день

до этого я еще навестил его в квартире, где была обеспечена полная безопасность. Вслед за ним была брошена в тюрьму вся семья Я.[3]: отец, мать и две дочери; схвачено много иных лиц. Записка, полученная из тюрьмы, дело нам прояснила. Следственная комиссия поспешила закончить следствие, и Константина осудили на смерть.

...Выдержал [он] последнее испытание с честью.

...Константин был последним осужденным, а точнее казненным, в Вильно...

Kalinowski J. Wspomnienia. Lublin, 1965. S. 78—79.

[1] И. Калиновский был арестован 13 марта 1864 г.
[2] Имеется в виду Витольд Парфианович.
[3] Семья Ямонт. См. воспоминания Людвики Родзевич (Ямонт). Л. Родзевич пишет в воспоминаниях, что были арестованы кроме нее три сестры: Мария, Елена и Схоластика.

Из воспоминаний Л. Родзевич [1]

...Однажды ранним утром я была разбужена вестью, что ночью свора жандармов нагрянула в дом к моим родителям и, после тщательного обыска [2], всех, кто был там, начиная от брата Юзефа, арестовали, а дом опечатали. Забрали отца и мать, людей пожилых, известных и уважаемых в городе, три сестры: Марию, Елену и Схоластику (еще несовершеннолетнюю), а также служанку Карусю. В последнее время мать, опасаясь лишних свидетелей деятельности и связей сына Юзефа, удалила мужскую прислугу, а из женской оставила только одну девушку, не согласившись на желание Юзефа жить отдельно от семьи, как он того хотел для безопасности родителей.

Ежеминутно приходили новые, чаще трагические вести.

Одновременно (с родителями) был арестован и Константин Калиновский, живший под фамилией Витоженца в бывших университетских зданиях, примыкавших к костелу Св. Яна. Его квартиру, из осторожности, посещало ограниченное число людей, поскольку личность его — важная для дела — была исключительно оберегаема. Для сношений с ним, доставки ему и отсылки его корреспонденции выделена была [организацией] замечательная девушка — Каролина Яцыно.

Неслыханное по масштабу предательство Парфиановича всколыхнуло все Вильно. Невозможно перечислить все жертвы, связанные с ним. Среди прочих — два брата Калиновские, сыновья директора дворянского института в

Вильно, Силистровский Казимир, студент университета, и столько других, что даже знакомых и родных — не всех помню. Из минской организации — Оскерко, Свида и другие.

Трудно себе представить более страшное положение вещей. Терялась мысль в этом море скорби и боли. Нелегко было ориентироваться в бесчисленных обрушивавшихся на город ударах. Кого сильнее оплакивать? Кому больше сочувствовать в несчастье? О какой-либо помощи, кроме доставки пищи и удовлетворения первейших жизненных потребностей арестованных (даже далеко не всех родственников), в то время нельзя было и мечтать.

У Константина Калиновского [жандармы] надеялись найти важные документы, которые, кстати, хранились в полой ножке его стола; однако в момент обыска ее не обнаружили, видимо, о ней не знали, а когда назавтра жандармы пришли снова, она уже была пуста. Подвергая себя большой опасности, Яцыно их опередила.

В тот же день она пришла ко мне попрощаться, будучи уверена, что по возвращении домой встретит ожидающих ее жандармов. Предчувствие не обмануло ее! Это была наша последняя встреча... Вскоре по возвращении из глубокой Сибири, где она вышла замуж за поляка Саковича, Яцыно умерла как раз перед самым нашим приездом из ссылки. Ее дочь Елена осталась в Перми, дальнейшая ее судьба мне неизвестна.

Вообще надо сказать, что сибирские скитания выдерживали только исключительно сильные люди. Слабым же они сокращали жизнь.

Константин Калиновский — это выдающаяся личность, не столько с точки зрения высшего положения, занимаемого в революционной организации, сколько как человек железной силы характера. Его деятельность хорошо известна из публикаций. Поэтому не буду специально останавливаться на повторении известных фактов, подчеркну только, что его слава заслужена исключительно деятельностью, а в нашей семье он был необыкновенно ценим и любим за свои нравственные и душевные качества.

Поскольку Калиновский не имел в Вильно близких, а друзья не могли заботиться о политических заключенных, так как это могло вызвать понятные осложнения, опеку над ним, насколько это было возможно, взяла на себя особа необыкновенно деятельная, когда речь шла о помощи наиболее важным политическим заключенным, вдова Ядвига Мокрицкая [3], в своем роде личность незаурядная.

Женщина элегантная, благодаря прекрасным манерам и хорошему воспитанию, немолодая, образованная, в скромном, не претендующем на особую изысканность платье — она всегда находила возможности прокладывать пути там, где другие не могли и подступиться. Ее сердце всегда рвалось на помощь этим обреченным людям, даже тем, с которыми она была едва знакома.

Не припоминаю теперь, под каким предлогом [она] получила право доставки Калиновскому необходимых вещей. Устроила при помощи взяток жандармам возможность обмена секретными записками с заключенными, среди которых, между прочим, имела близких знакомых.

Конечно, те записки подлинных тайн не содержали, поскольку на так далеко идущую жандармскую услужливость никто не полагался. Как выяснилось потом, осторожность не была излишней, ибо были доказательства, когда записки, оплачиваемые по 10 рублей, часто попадали в руки «невинного» Лосева и только потом адресату. В одной из этих записок, которая... поддерживала иллюзорную связь с тем, возвратиться к чему [Калиновский] уже не имел надежды, помню его слова: «Завидую свободе даже той ходящей по снегу вороны, которую вижу из своего окна...»

Biblioteka Ossolineum, rkps. 12 273/1, s. 99—106.

[1] Родзевич Людвика — сестра И. Ямонта, жена одного из участников восстания 1863 года. Была выслана с мужем в Рязанскую губернию, после возвращения жила в Польше. Написала воспоминания (не опубликованы, хранятся в библиотеке им. Оссолинских во Вроцлаве). Публикуется отрывок из этих воспоминаний.

[2] Тем не менее в желобке под окном мы нашли потом печать Народного правительства. (Примечание источника).

[3] Ее сын Вацлав, осужденный на смертную казнь, бежал, переодевшись, из Петербурга. Умер в Дрездене. (Примечание источника).

Из воспоминаний Я. Гейштора [1]

В Комитет движения входили следующие личности: Константин Калиновский, бывший студент Петербургского университета, прозванный «Хлопом», Зыгмунт Чехович, помещик Вилейского уезда, Эдмунд Вериго, также бывший студент, Ян Козелл, офицер русских войск, вилейский помещик, Антоний Залесский, помещик Трокского уезда, Болеслав Длуский, капитан и врач, Ахилл Бонольди, учитель пения; комиссаром от Народного правитель-

ства был Дюлеран... Длуский вскоре (под фамилией Яблоновского) отправился в Ковенскую губернию в качестве полномочного комиссара. Бонольди, как итальянскому подданному, приказано было выехать за границу, Комитет назначил его своим представителем в Париже. Вериго арестовали. Антоний Залесский... был выслан... в Вятку.

Таким образом в составе Комитета осталось три члена. Козелла встречал я не раз, это был, бесспорно, способный, но необычно самоуверенный молодой человек. Хорошо знал и Зыгмунта Чеховича: благородный, увлекающийся, но вместе с тем непоследовательный, без твердых убеждений, легко поддавался влиянию других людей. С Константином Калиновским познакомился уже после начала восстания у Франтишка Далевского. Это была натура вспыльчивая, но справедливая, без малейшей тени лицемерия. Предан был душой и сердцем народу и отчизне, однако сторонник крайних революционных теорий, не останавливавшийся даже перед развязыванием гражданской войны, помышлявший к тому же о самостоятельности Литвы. Был он несравненным, образцовым конспиратором, душой Комитета, безупречным исполнителем тех распоряжений, которые сам разделял... При первом знакомстве доказывал мне, что участие шляхты и помещиков в восстании не только не нужно, но и вредно. Народ сам завоюет себе свободу и потребует собственность у помещиков. В порядке снисхождения допускал участие шляхты в рядах повстанцев, но не в своих поветах, а только там, где ее не знали. Впрочем, Калиновский хотел, чтобы народ великодушно простил шляхте преступления прошлого, но говорил, что, если бы она и погибла, постигла бы ее заслуженная кара и страна ничего бы от этого не потеряла. Этот человек был, несомненно, самой выдающейся фигурой в составе Комитета...

Сдавали нам отчеты и бумаги Константин Калиновский и Зыгмунт Чехович [2]. Оба были обижены на Дюлерана, Калиновский написал даже протест. Зыгмунт Чехович со всей готовностью предложил нам свои услуги. Он был ответственным за внутреннюю переписку с воеводствами, получал бумаги, передавал их нам и в то же время рассылал наши. С полной отдачей, самопожертвованием и усердием выполнял свой долг; позже в следственной комиссии, по дороге в Сибирь и в ссылке он показал себя честным человеком и горячим патриотом. К интригам никогда не присоединялся; для него важнее было благосостояние родины, а не мелкие амбиции...

И Константин Калиновский, несмотря на свой протест, который он переслал в адрес Народного правительства и в котором сетовал, что руководство восстанием доверено шляхте, ни на минуту не колебался со свойственной ему энергией помогать нам. Был он сначала помощником начальника города при Оскерко, затем я отправил его в Гродно, т. к. в Гродненской губернии создание организации шло медленно, и Калиновский заверил, что благодаря своим знакомствам, быстро поправит дело. Перед самым отъездом имел с ним нелегкий разговор: получив от меня инструкцию, он высказал мне массу упреков относительно трактования людей и дела. Я терпеливо выслушал его; что посчитал правильным в его замечаниях, одобрил, однако основные тезисы повторил без изменений. Когда он вновь попытался перечить мне, я спросил его категорически, признает ли он власть и собирается ли ей подчиняться. Он понял вопрос... Я рекомендовал Калиновскому не признавать никаких различий между сословиями, не восстанавливать против себя шляхту-землевладельцев, считать их силой, необходимой восстанию, его живительной душой. Однако Калиновский до конца остался приверженцем радикальных взглядов и, несмотря на всю силу своего патриотизма, не сумел подняться до беспристрастности; тем не менее в Гродно он был очень деятельным, и, пожалуй, нигде работа организации не была налажена так хорошо. Он был образцом стойкого конспиратора; только он один мог на протяжении нескольких месяцев, несмотря на разгул террора, работать в Вильно так, как никто. Будучи непрерывно преследуемым, он приходил к воротам Доминиканского монастыря, чтобы попрощаться с теми, кого уводили на смертную казнь, не прекращая ни на минуту своей деятельности...

Geiysztor J. Pamiętniki z lat 1857—1865. Wilno, 1913. T. 1. S. 221—222, 233—237.

[1] Гейштор Якуб Вильгельм Каспер (1827—1897) — ковенский помещик, публицист, один из руководителей партии «белых» в Литве и Белоруссии. В 1863 году возглавил «белый» «Отдел, управляющий провинциями Литвы». Арестован 31 июля 1863 года, сослан на каторгу. Автор воспоминаний «Pamiętniki z lat 1857—1865. Wilno. 1913.

[2] Чехович Зыгмунт (1831—1907) — помещик Свенцянского и Вилейского уездов. Окончил Петербургский университет. В 1862—1863 гг. — член Литовского провинциального комитета, затем экспедитор в «Отделе, управляющем провинциями Литвы». Арестован 31 июля 1863 года, сослан на каторгу.

Из воспоминаний Е. Кучевского-Порая [1]

Было это весной 1862 г. Приехал я из своей деревни Корсаки в Вильно навестить мать и сестер, которые проживали тогда после смерти отца в этом городе. Семья наша состояла из двух братьев и двух сестер; брат мой, вернувшись с Кавказа, где он служил в армии, жил в той же деревне, что и я, ожидая, когда закончится дело о нашем поместье, чтобы заняться затем сельским хозяйством. От моей матери я узнал, что Клетый Корева, лесничий, посетил ее и выразил желание познакомиться со мной лично, когда я прибуду в Вильно. Поэтому он оставил свой адрес и заявил одновременно, что одно важное и не терпящее отлагательства дело требует, чтобы я, не мешкая ни минуты, повидался с ним. Клетого Кореву я совсем не знал, слыхал только о нем, но никаких отношений, ни частных, ни официальных, между нами не было; поэтому я был очень удивлен, узнав об этом спешном деле, и не мог даже представить себе, о чем тут идет речь. Очень заинтригованный этим, я в тот же день отправился по указанному мне адресу. Кореву я застал дома. Был это молодой человек, лет 25, среднего роста, с довольно симпатичным лицом, черные глаза и усы очень шли к его худощавому лицу... Наша беседа почти сразу же затронула тему, которая была для меня совершенно неожиданной.

— Причина, побудившая меня стремиться познакомиться с Вами, заключается в том, что я хочу пригласить Вас к общей работе в тайном офицерском обществе, к которому я принадлежу.

— Какова цель этого общества? — спросил я его.

— Низвержение теперешнего правительства. К этому обществу принадлежат все русские офицеры, мы просим вступить и Вас как офицера в отставке. Общество имеет свои крупные разветвления по всей России, везде мы имеем своих членов и являемся уже огромной силой.

Таково было приглашение — не было никакой другой подготовки при вступлении в тайное общество, ни присяги, ни письменных ручательств: все свелось к одному лишь приглашению, не была указана программа, не были указаны пути достижения намеченной цели. Не было хоть сколько-нибудь определенно сказано о разветвлениях общества, о его средствах, ресурсах — словом, не было никаких данных. Надо было полагаться на слово одного члена, который также, по-видимому, ничего не знал. А как приступить к работе? Этого ни Корева, ни я не знали. От-

вет на мой вопрос об этом он отложил до следующего свидания.

Я вышел от Коревы не только удивленный, но и страшно заинтересованный всем тем, что делается в тайном обществе. До сих пор я понятия не имел о том, что делалось вокруг меня, моя личная жизнь текла по такому обыденному руслу, что мне и в голову не приходила мысль о заговоре...

Спустя 2—3 дня я был у одного из них, Евстахия Чарновского, молодого человека, который за год до этого закончил курс наук в университете и осел в деревне. Речь шла о новых крестьянских реформах. Евстахий говорил рассудительно, много благородных и мудрых истин исходило из его уст. Работа для родины, с горячей любовью отыскивающая новые нравственные силы для нее путем просвещения народа, наделения землей, сближения всех слоев в единой, всеобщей борьбе за свободу,— таковы те принципы, ради претворения в жизнь которых он намеревался трудиться в своем скромном захолустье.

Чарновский любил Польшу, только ради нее хотел он работать. Корева вместе с русскими раздумывал о средствах низложения правительства. Один выступал открыто со своими принципами, другой хотел укрыться за строжайшей тайной. В дальнейшей беседе с Чарновским я упомянул о тайных заговорах, о Пестеле, Петрашевском и др., и мы незаметно подошли к последнему времени. К моему великому удивлению, он дал мне понять, что и у нас существует общество такого же рода, но говорил об этом с какой-то легкостью, не придавая своим словам никакого значения.

Значит, это не такая уж страшная тайна, подумалось мне, а это общество не так уж велико и не так уж сильно. Ложь с самого начала там, где должна была бы быть одна лишь правда! Это было для меня разочарованием — ведром холодной воды, остудившей мой первоначальный пыл. Я вернулся в деревню. Через несколько недель Корева приехал ко мне, привез первое воззвание варшавского Комитета движения и другие повстанческие прокламации, в которых ничего не было ни о совместных действиях с русскими, ни о существовании общества, состоящего только из русских офицеров. К моему удивлению, он ответил, что то тайное общество, к участию в котором он меня пригласил, имеет право вовлекать и принимать не только военных, но и штатских. Основой же для дальнейшей конспиративной работы было воззвание варшавского Комитета

движения, которое призывало все польские провинции к всеобщему восстанию, торжественно обещая рассчитать его так, чтобы оно увенчалось успехом [2].

Демонстрации в костелах и пение гимна «Боже, который Польшу...» поднимали настроение в Вильно и на селе. Крестьяне, однако, не примыкали к этим демонстрациям, полагая, что они являются проявлением недовольства помещиков упразднением крепостного права и барщины. Русское правительство старалось поддерживать это мнение крестьян, поощряло их, давало даже им распоряжения арестовывать тех, кто будет петь в костелах запрещенные песни. При этом было предписано отдать огнестрельное и холодное оружие полиции, были запрещены съезды и собрания в частных домах.

Когда я спрашивал Кореву, откуда мы возьмем оружие для борьбы, откуда возьмем людей, так как уж было видно, что крестьяне косо смотрели на действия, враждебные правительству, а шляхта не верила в восстание, считала его гибельным и в основу своего поведения ставила открытое заявление о нуждах края и требование необходимых уступок у русского правительства, Корева заверил меня, что оружие у нас будет в достаточном количестве — русские дадут его сами, людей много не надо, так как войска не будут драться.

Перед отъездом он оставил мне свой револьвер системы Беккера, сказав при этом, что сможет доставить мне их столько, сколько потребуется для привлеченных к заговору членов.

Надо было приступить к какой-нибудь работе, завязать более тесные знакомства с отдаленными соседями, войти с ними в доверительные отношения, ознакомиться с их убеждениями, с тем чтобы сделать им предложение включиться в нашу работу.

В соседстве со мной жил г. Антоний Залеский, зажиточный помещик, известный в крае как талантливый художник. Это был очень элегантный, остроумный и эрудированный человек, вдовец, лет ему было свыше 40. В молодости он путешествовал по Европе, несколько лет прожил в Риме, где с увлечением занимался своим любимым искусством, а по возвращении в край издал иллюстрации к мемуарам Пасека [3]. После смерти жены у него остался сын Михал и маленькая дочь. Мужское общество все чаще стало собираться в его доме, где можно было встретиться со многими молодыми людьми, съехавшимися со всех краев Литвы. Ежий Ляскарис, поэт, постоянно проживал в его

имении Костюшишки, художник Андриолли, Дмоховский, певец Бонольди были частыми его гостями.

Первая моя вылазка поэтому была в его имение. Отношения между нами завязались легко, так как соседские отношения были традиционными еще с дедовских времен. Я застал всю компанию за разработкой проекта экскурсии верхом на конях на Бирштанские минеральные воды, расположенные на берегу Немана на расстоянии 10 миль пути.

Двинулись мы, таким образом, на Бирштаны, задерживаясь иногда по дороге у знакомых; крестьяне с любопытством присматривались к необычной кавалькаде, вести о восстании уже кружили по краю[4].

На второй или третий день нашего пребывания в Бирштанах приехал Корева. Был он тогда лесничим в Трокском уезде и проживал неподалеку от Бирштан, в Дусятах. Мы находились в клубном зале в 10 час. вечера, когда пришел Корева и попросил меня вместе с ним пойти к нему на квартиру. Там я застал молодого варшавянина [5], который приехал из Вильно чтобы сообщить, что стреляли в в. кн. Константина и что разыскиваются проданные в Варшаве офицерам револьверы системы Беккера. Надо было представить их властям [6]. Один из этих револьверов, оставленный у меня Коревой, принадлежал проживающему в Вильно офицеру Генерального штаба Людвику Звеждовскому. Надо было, не теряя ни минуты, отослать этот револьвер в Вильно, и поэтому мы с Коревой должны были немедленно поехать в мою деревню. Ночь была темная, мы едва различали в темноте конские головы. Я попрощался со своими товарищами, и мы оба верхом поехали назад.

На наших солдатских ночлегах у меня выпадал иногда случай побеседовать о том, что делалось в крае, с Антонием Залеским. Я показал ему воззвание Комитета движения. Прочитав его, он, к моему великому удивлению, крикнул: «Как это умно!» Что касается меня, то я не разделял этого мнения. Я верил в самоотверженность, в готовность вступить в борьбу тех, кто стоял во главе этого дела. Но какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что стойкость в основных принципах, нежелание отступиться от них пройдут, и, раздумывая о восстании, рассчитанном на то, что оно «увенчается успехом», как было сказано в программе, о которой я говорил выше, мне хотелось верить этому, однако сомнение в самом начале овладело мной. Я не смел даже перед самим собой вслух высказать этот упрек, так как понимал и даже более того — верил в то, что люди, готовые пожертвовать своей

жизнью, эти святые и великие своим патриотизмом личности, идут только по пути правды и веры!

...Прошло несколько недель; помещики устраивали съезды, обсуждая на них вопрос об обществах — кредитных, сельскохозяйственных и торговых — необходимых, по их мнению, для края учреждениях.

Шло постоянное движение в форме взаимного сближения и знакомства. Школы для крестьянских детей создавались почти в каждой деревне, велась просветительная работа, внушалась любовь к родине, прививалось понятие об обязанностях по отношению к ней. Восстание и борьба с русскими входили в сферу этой пропаганды среди народа — но совместно с народом и общими силами. Для этого требовалось много времени, должны были забыться давнишние взаимные обиды крепостных и помещиков, надо было наделить правами собственности и гражданства новый элемент, входящий в состав национальных сил. Народ, однако, смотрел на это с недоверием, слушал, но ничего не хотел делать, не посылал детей в школы, несмотря на явные выгоды, которые он сам понимал. Демонстрации в костелах были для него пугалом, московская полиция сбивала его с толку, по деревням ходили дикие слухи.

В эту пору появилась подпольная революционная газета, ставившая своей целью призыв к поджогам и кровопролитию, подстрекание крестьян против русских чиновников и бывших панов. Крестьяне призывались к тому, чтобы они сами установили для себя справедливость с помощью резни. Эта газета, выходившая на белорусском языке под названием «Мужицкая правда Янки [а] из-под Вильны», распространялась в тысячах экземпляров. И в этой газете не видно было здравых рассуждений, хоть сколько-нибудь подлинной обиды за причиненные кривды, глубокой скорби, потребности в возрождении, возвещались лишь кровавая месть и преступления, освящаемые и оправдываемые этой местью.

Литовский народ [б] испытывал тяжкие страдания, но чистое религиозное чувство, земледельческий труд, когда выходишь в поле с богом и добродетелью в сердце,— все это сохранило в этом простом народе простые, но великие сокровища морали и нравственности. До его сердца легче дошли бы слова сочувствия его глубокой скорби, слова, взывающие к его чувству порядочности во имя христиан-

---

[а] Так в тексте.

[б] Автор имеет в виду также и белорусов.

ского всепрощения, братской любви и забвения, чем призыв к кровавой мести французской гильотины. И не одной лишь этой благородной моральной чертой литовского народа можно объяснить то, что «Мужицкая правда» никогда не оказывала на него влияния и не вызывала тех чувств, породить которые она пыталась [7]. Общее недоверие к господам и ко всему господскому являлось одной из главных причин того, что крестьяне быстро поняли, что их обиды описывались не рукой крестьянина «Янки из-под Вильны», а рукой какого-то скрытого пана, что не было волей народа то, к чему науськивал этот Янко, ибо народ не нуждался покамест в большем, имея свободу и данную ему землю. После тяжких страданий было это уже великим и бесценным для него счастьем. А если и ждал передачи ему земли, то другими путями — теми, в которые он верил: из рук царя.

«Мужицкая правда» ни в коем случае не могла достичь своей цели — и народ своим сердцем и всем своим положением понял это. Эта газета гораздо большее впечатление производила в противоположном направлении, т. е. на самих помещиков.

Однако для тех, кто ясно наметил дорогу в будущее путем труда для обогащения края гражданами, любящими свою родину и призванными из новой среды, пробужденной к жизни, поражение заключалось в самой основе их работы. Эта пропаганда, проводившаяся горячими и благородными сердцами, создала из своих членов пирамиду, построенную не из одного и того же материала. Различные побуждения направляли их деятельность, не всегда брала верх любовь к родине, но и материальный фактор нередко был только стимулом, а в дальнейшем и в верхах политика края не была основана на национальной чести и гордости.

Это общество, состоящее из людей различных оттенков, лишало свободы действий и парализовало самое себя и должно было рухнуть, не принеся плодов, не оставив и следа после себя. Имелись, однако, в нем и справедливые идеи, которые будут жить в будущем и которые заключают в себе самые жизненные потребности края.

Программа [8], поставленная перед шляхтой, отражала в себе этот разнородный состав общества и не представляла собой стройного целого — она лишь содержала отдельные, не соединенные друг с другом начала, ведущие к тому же свое происхождение из различных источников. Членов этой партии звали «легалистами» или «белыми» [9],

чтобы отличить их от «красных» — тех, которые принадлежали к организации движения. Легальность, т. е. война с русскими на законной почве или на почве от них же получаемых милостей, была главной основой этой партии. Из этого определения видна вся нелогичность предприятия. Они требовали, однако, уступок от правительства, заявив ему о своих нуждах, хотя никаких уступок и не получали. Просьбу, поданную по вопросу о Виленском университете, царь отослал обратно нераспечатанной. Кредитные общества после долгих дебатов и съездов не были утверждены правительством. Земледельческое общество не имело права учреждать отделения за пределами одной губернии, а вследствие этого, по недостатку средств на основание образцовых хозяйств и на покрытие расходов общества, также пришло в упадок. Исходя из этой легальности, предъявление требований к правительству было поставлено в программе, как основа для открытого и публичного заявления перед русским правительством мнений, имеющих своей целью защищать местные права, как права, принадлежащие польской провинции, и не отрекаться от имени поляка!

Эти два пункта программы — подача раболепных легальных просьб царю и заявление мнений не заискивающих перед правительством поляков не могли бы войти в программу партии, имевшей определенный и самостоятельный характер,— по-видимому, в этой партии были оттенки и фракции. Достойно сожаления то, что люди, хорошо понимающие нужды края, позволили вовлечь себя в этот омут и хаос!..

После затянувшегося на несколько недель моего пребывания в деревне я поехал по личным делам в Вильно. Случайно во время обеда в гостинице я встретился с тем варшавянином, с которым познакомился в Бирштанах. Это был Нестор Дюлеран, полномочный комиссар Комитета движения на Литве. Он с полной откровенностью повел со мной разговор, изложил требования Комитета, его цели и ту работу, которую предстояло выполнить, дал мне четкие указания относительно тех действий, которые намечено было провести в будущем, и вновь заверил меня, что Комитет не выйдет за пределы своей программы до тех пор, пока вся страна не станет достаточно сильной, опираясь на участие всего народа.

Опираться на народ — это полностью соответствовало моим взглядам, ибо где же сила, если не в этих миллионах? Трудиться на этой ниве — это было моей единствен-

ной мечтой, единственным стремлением. Вся остальная деятельность была, бесспорно, хороша — всякие общества, создававшиеся легалистами, были необходимы для края, но они не оказывали непосредственного воздействия на народ, не побуждали его ни к мыслям, ни к представлениям, соответствующим нуждам угнетенной Польши, действовали на поверхности, не воспламеняя те слои народа, которые оставались мертвыми и не затронутыми никакими порывами национального духа. По моему тогдашнему мнению, опора в работе на совместные действия всего народа была наилучшим разрешением вопроса. Найти товарищей по работе — это было для меня настоящим благодеянием.

Я согласился с заверениями и указаниями полномочного комиссара и поверил им.

Для вступления в общество требовались, однако, новые формальности — надо было дать присягу, которая предусматривала безоговорочное подчинение Комитету движения. Я принес присягу по той форме, которую мне дали прочесть. Нестор принял эту присягу в присутствии еще одного свидетеля, которым был Эдмунд Вериго.

После того как обряд принесения присяги был закончен — это было в доме графини Плятер (он был расположен напротив дворца Назимова), где проживал Дюлеран,— мы разговорились о текущих делах. Тогда именно я узнал, что Людвик Звеждовский просил освободить его от присяги, напуганный Назимовым в связи с какими-то слухами, переехал в Москву и полностью отошел от заговора [10]. Все первоначальное общество, таким образом, распалось. Я обратил внимание Дюлерана на редакцию «Мужицкой правды», с которой он, как я думал, поддерживал связь, обратил его внимание на так непродуманно провозглашавшиеся и никуда не ведущие принципы. Я посоветовал, чтобы пропаганда велась путем показа истинных притеснений и их источников. Дюлеран, казалось, разделял мое мнение, но тогда он, как я узнал позже, не имел никакого отношения к этой газете.

На мой вопрос о том, в какой срок мы рассчитываем осуществить наш план, он ответил мне, что для подготовки всего требуется несколько лет. Тогда я составил план распределения и организации всех этих работ, предложил пригласить для этого людей, которых я ему укажу и на которых можно полагаться. Он согласился на все и поручил мне выполнить это, рекомендовав к назначенному времени быть в Вильно.

Опять я взялся, таким образом, за работу, но твердо решил не делать ни шагу в сторону с того пути, на который я вступил и который обеспечен программой Комитета движения, руководствующегося лозунгом: «Восстание, рассчитанное на то, что оно увенчается успехом».

Сейчас, после стольких поражений и кровавых жертв, в изгнании, на краю Европы, в убогой каморке, подавленный бременем бедствий и недугов, когда я припоминаю те минуты самоотверженной и благородной работы, луч того времени, кажется, начинает светить и проясняет удрученное заботами чело. Чудесные то были минуты надежды, жизнь ключом била в измученном крае, как будто тепло в застывшем теле согревало холодное сердце, весь свет казался преображенным, все было окружено покровом блаженного счастья. Разве могли люди, живущие в этом призрачном свете, смотреть на мир глазами правды? Разве могли остаться люди на путях скорбной действительности, разве мощный поток не уносил их в мир грез и иллюзий? Не знаю, были ли такие люди, несгибаемые и непобедимые, но трудная это была борьба. Те, которые, казалось, оставались такими, были двуличные люди или такие, для которых свободная и счастливая родина никогда не была идеалом, к которому они стремились.

...Общества или партии начинали приобретать все более определенные очертания, вступали в борьбу между собой. Для одних дело было в средствах, а не в основополагающих принципах. Легалисты, на которых нажимала организация движения, или молодежь, как они ее называли, не сходились друг с другом в основном и не были в состоянии принять какие-либо решительные или сильно действующие меры. Фракции, формировавшиеся в столь разнородном по своим принципам составе, должны были размежеваться и стать самостоятельными организациями. Предводитель дворянства Домейко, который из всех легалистов больше всего пресмыкался перед русским правительством, был слишком разительной фигурой для той эпохи — само дворянство путем сбора подписей отстранило его от обязанностей предводителя и порвало с ним все отношения [11].

Тем самым легалисты вступали на путь, который уже не отвечал основам принятой ими программы. Однако они не хотели решительно встать на другой по своему характеру путь развития; неуклонно придерживаясь принципа легальной оппозиции по отношению к правительству, при котором закон не имеет значения, они не могли сделать ни

малейшего шага ни в вопросах, касающихся внутреннего строя, ни в области внешней политики. Пребывая, однако, в состоянии смятения и замешательства, они не замечали или недооценивали активности организации движения, которая прямолинейно стремилась к ближайшей цели, всей значимости которой легалисты не сумели ни понять, ни оценить. Это злосчастное ослепление было одним из величайших бедствий для края.

Не удалось также отстранить Домейко от обязанностей предводителя дворянства, так как русское правительство оставило его; часть шляхты по-прежнему не хотела его признавать и к защите своих нужд и интересов привлекла другого чиновника — им был Александр Оскерко, губернский посредник [12].

В более нетерпеливой фракции легалистов [13] среди тех, которые очутились в ложном положении, так как не могли называть себя легалистами, конспиративная работа шла почти открыто и у всех на виду. Люди обманывали себя, считая, что таким образом — стоя и почти не двигаясь с места — они добьются своей цели. Комитет, руководивший действиями этой фракции, был избран — в него включили назначенных незадолго до этого посредников по крестьянским делам, членов городской управы, ксендзов. Они создали нечто напоминающее организацию — на первый взгляд казалось, что они что-то делают, над чем-то работают. В действительности же та совершенно недвусмысленная позиция, которую они хотели занять в отношении захватнического правительства и к которой полностью никогда не могли прийти без риска подвергнуть себя преследованиям, не могла иметь ни того влияния, ни той гибкости, какими обладала тайная организация, в конце концов оставившая их далеко позади, хотя у нее не имелось ни хоть сколько-нибудь значительных повстанческих кадров, ни необходимых материалов, ни силы, ни денежных средств. Эти люди, располагая всеми материальными и моральными средствами, пользуясь авторитетом и всеобщим уважением, растеряли все это в результате своего незнакомства с общественными условиями, недостатка решительности и твердого характера, а, в конце концов, и по своему поистине преступному легкомыслию.

После возвращения домой я связался с Антонием Залеским, предложил ему войти в организацию движения и сказал, что я верю в успешность нашей работы при условии, если мы будем неуклонно и решительно придерживаться первой программы, которая намечала использова-

ние всех средств, прежде чем дело дойдет до борьбы. Антоний З[алеский] согласился, мы вместе с ним вернулись в Вильно, где после вызова представителей других воеводств состоялось совещание, на котором мы должны были установить порядок дня и одновременно определить наше отношение к Комитету движения в Варшаве [14].

На этом совещании от Вильно присутствовали Эдмунд Вериго и Зыгмунт Чехович.

От Виленского воеводства — Антоний Залеский и я.

От Гродненского воеводства — Константин Калиновский.

От Минского воеводства — доктор Чекатовский и Заблоцкий [15].

От Ковенского воеводства — от этого последнего воеводства позже прибыл Сволькен.

От Комитета движения — Нестор Дюлеран [16].

Мы уже с самого начала видели, что наши ресурсы так малы, что мы должны бороться с такими различными элементами, что казалось невозможным приступить к какой бы то ни было работе. Да и понимание нужд края было так различно, что мы не могли понять друг друга. Калиновский возражал против всего, никому не дав говорить, поэтому мы его попросили, чтобы он разрешил нам сначала договориться между собой, а потом уже с ним вместе. Он согласился и ушел с заседания. Но и здесь вопрос не был поставлен четко — одни считали, что мы должны сразу, без подготовки, поднять восстание, другие же — что первым делом следует подсчитать резервы и накопить силы. На первый взгляд казалось бы, что нелогично говорить о накоплении сил, ибо как же начинать восстание без людей, но, в сущности, мы исходили из разных точек зрения относительно того, какой размер должно принять накопление средств. Одни попросту хотели дворянско-мещанского восстания; Калиновский, как хлопоман, был всегда с народом. Я же понимал дело так, что следует строго придерживаться программы Комитета и призвать к восстанию всю нацию. Моя точка зрения принципиально была близка позиции Калиновского, но мы были разного мнения относительно средств: я хотел вызвать и использовать силы путем пропаганды в национальном духе, он же собирался воспользоваться любым социальным стимулом для того, чтобы вызвать волнения, не утруждая себя сейчас заботой о том, к каким это приведет последствиям. Все мнения, однако, высказывались в неопределенной форме, никто не был в состоянии охватить и понять

такую большую задачу; только теперь, издалека, хорошенько поразмыслив о том, что было, можно заметить, что каждый из нас руководствовался, скорее, инстинктом или опирался в своих взглядах больше на впечатления собственной жизни, чем на всю совокупность проблем национального вопроса. Хотя вначале и нельзя было заметить этого раздвоения, но, по сути дела, мы не были связаны необходимым согласием и единством во взглядах, в своей работе не исходили из одних и тех же начал, несмотря на то что цель была одна и та же.

Константин Калиновский [17], имея за плечами опыт общения с народом, искал в страданиях подневольного рабства ту силу, которая сможет поднять народ на восстание, сделав его рыцарем, сражающимся во имя попранных человеческих прав. Он ощущал биение этого пульса в крестьянах всей Польши. Он намеревался действовать в этом направлении, и именно на этот исходный пункт для действий он и указывал... «Мужицкая правда», хотя и несколько измененная, не вызвала никаких последствий, как я уже говорил.

Эдмунд Вериго [18], горожанин, считал, что этот слой народа, объединенный со шляхтой, является достаточной силой, а Антоний Залеский, шляхтич, верил в то, что шляхта примет горячее и мощное участие в восстании. Зыгмунт же Чехович [19] не верил в какое бы то ни было руководство или работу, основанную на программе, он оставлял это на долю слепого случая. «Мы находимся в маленькой лодке среди огромной бури,— говорил он,— разные элементы не смогут примириться друг с другом». Что же касается меня, то я решительно стоял за ту работу, которая была намечена программой, требовал ее выполнения, считал неправильным порывать с тем, в направлении чего мы еще не сделали ни одного шага; если идея программы — это завоевание независимости общими силами, то нужно, чтобы весь народ проникся этой идеей и поверил в собственные силы [20].

Руководство организацией в соответствии с программой являлось залогом того, что она будет осуществлена. Надо было вступить на путь пропаганды различными возможными средствами, пропитать этой идеей глубочайшие общественные слои и не начинать восстания, прежде чем пропаганда не даст должного результата.

Поэтому я все пункты программы или первого воззвания Комитета движения постоянно поддерживал и тогда,

когда Дюлеран внес предложение о полном и безоговорочном подчинении Комитету движения, что поддержало абсолютное большинство[21]. Эдмунд Вериго, Чекатовский энергично возражали против этого. На этом заседании по предложению Дюлерана была утверждена печать литовской организации с надписью «Мужество. Благоразумие».

На другой день состоялось заседание с целью избрать Литовский провинциальный комитет, в состав которого вошли Зыгмунт Чехович, Эдмунд Вериго, Константин Калиновский, Ян Козелл (из прежнего Комитета Звеждовского) и начальник города Вильно... Мы с Антонием Залеским вернулись в деревню, но вскоре получили назначение, я — помощником воеводского, которого вообще не было, а Антоний Залеский — начальником округа Трокского уезда.

Но по мере роста тайной организации движения все сильнее давали себя чувствовать разногласия между этой организацией и легалистами. Обе партии постоянно пикировались друг с другом, не раз какая-нибудь благоразумная мысль, если только она исходила из вражеского лагеря, с презрением трактовалась другой партией. Ожесточение, как я это назвал бы, дошло до такой степени, что считалось правильным, когда назло друг другу принимались различные решения.

В состав Литовского комитета движения вошел, помимо выше упомянутых членов, г. Бонольди, как начальник гор. Вильно.

Вериго, который опирался на городской элемент, должен был идти с ним прямо по пути скорого восстания, ибо этот элемент не требовал ни подготовки, ни выжидания. Чехович был фаталистом. Козелл (позже «Скала»), русский инженер в отставке, забавлялся ролью крайнего революционера, ему не нужно было оружия, ибо «в руках революционера и горшок страшное оружие». Он громко разглагольствовал о сражениях (по всей вероятности, горшечных) и о стратегических пунктах. Бонольди, прибывший из Италии, был человеком, который не знал нужд края и мог судить о нем только пристрастно и ошибочно.

По составу Комитета мы видим, что Вериго имел полную возможность доминировать со своими принципами — они соответствовали духу Комитета движения в Варшаве, который, по-видимому, вступал на тот же путь.

Политика Комитета движения и Литовского провинциального комитета начинала становиться все более ясной, задача связывалась с более точным сроком, понемногу

дело шло к «восстанию без народа», однако в скором, очень скором времени.

Комитет движения явно сходил с того пути, который был им самим установлен в программе, и брал на себя обязательства перед лицом всей нации.

Прямо противоположных взглядов придерживались легалисты, во главе которых стояли гг. Александр Оскерко [22], Антоний Еленский [23] и Францишек Далевский [24]. Первые двое, богатые люди, как помещики, были многими очень уважаемы за свои добродетели и любовь к краю. Третий же — сибирский изгнанник, пробывший 9 лет на каторге за [18] 48-й год, вернулся в край без средств и капиталов, человек очень благородный, с характером твердым и несгибаемым. Избавление для края он видел в его прогрессивном развитии, этой цели должны были посвятить себя все честные люди, на данный же момент он не видел ни силы, ни тех элементов, которые были необходимы для успешного восстания. По его мнению, лишь будущее поколение, пожалуй, сможет воспользоваться той работой, которую мы должны выполнить самозабвенно и со всей самоотверженностью...

Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг. С. 199—210.

[1] Воспоминания члена повстанческой организации Виленской губернии Ежи Игнация Кучевского-Порая, написанные в эмиграции и носящие название «Записки Кучевского. 1862 год», дают ценные сведения о деятельности Комитета движения и Литовского провинциального комитета во второй половине 1862 г. Взгляды автора весьма характерны для шляхетских революционеров, представителей правого крыла «красных». Дата написания воспоминаний не установлена. Судя по показаниям его матери Юзефы Кучевской, арестованной в 1865 г. в Вильно за хранение копий антиправительственных сочинений и писем от политических ссыльных, автор до 1861 г. служил на железнодорожной станции Жосли Трокского уезда Виленской губернии, с конца 1861 г., после переезда матери в Вильно, занимался хозяйством в родовом имении Корсаки Трокского уезда. Его брат Эдмунд, отставной подпоручик, был в 1863 г. адъютантом К. Коревы.

[2] В июле 1862 г. Центральный национальный комитет в Варшаве (Е. Кучевский всюду называет его Комитетом движения) сформулировал принципы, ставшие основой программы умеренного крыла партии «красных» в Польше, Литве и Белоруссии. Программа предусматривала постепенную подготовку восстания, «рассссчитанного на успех», обещала всем жителям полную свободу и равенство перед законом, призывала к братству между сословиями, предусматривала в случае победы восстания наделение крестьян землей с уплатой государством компенсации помещикам, однако умалчивала о безземельных крестьянах, о правах крестьян на пользование лесными и пастбищными угодьями и т. д. Половинчатость этой программы, расхождения в вопросе

о сроках восстания вызвали острую борьбу внутри повстанческой организации.

[3] Шестое издание мемуаров польского политического деятеля XVII в. Яна Хрызостома Пасека вышло в Вильно в 1854 г. с гравюрами А. Залеского.

[4] Поездка группы дворян в м. Бирштаны происходила 21 июля 1862 г. (Из записок И. А. Никотина. Спб., 1905. С. 117, а также ЦГИА Литовской ССР, ф. 378, политическое отделение, 1862 г., д. 55).

[5] Это был Нестор Дюлеран. Пребывание Н. Дюлерана в м. Бирштанах в 1862 г. подтверждается показаниями Я. Купсця (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 679, л. 11).

[6] 15(27) июня 1862 г. А. А. Потебня совершил в Варшаве покушение на наместника Царства Польского генерала Лидерса; 21 июня (3 июля) 1862 г. Л. Ярошинский стрелял в великого князя Константина. На следствии выяснилось, что выстрел в Лидерса был произведен из револьвера системы Беккера. Такие револьверы были выданы строго определенному числу офицеров, в том числе Л. Звеждовскому и В. Врублевскому.

[7] Высказывания Е. Кучевского характерны для взглядов шляхетских революционеров, которых пугала и отталкивала последовательная революционно-демократическая позиция К. Калиновского, Л. Звеждовского, А. Мацкявичюса и их единомышленников по крестьянскому вопросу. Отсюда попытки Е. Кучевского преуменьшить значение «Мужицкой правды», широко распространявшейся по Литве и Белоруссии.

[8] Не могу приводить ее дословно, так как не имею ее и не помню подробностей. (Примечание источника).

[9] Речь идет о деятельности «белой» партии в Литве и Белоруссии, возглавлявшейся Я. Гейштором, Ф. Далевским, А. Оскеркой, В. Стаженским и др.

[10] Л. Звеждовский в октябре 1862 г. был переведен из Вильно в Москву в связи с тем, что власти стали подозревать его в нелегальной деятельности. Утверждения Е. Кучевского об отходе Л. Звеждовского от деятельности в революционной организации необоснованны.

[11] Подписи собирались по деревням на обычных листах, которые перевозились от одного помещика к другому или же доставлялись в квартиры ксендзов, куда приглашалась приезжавшая в костел шляхта. Подписанные листы, однако, не охватывали всех, многие отстранились — они-то и составляли партию Домейко. (Примечание источника).

[12] А. Оскерко был членом Виленского губернского по крестьянским делам присутствия.

[13] Речь идет о левом крыле партии «белых» — Я. Гейшторе, Ф. Далевском, А. Оскерке и других.

[14] О создании Литовского провинциального комитета см. также показания О. Авейде от 5 января 1865 г.

[15] Деятельность Э. Заблоцкого в повстанческой организации связана с Гродненской губернией; о его принадлежности к минской организации данных не имеется.

[16] Заседания продолжались несколько дней в доме Даукши на Доминиканской улице. (Примечание источника).

[17] Повешен в Вильне. Среднего роста, голова совершенно круглая, рот необыкновенно широкий. Очень плохой оратор. (Примечание источника).

[18] Одни утверждают, что он умер в тюрьме, другие — что приговорен к каторге. Высокий, брюнет, бледный, учился в Петербургском университете; задумчивое лицо, на низком лбу над носом глубокая морщинка, волосы зачесаны вверх, говорил медленно, слегка в нос, для придания себе большего авторитета, около 26 лет. (Примечание источника).

[19] Умер по пути на каторгу. 30 лет; лицо очень мягкое, но не умное. (Примечание источника).

[20] Литвин говорит, что у русского кулак тверже, чем у него. (Примечание источника).

[21] О взаимоотношениях Литовского провинциального комитета с Центральным национальным комитетом в Варшаве см. показания О. Авейде.

[22] Осужден на каторгу. (Примечание источника).

[23] Умер в глубине России. (Примечание источника).

[24] Осужден на каторжные работы в Сибири на долгий срок. (Примечание источника).

Из воспоминаний А. Н. Мосолова, царского чиновника канцелярии Муравьева

...В конце 1863 г. были сделаны многие важные аресты. По делу обнаружилось, что некто Зданович, кандидат Петербургского университета, сын бывшего профессора Виленского университета, был распорядителем всей хозяйственной и денежной части мятежа. При обыске в доме Здановичей, где-то на заднем дворе, за обыкновенными складами вроде сенника, открыта комната, выходившая единственным окном на пустынный берег Вилейки. Тут были захвачены разные бланки, печати, акты, революционные приказы и проч.

В то же время был арестован прибывший из Варшавы Дормановский, уроженец Познани, молодой человек чрезвычайно изящной наружности, оказавшийся, по общим показаниям, революционным комиссаром Виленской губернии, иначе — губернатором; тот и другой, сознавшись лично в своих замыслах, упорно скрывали все остальное и были казнены в декабре 1863 г., оба в один день. По делу же сделалось известным, что вся революционная власть, бывшая прежде в руках Дюлерана (служившего при виленской станции железной дороги и вовремя скрывшегося), перешла в руки энергичного молодого Калиновского, бывшего до того времени революционным комиссаром в Гродно. Он постоянно менял фамилию и, несмотря на все усилия и депеши из Вильны, не был отыскан. В январе месяце 1864 г. казнен был в Вильне молодой дворя-

нин Тит Далевский, также упорно не сознававшийся в своих преступлениях, и в конфирмации[a] его одним из главных пунктов обвинения было то, что он находился постоянным агентом и рассыльным Калиновского, управлявшего революционным отделом Литвы; но самого Калиновского все еще не было, хотя присутствие его повсюду ощущалось...

В числе лиц, с которыми имел дело полковник Лосев, оказался один молодой человек, наиболее посвященный во все тайны главных деятелей мятежа. Полковник Лосев понял это, обещал исходатайствовать ему помилование и воспользовался его открытиями. Молодой организатор этот обнаружил не только главных двигателей мятежа и все перемены, происходившие в их составе, но и самое местопребывание Калиновского, с которым он был в ближайших сношениях. Шифрованная телеграмма с уведомлением об этом получена была в Вильне в 9 час. вечера; в ней были описаны приметы Калиновского и сказано, что он проживает с фальшивым паспортом гродненского дворянина Витольда Витоженца в Святоянских мурах. Это последнее обстоятельство было несколько темно, так как под этим названием подразумевались все здания, принадлежавшие некогда костелу Св. Яна, занимающие почти целый квартал и выходящие одной стороной ко дворцу. В обширных зданиях, принадлежавших некогда Иезуитской коллегии, а впоследствии университету, находятся: гимназия, музей древностей, центральный архив, обсерватория, множество квартир для служащих и даже отдаются частные квартиры. Содержание телеграммы было сохранено в глубочайшей тайне. Полицмейстеру было поручено лично справиться в книгах (только что приведенных к Новому году в порядок) о точном адресе Витоженца и, как всегда бывает при поспешности, имя его ускользнуло при рассмотрении книг, хотя и было в них внесено. Пришлось снова сделать огромный обыск и оцепить весь Святоянский квартал, для чего понадобились две роты солдат, разделенные на 10 партий, при офицерах полиции и особых чиновниках. Имя лица, которое следовало арестовать, было им объявлено лишь ночью перед самым обыском.

Калиновский нанимал уже другой месяц комнату в квартире одного учителя гимназии, уехавшего куда-то

[a] Здесь: в судебном приговоре.

в отпуск. Его застали на площадке лестницы со свечою в руке, и, когда спросили фамилию, он самоуверенно отвечал: «Витоженец» — и в ту же минуту был задержан...

Доминиканская комиссия, перешедшая в конце 1863 г. под председательство полковника Шелгунова, о котором я упоминал, говоря об образовании комиссии, и который, подобно полковнику Лосеву, отличался терпением, устойчивостью в занятиях и проницательностью, деятельно работала в конце 1863 г. над раскрытием организации. С начала открытий, сообщенных из Минска Лосевым, и с арестом Калиновского она получила особый интерес. Генерал-губернатор, интересовавшийся ходом дела в высшей степени, постоянно посылал туда чиновников своих. Первый день Калиновский лишь кусал себе губы, неохотно даже отвечал на вопросы; но к вечеру не выдержал и объявил свое настоящее имя. Несмотря на все усилия членов комиссии, им не удалось исторгнуть от Калиновского подробного показания о личностях, составляющих революционную организацию края. Он, однако, откровенно сознался, что был распорядителем жонда во всем крае, и, как видно из показаний других лиц, он умел поддержать падающий революционный дух польского населения. Помещики его страшились, он свободно разъезжал между ними, воодушевлял нерешительных и запугивал слабых. Калиновский был лет 26, крепкого сложения и с лицом жестким и выразительным, короткие русые волосы были зачесаны назад; таким я видел его в тюрьме за несколько дней до казни. Ему дали перо и бумагу и позволили свободно излагать свои мысли. Он написал отличным русским языком довольно любопытное рассуждение об отношениях русской власти к польскому населению Западного края, в котором, между прочим, высказывал мысль о непрочности настоящих правительственных действий и полное презрение к русским чиновникам, прибывшим в край. Калиновский сознавал, что с его арестом мятеж неминуемо угаснет, но что правительство не сумеет воспользоваться приобретенными выгодами.

Казнь Калиновского совершилась уже в марте или в конце февраля 1864 г. и была едва ли не последнею в Вильне.

Было ясное холодное утро; Калиновский шел на казнь смело; придя на площадь, он встал прямо лицом к виселице и лишь по временам кидал взоры в далекую толпу. Когда ему читали конфирмацию, он стал было делать за-

мечания, так, например, когда назвали его имя: дворянин Викентий Калиновский, он воскликнул: «У нас нет дворян, все равны!»

Мосолов А. Н. Виленские очерки. 1863—1865 гг. Спб., 1898. С. 118—127.

Из записок И. А. Никотина [1]

Собранные к концу 1863 года из следственных политических дел данные ясно указывали, что целый Северо-Западный край обвит был неразрывною сетью искусно веденного подпольного заговора, центр которого тяготел в Вильне и Минске. Неутомимо следивший за ходом политических следствий главный начальник края М. Н. Муравьев командировал в Минск 3 января 1864 г. жандармского полковника А. М. Лосева, возложив на его ответственность открыть во что бы то ни стало укрывавшихся главных коноводов мятежа. Выбор, как оказалось, сделан был самый удачный. Несколько дней спустя по приезде в Минск полковника Лосева полный успех увенчал его старания по исполнению возложенного на него весьма трудного и важного для спокойствия края поручения. От него получена была шифрованная телеграмма, извещавшая М. Н. Муравьева, что в Вильне скрывается весьма важный политический преступник Калиновский. Вечером того же дня по выходе из кабинета главного начальника края виленский полицмейстер М. А. Саранчев, подошедши ко мне, спросил меня своим ровным тихим голосом:

— Не знаете ли вы здесь какого-нибудь Калиновского? Ведь вы старожил здешний.

— Как не знать,— ответил я ему,— а вам зачем это понадобилось?

— Получил приказание главного начальника края навести по этому предмету под рукою справку.

— На двоих Калиновских я вам могу указать: один был директором здешнего дворянского института, а другой сначала служил приказчиком в магазине, а в настоящее время торгует суконным товаром в доме Познанского; помнится мне, что еще был какой-то ремесленник Калиновский, но про него ничего положительного сообщить вам не могу.

Записавши в свою памятную книжку сообщенные ему мною сведения, полицмейстер, пожелав всем нам присутствовавшим покойной ночи, отправился из дворца на ноч-

ную работу. Обыски в то ужасное время производились чуть не ежедневно по целому городу одновременно ночью в нескольких местах, так как открытия по подпольной организации следовали за открытиями. Но главный коновод мятежа, скрывавшийся в Вильне, несмотря на принятые меры, ускользал от всех розысков полиции. Дня чрез два после описанной мною сцены снова получена была из Минска от полковника Лосева телеграмма, сообщавшая, что «Калиновский под именем Витоженца проживает в Святоянских мурах, то есть в строениях, занимающих целый квартал и принадлежавших прежде иезуитам, в которых помещался Виленский университет, а в настоящее время занятых гимназиею и разными другими учреждениями». Это обстоятельство крайне усложняло успех обыска; но так как с июня месяца, по распоряжению М. Н. Муравьева, заведены были не только в Вильне, а и по всему краю домовые книги, в которые записывались по квартирам все проживавшие в домах лица, и таблицы о жильцах обязательно вывешивались при воротах каждого дома, поэтому хотя по полученному сведению и можно было найти отыскиваемую личность, если она действительно там проживала, все-таки для пресечения Калиновскому возможности скрыться на обыски были назначены две роты солдат при десяти полицейских офицерах и особо командированных туда же нескольких лицах.

Весь квартал был оцеплен около полуночи с приказанием никого не выпускать из ворот, и затем начались обыски в разных квартирах. Той партии, которой досталось производство обыска в помещениях, где жили учителя, посчастливилось вскоре захватить и скрывавшегося коновода мятежа. Он, как оказалось, проживал в правом флигеле, внизу. Когда прибывшие для обыска лица постучали в дверь, ее отворил какой-то молодой человек, со свечою в руках. На вопрос полицейского офицера, кто он таков, последовал ответ:

— Витольд Витоженец...

— Вас-то нам и нужно; вы арестовываетесь...

Тотчас же после этого распоряжения приступили к обыску занятого им жилища и к опечатанию всех найденных там бумаг. В одном из березовых поленьев, лежавших при печке, открыт был тайник, в котором хранились революционная печать и другие компрометирующие арестанта документы.

Политический преступник вместе со всем найденным у него при обыске тотчас же препровожден был под силь-

ным конвоем в Доминиканскую тюрьму, где работала следственная комиссия, в которой состояли генерал Соболевский, полковник Шелгунов и другие лица...

Когда Калиновский подвергнут был на другой день допросу, то с полным озлоблением стал отрицать все возведенные на него тяжкие обвинения, добытые следствием полковника Лосева в Минске и произведенным обыском. Наконец после несколькочасового запирательства арестант, признавая себя Калиновским, добавил: «Одному только лицу открыл я настоящее свое имя — и попался».

Сознавшись затем, что он был главным представителем Народного жонда в целом крае, Калиновский отказался дать объяснения следственной комиссии о подпольной организации... Никакие затем увещания и обещания не могли поколебать упорства этого крамольника, которому было тогда всего 26 лет. По приговору полевого суда Калиновский был повешен на Лукишках, несколько дней спустя...

Я не решился пойти посмотреть на это потрясающее зрелище, но там бывшие рассказывали, что Калиновский был блондин, с резкими, хотя и довольно выразительными, чертами лица; шел на казнь смелою поступью, стал прямо к виселице и при чтении приговора, где он назван был дворянином, громко произнес: «Дворян нет, мы все равны». Внутреннее его волнение пробивалось наружу только в том, что он как бы машинально обводил окружающую его толпу глазами, а может быть, он отыскивал там кого-либо из своих сотоварищей, желая дать ему понять каким-нибудь знаком, что тайну о них несет он с собою в могилу...

Русская старина. 1904. Июль. С. 117—119.

[1] Никотин И. А.— штатный чиновник особых поручений при виленском генерал-губернаторе; во время восстания 1863—1864 гг. неоднократно выполнял поручения М. Н. Муравьева. С 1868 года — минский губернатор. «Записки» Никотина были опубликованы уже после его смерти в журнале «Русская старина», а в 1905 году вышли отдельной книгой.

Из «Истории восстания польского народа в 1861—1864 гг.» А. Гиллера [1]

Итак, восстание в Литве было подготовлено в немногих населенных пунктах, между которыми Белосток занимал одно из первых мест. Здесь действовала подпольная типография, в которой печатали газеты для народа... по-белорусски; молодежь их распространяла в провинции, читала в хатах и корчмах. Дух свободы рос у белорусских кресть-

ян, и нужно было только время, чтобы они созрели для самостоятельного выступления. Эта тайная типография была первой белорусской типографией, а подпольные газеты первыми периодическими белорусскими изданиями...

Редактором этих газет был Константин Калиновский — один из самых благородных мужей Литвы, человек безграничного самопожертвования, честности, разума и энергии. Личность выдающаяся, достойная стоять рядом с Сигизмундом Сераковским, Людвигом Нарбутом и Мацкевичем в памяти народной.

Константин Калиновский — это главный, наиболее деятельный из всех организаторов восстания на Литве. Он входил в состав Литовского комитета, затем был комиссаром Литвы... Имел удивительную способность действовать спокойно, осмотрительно, осторожно. Всюду разъезжал, неуловимый жандармами, изменяя свою внешность в зависимости от обстоятельств. Находясь в Белостоке для поддержания распоряжений Духинского и доставки ему средств, проникал всюду, ничем не выделяясь из толпы, под видом служащего уездного суда. Это был великий патриот и великий характер... Его смерть произвела огромное впечатление смелостью и верой в будущее... высказанной при исполнении приговора под виселицей.

Giller A. Historia powstania narodu polskego w 1861—1864 r. Paryż, 1867. T. 1. S. 176—177.

[1] Гиллер Агатон (1831—1887) — польский историк, политический деятель, член Народного правительства в восстании 1863 г. В конце сентября 1862 г. вместе с З. Падлевским участвовал в лондонских переговорах с А. И. Герценом, в ходе которых обсуждались программа и сроки восстания. Сторонник «классового мира» и совместной деятельности всех классов и слоев в национально-освободительном движении, после поражения восстания — в эмиграции. В 1867—1870 гг. находился во Франции. В своем главном труде «История восстания польского народа в 1861—1864 гг.» А. Гиллер подверг критике сторонников социальной революции. Вместе с тем работа содержит ряд ценных сведений. В ней опубликованы «Письма из-под виселицы» К. Калиновского.

Из «Памятки для польских семей» З. Колюмны [1]

Калиновский Константин, родом из Гродненской губернии, возраста 27—28 лет, закончил Петербургский университет со степенью кандидата права. После окончания учебы возвратился в свою губернию, желая с наибольшей пользой трудиться на благо общества; осознав его движу-

щую силу, решил полностью отречься от личной карьеры и занял должность волостного писаря, для того чтобы иметь большую возможность сблизиться с народом и просвещать его. Как опытный член патриотического кружка, к которому принадлежал на протяжении нескольких лет, принимал активное участие в народных манифестациях 1861 года. В 1862 г. вошел в состав организации, созданной Центральным комитетом в Гродненской губернии, и вскоре занял в ней такое положение, что, как представитель целой губернии, был приглашен в Вильно с целью учреждения по наказу Центрального комитета провинциальной власти [в Литве].

С этого времени начинается его необычайно активная деятельность, в такой степени снискавшая ему всеобщее признание, что высшие власти назначили его в сентябре 1862 г. членом Литовского провинциального комитета. На этой должности он оставался до 15 либо 20 февраля 1863 г., работая с необычайной энергией; [после совершенного белыми переворота] учитывая, однако, его особую популярность в Гродненской губернии, был назначен «Отделом, управляющим провинциями Литвы» полномочным комиссаром вышеназванной губернии.

Его горячее самопожертвование, неутомимая деятельность и необычная гражданская отвага вновь выдвинули его около 15 июля на должность члена Исполнительного отдела Литвы. С удивительной целеустремленностью исполнял он свои обязанности, а когда уже никаким другим способом укрываться не мог, переодевался в мужицкую свитку, чтобы таким способом ускользнуть от разыскивающей его полиции.

Накопец в марте месяце 1864 г. был схвачен и осужден военно-полевым судом на смертную казнь через повешение. Приговор был исполнен 22 марта в Вильно.

Pamiętka dla Rodzin Polskich. Krotkie wiadomości biograficzne Z. Kolumna. Kraków, 1868. S. 70.

[1] Зыгмунт Колюмна — псевдоним участника восстания 1863 года Александра Навалецкого. Это первая опубликованная биографическая справка о Калиновском.

Из «Истории восстания польского народа 1863—1864 гг.» Б. Лимановского [1]

...Горсточка молодежи, всей душой преданная делу свободы своего народа, поддерживала Исполнительный отдел Литвы... Под падающими на нее ударами Муравьева она

непрерывно уменьшалась. На Лукишках в Вильно 2 января 1864 г. повесили Игнатия Здановича, сына профессора истории, и Мечислава Дормановского [2], уроженца великого княжества Познанского.

У руководства восстанием остался один Константин Калиновский, он держал в своих руках все нити организации и функции целого отдела исполнял сам. Его называли диктатором Литвы, и он им действительно был, только диктатором моральным среди немногочисленных — это правда — отрядов храбрецов, которые не утратили еще веры в успех народного дела. Жил он в Вильно по паспорту Витоженца. Жандармы, побуждаемые Муравьевым, искали его непрерывно. Напали даже на его след, когда арестовали Титуса Далевского, контактировавшего с ним непосредственно, однако не сумев у него ничего выпытать, повесили его...

Наконец жандарм Лосев склонил в Минске к предательству одного из членов революционной организации. Стало известно, что Калиновский проживает в Святоянских мурах, хотя точно и не знали, где именно, так как Святоянские муры занимали значительное пространство; в связи с этим выслано две роты солдат, которые вместе с полицией окружили весь этот район. Когда в заточении Калиновскому дали перо и бумагу, он с полной откровенностью изложил свое мнение о современной власти. Не скрывал своего презрения к негодному правительству и его чиновникам... 10 марта 1864 г. был исполнен в Вильно смертный приговор над Калиновским...

Мы слишком мало знаем о Калиновском, в то же время эта прекрасная и благородная личность заслуживает отдельной монографии. Сын мелкопоместного шляхтича, ткача из-под Свислочи, после окончания гимназии в Литве поступил в Московский университет [3], где стал настоящим апостолом — так его называли друзья — демократически-патриотических взглядов. Готовый всегда поделиться последним куском хлеба с каждым земляком, встать на защиту интересов своих друзей, в землячестве он пользовался большой любовью и уважением. Исключенный из Московского университета за распространение запрещенной литературы, взяв при этом чужую вину на себя, он переехал в Петербург, где окончил университет со степенью кандидата и получил место в Публичной библиотеке. В Петербурге Калиновский благодаря Сераковскому и Домбровскому сблизился с русскими революционерами. Ратч называл его учеником коммунистической литературы... Демокра-

тического общества и федеративных идей «Колокола» и был в этом несомненно прав, так как Калиновский являлся сторонником общественных принципов, сформулированных Ворцелем [4], признанных Лелевелем [5], развитых Герценом...

Limanowski B. Historia powstania narodu polskego 1863—1864 r. Lwow, 1909. S. 446—448.

[1] Лимановский Болеслав (1835—1935) — польский общественный деятель, историк. Учился в Московском и Дерптском университетах. В 1861 году за организацию антиправительственной демонстрации в Вильно выслан в Архангельскую, а затем Воронежскую губернии (до 1868 года). В конце 1870 года поселился во Львове, где окончил университет. В Галиции установил связь с первыми социалистическими кружками. С 1878 года в эмиграции, главным образом в Женеве, где вошел в социалистическую группу «Рувность»; в 1881 году основал организацию «Люд польский», положившую начало социал-патриотическому движению в польском рабочем движении.

Идеолог, один из основателей Польской социалистической партии. В 1907 году вернулся из эмиграции. Лимановский — один из первых исследователей истории польского национально-освободительного движения XIX века.

[2] Следственная комиссия рассматривала первого как кассира Литовского отдела, а второго как революционного комиссара Виленской губернии. (Примечание источника).

[3] Пребывание К. Калиновского в Московском университете пока не подтверждается документальными данными.

[4] Ворцель Станислав Габриель (1799—1857) — польский революционный демократ, социалист-утопист. Участник польского восстания 1830—1831 гг. Ворцель — идеолог левого крыла эмиграции. В 1835 году был одним из организаторов первого польского революционно-демократического общества «Люд польский». Дружил с А. И. Герценом, которому оказал помощь в создании первой вольной русской типографии.

[5] Лелевель Иоахим (1786—1861) — польский историк и общественный деятель.

Из «Истории двух лет» В. Пшиборовского [1]

...В Вильно был основан красный Литовский комитет, в который входили вышеупомянутый капитан русского генерального штаба Людвик Звеждовский, Франтишек Далевский, чиновник Варшавско-Петербургской железной дороги Малаховский, Эдмунд Вериго, доктор Длуский, некогда на Кавказе служивший, и Константин Калиновский, сын ткача из-под Свислочи, со временем истинный диктатор Литвы, чрезвычайно активный и энергичный, красный по взглядам, большой энтузиаст, одна из значительного

числа личностей, которые, подобно метеору, промелькнули на хмуром небе восстания, оставив после себя слабый и быстро гаснущий след. Большинство из членов Комитета заплатило жизнью за свои идеи и сумело героически умереть за них. Теперь, однако, они высказывали свои стремления к сепаратизму, хотели полной свободы своей власти, только слабыми нитями связанной с Центральным варшавским комитетом. Этот последний не очень охотно, но, не имея другого выбора, уступал, хотя деятельность Виленского комитета была очень ограничена и он в основном занимался распространением организации, которая, как уже упоминалось, в Литве шла с трудом. Калиновский, впрочем, проникшийся идеями красной демократии, пытался организацию ограничить только крестьянским людом, не заботясь о других прослойках и открыто заявляя, что только мужик может поднять на своих сильных плечах будущую Польшу. Со своими демагогическими устремлениями, он не хотел никакой шляхетской организации, напротив, высказывался, что «топор не должен задерживаться даже над колыбелью шляхетского ребенка». При этом он был одним из главных сторонников и популяризаторов сепаратистских литовских устремлений и неоднократно высказывался на своем ярко народном языке, что «глупым варшавским головам нельзя доверять судьбы Литвы». По этой причине эта организация была очень слабой и очень свободно распадалась, потому что литовский мужик неохотно в нее вступал и вообще не понимал, чего от него хотят. Напрасно Калиновский, одетый в сермягу литовского крестьянина и обутый в лыковые лапти, бродил от деревни к деревне, от корчмы к корчме и пропагандировал идеи полной передачи земли крестьянам, те слушали его покорно, но к действию не очень стремились. Звеждовский-старший, более опытный, а потому более умеренный, не питал почти никаких иллюзий на то, что литовский народ можно побудить к вооруженной борьбе за независимость Польши, и в предстоящей борьбе за эту независимость рассчитывал только на шляхту, которую Калиновский хотел полностью уничтожить. Таким образом, между этими двумя членами Комитета возникали непрерывные споры, которые, как всякие политические споры, накалялись все сильнее и из-за этого парализовали заговор изнутри. Когда наконец Звеждовский, из-за подозрений царских властей за участие в заговоре вынужден был выехать в Москву, Калиновский стал хозяином положения, и хоть немного мог сделать, потому что не было возможностей, одна-

ко с неугасающей энергией спорил с «глупыми варшавскими головами» о полной автономии Литвы. Против такой точки зрения возражал Нестор Дюлеран, выходец из французской семьи, родившийся в Варшаве, поляк по воспитанию и взглядам, служащий Варшавско-Петербургской железной дороги, назначенный Авейде комиссаром Центрального комитета в Литве. Зная, что Калиновский, обойдя шляхту, чрезвычайно сузил огромное поле деятельности и даже сделал его бесплодным, он сам занялся этим делом, неспешно расширил эту организацию, отдав ее под непосредственное управление Центрального комитета. Белостокский округ, где уже основы организации были заложены Шварце, отдал в руки названного Комитета, а во всей Литве, согласно декрету от 18 октября о народном налоге, собирал эти налоги и отправлял их в Варшаву. Эти действия не могли долго укрыться от зоркого ока Калиновского, который хотел устранить Дюлерана и начал переговоры с Варшавою, споры, все усиливающиеся...

Z. L. S. [W. Przyborowski]. Historia dwóch lat. Kraków, 1896. S. 313—315.

[1] Пшиборовский Валерий (псевдоним Зыгмунт Люциан Сулима) (1845—1913) — польский историк и писатель, участник восстания 1863—1864 гг. Автор ряда работ, посвященных восстанию («Последние дни январского восстания», «История двух лет», «События 1863 года»), в которых подверг острой критике деятельность руководителей восстания.

Из «Сведений о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России» В. Ф. Ратча

...Действительно, Литовский провинциальный комитет представляет целый ряд своеобразных явлений. При его образовании единовременно с Варшавским центральным из бывшего Виленского комитета заговорщиков многие влиятельнейшие его члены убыли... Положенное число пяти членов составили: генерального штаба капитан Звердовский, служащие при железной дороге поручик Малаховский и Эдмунд Вериго, прежний кавказский офицер, а потом лекарь Длуский и окончивший курс кандидатом в Петербургском университете присланный оттуда Константин Калиновский...

Постоянным его (Звеждовского) противником был Константин Калиновский, сын шляхтича, ткача из-под Свислочи, местечка Гродненской губернии... Он понимал

дело мятежа в таком смысле, что «топор не должен остановиться и над колыбелью шляхетского ребенка» и что «такой бестолковой башке, как Варшава, нельзя вверять будущую судьбу Литвы».

Первым делом, предстоящим Комитету, было образование организации, т. е. того польского управления из заговорщиков, которому поручалось окончательно приготовить местный мятеж и с его началом заместить правительственные власти. Белые, по объяснению варшавского главного распорядителя заговоров, «смотрели на восстание, как на свое домашнее дело, они рассчитывали иметь по уездам двух-трех человек, которые поведут дело, в каждом пане имея послушного помощника»... Красные, пропитанные учениями и теориями централизации, с мятежами хотели произвести и социальную революцию; они понимали, что в землевладельцах найдут недоброхотных участников. Силою мятежной организации красные хотели произвести дело с прочным за собою утверждением власти, для того учредить уголовный суд (трибунал) с немедленною карою за неповиновение (жандармами-кинжальщиками и вешателями). Местная организация должна была состоять из начальников: воеводского (губернского), поветового (уездного), окренгового (станового) и парафиального (приходского), для сбора податей назначались особые сборщики; для местных шаек — довудцы [a], а по воеводствам — военные воеводы. Кроме того, от высшей революционной инстанции (комитета) в каждое воеводство назначался комиссар полновластным распорядителем местных средств и наблюдателем за исполнительностию получивших мандат или номинацию, т. е. назначение на должность.

Белые подготовляли свою организацию, когда, по их расчетам, для их деятельности настанет безопасное, пригодное время; красные ими назначались для начала действий, а потому белые от всех подобных номинаций красных и отказывались. Звержидовский рассчитывал по своим видам на надежнейших красных; но Калиновский, который создавал свои крайне красные проекты и целый год ходил по деревням и по корчмам, находил, что одно только средство увлечь народ, именно раздать всю поземельную собственность крестьянам и из среды землепашцев составить организацию. Он заявлял, что укажет из мелкой шляхты и из крестьян на способные личности, которые сумеют панов принять в руки; Калиновский заявлял, что

[a] Довудца — командир.

при подобных назначениях мятеж станет делом населения, что оно тогда увидит, что сулимый дар земли не одни только праздные обещания. Он хотел притянуть к себе народ, далеко выйдя из границ наделов, отдать всю землю крестьянам и из среды крестьян выбрать личности для исполнения своего плана...

Константин Калиновский, едва кому известный шляхтич, младший в многочисленном прежнем Виленском комитете заговорщиков, непреклонно настаивал на принятии его мнений и превзошел всех членов требовательностию своих предначертаний. Звердовский колебался между внушениями его петербургских друзей и внушениями Калиновского, но когда, по уведомлению из Варшавы об его участии в заговоре, этот первенствующий член красного Литовского комитета был переведен на службу в Гренадерский корпус в Москву, то влияние Калиновского начало возрастать еще быстрее и оно вполне обозначилось при другом возникшем споре — с Центральным варшавским комитетом — споре о национальностях...

Константин Калиновский, с настроением герценовской школы, во главе честолюбивейших личностей из красных литвинов, настойчиво проводил идею о самостоятельности Литвы...

Ратч В. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Т. 1. С. 181—184.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К. КАЛИНОВСКОГО

1838 год

21 января (2 февраля) — В деревне Мостовляны Гродненского уезда в семье безземельного шляхтича — владельца небольшой мастерской льняных изделий Семена Стефановича Калиновского родился сын. По католическому обычаю его нарекли двумя именами: Викентий и Константин.

1847 год

К. Калиновский поступает в Свислочскую гимназию.

1849 год

Семья Калиновских переезжает в имение Якушовка Волковысского уезда Гродненской губернии.

1852 год

К. Калиновский окончил Свислочское уездное училище (преобразованное из гимназии в 1851 году).

1855 год

Конец года — После предварительной подготовки К. Калиновский направляется в Москву для поступления в университет.

1856 год

После 12 июля — Братья Калиновские (Виктор и Константин) переезжают в Петербург.

5 октября — К. Калиновский зачислен в Санкт-Петербургский университет студентом 1 курса разряда (отделения) камеральных наук в составе юридического факультета.

1858 год

В Петербурге оформилась польская нелегальная организация, в состав которой входили слушатели военных академий, студенты, чиновники; среди них было много выходцев из Литвы и Белоруссии. Руководители организации — офице-

	ры Генерального штаба Сигизмунд Сераковский и Ярослав Домбровский, активные участники — Виктор и Константин Калиновские.

1860 год

28 июля	К. Калиновский получает свидетельство об окончании Санкт-Петербургского университета.

1861 год

21 января	Попечитель Петербургского учебного округа утвердил К. Калиновского в степени кандидата. Тема научной работы неизвестна. Защита ее произошла в начале 1861 года.
17 февраля	«Викентий Константин Семенов сын Калиновский... 22 лет от роду» получил диплом кандидата прав за № 361.
2 марта	К. Калиновский подает прошение виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову о поступлении на службу.
Март	Пребывание К. Калиновского в имении Якушовка, у отца, затем отъезд в Гродно.
Осень	В Вильно оформился Комитет движения как центр подготовки восстания в Литве и Белоруссии. К. Калиновский входит в состав комитета.

1862 год

Лето	Комитет движения принял название Литовского провинциального комитета.
Начало июля	Вышел в свет первый номер «Мужицкой правды».
Конец августа	Вышел второй номер «Мужицкой правды».
Сентябрь	Вышел третий номер «Мужицкой правды».
22 октября	К. Калиновский становится во главе Литовского провинциального комитета.
27 октября	В канцелярии гродненского генерал-губернатора заводится «Секретное дело о дворянине Калиновском, распространявшем возмутительные брошюры между крестьянами». К. Калиновский переходит на нелегальное положение.
Октябрь	Вышел четвертый номер «Мужицкой правды».
Ноябрь	Вышел пятый номер «Мужицкой правды».
Ноябрь—декабрь	К. Калиновский поселяется в Вильно.
20 декабря (1 января 1863 г.)	Вышел первый номер газеты «Chorągiew swobody» («Знамя свободы») — органа Литовского провинциального комитета. Редактор газеты — К. Калиновский.
Декабрь	Вышел шестой номер «Мужицкой правды».

1863 год

Между 10 и 20 января	Литовский провинциальный комитет принял решение поддержать начавшееся в Польше восстание.
7(19) февраля	В Вильно вышел второй номер газеты «Знамя свободы». В номере содержится призыв к восстанию.

Конец февраля	Роспуск Литовского провинциального комитета и образование «Отдела, управляющего провинциями Литвы».
Конец марта	К. Калиновский получает мандат на пост революционного комиссара Гродненского воеводства. Под фамилией Чарноцкого он выезжает в Гродно, а затем в Белосток.
Начало июня	К. Калиновский возвращается в Вильно и входит в состав «Отдела, управляющего провинциями Литвы».
Около 11 июня	Вышел в свет седьмой номер «Мужицкой правды».
14(26) июня	В Вильно объявлено о переименовании «Отдела, управляющего провинциями Литвы» в Исполнительный отдел Литвы.
22 августа	К. Калиновский — полномочный комиссар Литвы и Белоруссии.
Середина октября	К. Калиновский под фамилией Витоженца поселяется в квартире чиновника Жебровского.

1864 год

28 января	Арест К. Калиновского.
29 января — 10 марта	К. Калиновский пишет в тюрьме «Письма из-под виселицы».
1 марта	Суд над К. Калиновским. Приговор: «...Викентия Константина Калиновского, 26 лет, за принятие звания члена революционного комитета Литвы, а после того главного распорядителя восстания в здешнем крае, а вместе с этим за измену государству, склонение к бунту жителей... казнить смертию расстрелянием» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 280, л. 40).
4 марта	Подписано заключение Полевого аудиториата по делу К. Калиновского. Аудиториат постановил казнить его «смертию повешанием» как «самостоятельного распорядителя в течение нескольких месяцев восстанием во всем Литовском крае» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2. д. 280, л. 44—48).
10(22) марта	В 10 часов 30 минут утра К. Калиновский казнен на Лукишской площади в Вильно.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Документальное научное издание
К. КАЛИНОВСКИЙ.
Из печатного и рукописного наследия

Заведующий редакцией А. В. Сапун
Редактор А. А. Подзярей
Художник В. А. Жаховец
Художественный редактор И. Г. Славянин
Технический редактор Л. Л. Мастерова
Корректор Л. Г. Кузьмина

ИБ № 3890
Сдано в набор 28.10.87. Подп. в печ. 16.12.87. АТ 08307. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага тип. № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 10,92+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,14+0,82 вкл. Тираж 15 000 экз. Зак. 868. Цена 70 к.

Ордена Дружбы народов издательство «Беларусь» Государственного комитета БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 220600, Минск, проспект Машерова, 11.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.